

Людмила Орлова

Куклы и люди

Людмила Орлова

Куклы и люди

**О ярославских, архангельских
и русских северных куклах из коллекции
Л. Орловой и А. Найдена**

*Книга написана при участии
Александра Найдена*

Киев
Издательский дом «Стилос»
2011

ББК 85.125(4РОС)я6

О-66

Рисунки Людмилы Орловой

Фотографии:

Зои Орловой, Людмилы Орловой,
Татьяны Басовой, Сергея Тарана

Автор благодарит Андрея и Ирину Кулешовых (Санкт-Петербург), Бориса Короида (Санкт-Петербург), Виталия и Ларису Кузнецовых (Санкт-Петербург), Антонину Скобликову (Санкт-Петербург), Ангелину Бобок (Санкт-Петербург), Виктора Качалова (Казань), Антонину Шаронову (Рыбинск), Валентину Редкову (деревня Дворково), Константина Качалова (Таганрог), Лию Широчину (Ярославль) за помощь, оказанную при иллюстрировании книги.

Особая благодарность Татьяне Викторовне Басовой за активное участие, моральную и материальную поддержку в деле издания книги

Орлова Л.

О-66

Куклы и люди: О ярославских, архангельских и русских северных куклах из коллекции Л. Орловой и А. Найдена. – К.: ИД «Стилос», 2011. – 176 с.; 48 с. илл.

ISBN 978-966-193-054-3

Долгое время в силу разных причин существование народной куклы воспринималось как нечто второстепенное и несущественное. Однако народная кукла – это не просто обычная детская игрушка, ее корни уходят в глубокую древность, когда она была домашним божеством и помогала человеку выжить в окружающем его мире. В последние десятилетия изготовление тряпичных кукол самими крестьянами практически прекратилось, а в музеях их сохранилось очень мало. Но сейчас многие уже начинают осознавать необходимость изучать такое явление, как народная кукла, с тем чтобы хотя бы частично восполнить те утраты, которые понесло общество, русская культура, не собирая и не изучая этих кукол.

В первой части книги, посвященной ярославской кукле, на фоне воспоминаний автора о жизни и быте рода Гребенщиковых-Качаловых из Ярославской области рассказывается об угасании традиции крестьянской тряпичной куклы во второй половине XX века. Вторая часть, посвященная северным куклам, написана под впечатлением автора о путешествиях по русскому Северу – почти нетронутым цивилизацией местам, во многом сохранившим древний народный быт, костюмы, обычаи, ремесла.

Книга написана на основе коллекции крестьянских кукол, собранной автором в течение пятидесяти лет. Кукла показана в тесной связи с природой и бытом людей, делавших ее, выделены основные признаки, характерные для крестьянских тряпичных кукол, дано описание их внутреннего строения и способов изготовления, представлены схемы, фотографии, рисунки.

Цель книги – возродить интерес к народной кукле и заодно – к духовным основам русской культуры. Книга рассчитана на любителей игрушек, учителей, историков, этнографов, художников.

ББК 85.125(4РОС)я6

© Л. С. Орлова, 2011

ISBN 978-966-193-054-3

*Посвящается моим прабабушкам
Анисье Качаловой и Варваре Гребенщиковой,
бабушке Евдокии Качаловой и ее дочерям,
сохранившим для нас образ древних кукол*

Оглавление

<i>А. Найден. Предисловие</i>	7
Часть I. Куклы и люди Ярославской земли	9
I. Из далекого прошлого. С чего все начиналось	11
Куклы бабы Катерины из Мологи	11
О традиционной крестьянской кукле. Два вида образности	13
О крестьянских куклах и их создателях. Общие рассуждения	15
II. Ярославская деревня и ее обитатели	20
Довоенная фотография	20
Детские игры	24
Лес. «Харчевой ресурс» Казимира Малевича	27
Будни и праздники. День Победы	34
III. Куклы и те, кто их делал	39
Поездка в родные места. В поисках традиционных кукол	39
Город Мышкин	40
В деревнях Дворково и Тимонино. Село Кривец	44
Город Рыбинск	46
Размышления о статье С. Комаровой «“Кукольные мужички” в собрании РЭМ: гендер в предметно-символических кодах культуры»	49
Неожиданное открытие. Похороны «яриловой плешки»	51
IV. Ярославские народные куклы. Конструкция. Образ	55
Возвращение в прошлое	55
Баба Гуся (Августа Григорьевна Малышева)	60
Экскурс в 1969 год в Украину. Открытие значимости внутренней основы народных кукол	68
Бабушка Евдокия Ивановна Качалова (Гребенщикова)	71
Баба Граня (Глафира Ивановна Шаронова)	91
Куклы Ньюши (Анны Ивановны Никифоровой)	98
Куклы моей мамы (Екатерины Тимофеевны Орловой)	102
Куклы коки Тани (Татьяны Тимофеевны Кузнецовой)	108
Куклы Веры (Веры Тимофеевны Кулешовой)	111
Куклы Марии Петровны Соловьевой из Мологского края	113
Кукла Валентины Васильевны Редковой	116
Послесловие к первой части	117

Часть II. Куклы и люди Русского Севера	119
За прялками. Встреча с северодвинской куклой	120
Первая посылка с Севера. Каргопольские игрушки Ульяны Бабкиной ..	122
Ошевенский Погост Каргопольского района. «Крестики»	124
Деревянные идолы в куклах	130
За тусами. Куклы из Черной Горки Красноборского района	134
Усть-Цильма и Замезное. «Горки». За ложками	140
Кукла из Палащеля	154
Кукла Елизаветы Григорьевны Лозинской из села Шеговары	156
Кукла из Вельска	160
Куколки из Заонежья	162
Послесловие ко второй части	167
Коротко о себе	169
Литература.....	174

Предисловие

Эта книга не только о традиционных крестьянских куклах, но и о людях, создавших их, о быте и о той местности, откуда эти люди родом.

В сознании людей куклы жили с детства, но, будучи носителями дохристианских верований, пришли из глубокой древности. Куклы были участниками всех событий в обрядах рождения человека и ухода его из жизни. Кукла была родовая, делали ее из ношенной одежды, хранящей формы и память о душевно-телесной сущности носивших ее людей, женщины нередко пришивали к ней свои волосы. Такая кукла становилась своего рода оберегом.

Куклы каждой территории самобытны и характерны для данной местности. Особенно отличается конструкция, внутреннее устройство, которое скрыто под одеждой. Именно внутреннему устройству уделено особое внимание в этой книге. Основой книги, ее главной эмпирической базой стала коллекция народных кукол, собранная Л. Орловой и А. Найденом в 1960–1980-е годы. Моя первая статья об этих куклах и их внутреннем устройстве была опубликована в украинском журнале «Народна творчість та етнографія» (1978, № 1). Публикация, актуализировавшая вопрос о внутреннем строении крестьянской куклы, по-

явилась в журнале «Декоративное искусство СССР» (1987, № 5). «Люди и куклы» – так называлась моя статья, где впервые были раскрыты роль и значение внутреннего устройства куклы как выражения пластической интуиции жителей определенной местности.

В 1999 году была издана моя книга «Украинская народная игрушка», в которой Л. Орлова как автор идеи разместила схемы и таблицы внутреннего устройства кукол разных местностей и регионов. Именно анализ внутреннего устройства народных кукол дал основание Л. Орловой утверждать, что «в кукле закодированы представления наших предков об устройстве Вселенной; через куклу человек общался с потусторонним миром».

В книге уделено должное внимание рукоделию. Оно неотделимо от кукол: тот же исходный материал (полотно, нитки) и те же женские руки. С развитием промышленности отпала необходимость прясть, ткать в домашних условиях. Новые материалы дали толчок развитию новых видов рукоделия. Оно стало поистине массовым искусством, причем коллективным. Эти изделия повторялись множество раз, образцы переходили из рук в руки. Вышитые и вытканые панно, коврики, наволочки, салфетки, подзоры,

скатерти в 1930–1950-е годы украшали убогие жилища крестьян и жителей провинциальных городов. Искусствоведы называли это искусство мещанским, музеи его образцов не собирали и не хранили. Но все же это была жизнь миллионов людей, их мечты о красивой жизни.

Крестьянское рукоделие, быт, труд, питание («харчевой» фактор),

способы добывания пищи, родовые традиции и семейные взаимоотношения, дом и окружающая его природа, устои повседневности и праздничные действия – вот та среда, образные основы которой воплощают крестьянские куклы, фигурирующие в этой книге.

Александр Найден

Часть I

**Куклы и люди
Ярославской земли**

Мои прабабушки
Анисья Качалова
и Варвара
Гребеницкова,
бабушка Евдокия
Качалова и ее дети
Катя, Таня, Валя.
1915 г.

С. И. Калитковъ
Биб. Домъ — Могилки

*Солнце детства нагревало тогда пыль
дорог, и своя жизнь была вечностью среди
синей смутной земли.*

Андрей Платонов

I. Из далекого прошлого. С чего все начиналось

Куклы бабы Катерины из Мологи

Первая моя встреча с подлинной крестьянской куклой памятна тем, что я очень ее испугалась. Дело было так. В нашей деревне Дворково (Ярославская область, Мышкинский район), о которой в связи с куклами более подробно расскажу в дальнейшем, поселилось несколько приезжих семей из Мологского края. Поселилось еще до войны, в связи с затоплением той местности водами Рыбинского водохранилища. И уже во время войны, году в 1942-м, когда мне было восемь лет, к этим мологским переселенцам приехала погостить баба Катерина – бабушка моей подружки Нинки Вараковой. И вот однажды произошел такой случай. Мы, девчонки, бегали у них во дворе. Играли. И вдруг слышим, нас зовет баба Катерина:

– Девчонки, идите, я вам что-то покажу!

При этом она достала что-то из передника и поставила у своих ног на траву.

– Вот вам куклы, – говорит.

Некоторое время, почти оцепенев, смотрим на кукол. А они, все три, смотрят на нас. Головы у них белые, лысые, не покрытые платком. Немигающие глаза черными точками как

бы сверлят нас. В них есть нечто притягательное и в то же время отталкивающее. Что-то чужое, темное и непонятное. Когда прошел первый испуг, мы закричали:

– Это не куклы! Нам такие не нужны!

И с этими словами убежали подалее. Странное дело – эти куклы вспоминались мне через много лет как родовые реликтовые раритеты, донесшие до нас образцы языческих божеств. Естественно, они нас испугали – эти столбики (без рук, без ног) с головами странной конфигурации, перевязанными льняной нитью, напоминающими головы каменных баб. Они не были даже отдаленно похожи на привычных нам магазинных кукол, в которые мы играли. И так же, как для нас эти куклы показались необычными, странными, неприемлемыми как игрушки, так и для бабы Катерины, крепкой, дородной, пожилой мологской крестьянки, странной показалась наша реакция на кукол. Этого она не ожидала. Ведь сама она в детстве играла именно такими куклами. И вот: хотела порадовать, а получилось – напугала. Куклы эти в конце концов были брошены в печку.

Вот так состоялась моя первая встреча с крестьянскими куклами. Что в них оказалось для нас – девочек – странным и неприемлемым? Думаю, их древность, тот атавизм, который запечатлен в их образах. Подлинная крестьянская кукла таит в своей основе божество – божество-оберег и божество-жертву. Подобный образ содержали в себе масленичные куклы. У нас их делали, как я узнала позже, подобным образом: сноп соломы с головой, перетянутой бечевкой, похожей на голову тряпичной куклы. Помню, как их сжигали за деревней в одном определенном месте. Но кукла-Масленица была размером в челове-

ческий рост и одета в рваные кофты, юбки, что придавало ей более натурально-человеческий вид. Кроме того, она была шаржированной. Ее сжигали, народ веселился, дети радовались, взрослые пели песни и пританцовывали. Праздник достигал апогея тогда, когда огонь костра набрасывался на куклу, она вспыхивала с треском, становилась огненной и рассыпалась искрами. При этом народ восторженно кричал: «Прощай, Масленица!». Кукол бабы Катерины постигла та же участь. Только сгорели они не прилюдно, не при восторженных криках и всеобщем ликовании.

Реконструкция кукол бабы Катерины сделана Л. Орловой

О традиционной крестьянской кукле. Два вида образности

В подлинной крестьянской кукле наряду с родовым началом есть еще нечто сокровенное, что связано с бытом, с бытовой повседневностью жизни в избе и вокруг нее. Эту грань крестьянской куклы можно назвать интимной. Дух избяного интима присутствует и в форме куклы, и в ее образе. Конечно, кукла, даже сделанная для детской игры, представляет собой нечто большее, чем игрушка. И большее значительно. Она – из одежд, которые носили близкие люди, и сделана родными руками, и впитала в себя запахи избы, печи, самовара, бревенчатых стен, запах бабушкиного сундука и маминого лоскутного одеяла. Крестьянская кукла – собирательный образ семьи, быта, отношений в избе и с соседями, собирательный образ деревни – и той деревни, какой она была во время создания куклы, и деревни далекого прошлого, когда кукла еще служила божеством и оберегом.

И тут вновь возвращаюсь к интимно-сокровенным проявлениям родового начала в кукле – подлинной, аутентичной крестьянской кукле.

Не всякий даже сейчас готов принять и по достоинству оценить эту куклу, разглядеть в ней то древнее и сокровенное, что делает ее посредником между тобой, пребывающим в пространстве сейчас-действительности, и тобой, пребывающим в пространстве прошлого, в мире атавистических отношений и закономерностей.

Собирая и исследуя кукол, я пришла к выводу, что те из них, кото-

рые создаются в крестьянской среде, в частности в деревенской среде Ярославской области, для удобства изучения стоит разделить на два типа: куклы канонической образности и куклы привнесенной образности. Собственно, внутренняя конструкция у первых и вторых одна и та же или почти одна и та же, только в первом случае она служит основой иконографии, а во втором – иконографическую роль исполняют одежда куклы и дополнительные аксессуары. В такой кукле, как правило, образной основой являются мещанские или, точнее, провинциально-мещанские черты. В дальнейшем я обращусь к этим куклам, которые имеются в нашей коллекции, сейчас же продолжу рассказ о куклах канонической образности (первый тип). К ним относятся напугавшие нас куклы бабы Катерины. Конструкция (внутреннее строение) такой куклы либо полностью обнажена, либо минимально прикрыта. Образность такой куклы основывается на пластической и статуарной условности. Принять эту условность, увидеть в ней красоту способен либо человек – плоть от плоти этой среды, выросший в ней, в ней сформировавшийся, либо человек, занимающийся искусством, знакомый с шедеврами мировой культуры. Формы таких кукол, их ритмо-пластическая образность соответствуют современным представлениям о форме и ритмо-пластических основах, выработанных Матиссом, Филоновым, Пикассо, Древним и другими. Мы же в детстве хоть

и считались ярославскими, но были далеки от тех подлинных раритетов крестьянской куклы, которые сохранились в более архаическом по роду занятий и жизненному укладу Мологском крае. Если наши деревни – Тимомино, Дворково, Зарубино – примыкали к купеческо-мещанскому Мышкину и многие их жители издавна занимались торговлей, разными ремеслами, были причастны к отхожим промыслам, пребывали в услужении у богатых хозяев в больших городах, то обитатели Мологского края, более отдаленного от центра цивилизации и имеющего свои традиции, свои жизненные и житейские каноны, были в большинстве подлинными крестьянами-хлебопашцами и лесовиками. Те переселенцы, которых вынесли к нам воды Рыбинского водохранилища, отличались от нас как своим укладом (характером интерьеров, отсутствием излишеств в убранстве избы, посуде, одежде), так и взглядом на жизнь, на ее бытийную сущность. Их у нас называли общим словом – «молога», которое в некоторых устах звучало пренебрежительно. У меня же с этим словом ассоциируются люди простые или даже прямолинейные, открытые, неприхотливые в еде и одежде, содержащие в себе некие давние первозданные бытийные основы. Соответственно, и куклы у них сохраняли реликтовые черты.

Недавно я попыталась реконструировать кукол бабы Катерины, воссоздать то, что я видела в детстве и что меня испугало. Не знаю, какой степенью схожести обладают те куклы, что у меня получились, – столбики без рук и ног, с непомерно большими головами, перетянутыми нитками, с выпуклостями в районе груди, полу-

ченными в результате перетягивания ниткой крест-накрест. Глядя на них, вспоминаю нашу дворковскую «мологу», те четыре семьи – Орловых, Свешниковых, Антоновых, Вараковых, – поселившиеся у нас в Дворкове. Теперь только осознаю трагическую сущность появления в наших краях этих людей, вынужденных покинуть места своих предков.

Жизнь проходит, но память держит и возвращает нам прошлое. Пока мы живы, в нас живут те люди, которых уже нет на земле, их дела. Крестьянские куклы содержат в себе их чистые, субъективные черты и вместе с тем – их общий собирательный образ.

Куклы канонической образности

О крестьянских куклах и их создателях.

Общие рассуждения

Куклы дошли до нас от языческих времен. Они занимали сравнительно небольшое место в крестьянском быту. В принципе они представляют собой живую археологию. В ней память народа донесла до наших дней представление о языческом божестве. Последнее таится во внутреннем устройстве, способе и процессе изготовления куклы. Внешний вид куклы, как ранее уже отмечалось, хоть и зависит от внутреннего устройства, но несет в себе более поздние типажно-образные черты. Часто народной куклой считают сувенирную этнографическую куклу в национальном костюме. Крестьянская же кукла не повторяет этот костюм, а подает его образ (бытовой, праздничный или обрядовый) условно. Условность, как уже говорилось, — основа ее образности. Но в типажном отношении кукла близка к человеку. Она бывает простодушной, наивной, открытой, любопытной, веселой, с лукавинкой, излучающей приязнь и дружелюбие. Но бывает и сложной, таинственной, замкнутой в себе, таящей внутри что-то свое, непростое, а иногда бывает страшной, но притягательной. За куклой стоит ее создатель — человек. В кукле живет человек с его бытийными основами и национально-историческим опытом. Без этих качеств народная кукла была бы просто неинтересной, поскольку утратила бы большую часть своей значимости — как информативной, так и духовной, связанной с исторической и фольклорной памятью народа, а также с его моральными установками и духовными накоплениями. Имея в виду все эти черты,

свойства и качества, можно говорить о феномене народной куклы.

В наше время уже почти невозможно встретить подлинную домашнюю куклу. Она не просто забыта, а исчезла сама потребность в такой кукле. Но кукла еще живет во многих бабушках, живет скрытно, так, что человек вовсе не подозревает, что он является носителем традиций. Если удастся упросить женщину сделать куклу, то при благоприятном стечении обстоятельств происходит чудо. Женщина вдруг в одночасье вспоминает, выводит из темноты подсознания образ той куклы, которую делали ее предки. Она откуда-то знает, с чего необходимо начать работу над куклой и чем нужно ее завершить. И что характерно: все пожилые женщины Ярославской области, где бы они ни проживали — в Москве, Петербурге, Мышкине, в деревне Тимонино или других деревнях, еще в 1970-е годы делали кукол одного определенного типа, наделенных очень близкими чертами образности, одинаковыми внутренними конструкциями и внешними приметам. Но в то же время все куклы были разными, индивидуальными и в чем-то похожими на своего создателя. Похожими не только внешне — чертами лица и фигурой, но и какой-то едва уловимой внутренней сутью. Может быть, эта суть есть образ? Трудно сказать. Но бывали случаи, когда принцип похожести переходил в адекват родового символа и оберега.

В этой связи вспоминаю эпизод, когда кукла во второй раз, после уже упомянутых кукол бабы Катерины,

меня испугала и вызвала определенную неприязнь. Это была кукла моей бабушки Евдокии Ивановны Качаловой. Я думала, что бабушка сделает мне куклу наподобие той, что несколько раньше смастерила мне баба Гуся, о которой рассказ в дальнейшем. Во всяком случае, представлялось, что куколка будет небольшой, компактной, в духе местных традиций.

Долго упрашивать бабушку не пришлось. Она охотно согласилась, так как в Ленинграде, где жила с 1958 года, ей было одиноко, не хватало деревенских забот, крестьянского труда. И вот я иду к бабушке (она жила у своей дочери Вали – сестры моей мамы), предвкушая встречу с новой ярославской куколкой...

Очень часто несоответствие желаемого и действительного вызывает у нас неприятие и резкий протест. Почему-то мы не можем в этих случаях быть чуткими и терпимыми. Разочарование от неустрашения с ожидаемым ослепляет нас и делает невозможной объективную оценку. Бабушка достала из-за дивана куклу и сказала:

– Вот тебе ярославская растрепка.

И – о Боже! Кукла оказалась совсем не такой, как куколка бабы Гуси. Во-первых, она была большой (где-то 60 см высотой). Во-вторых, это была игровая кукла с руками и ногами. Видимо, таких кукол бабушка делала своим дочерям, когда они были маленькими. И, в-третьих, самое главное, у куклы были человеческие волосы: бабушка пришила к голове куклы свои седые волосы. Этот факт (наличие седых волос), кроме некой брезгливости, породил во мне что-то вроде чувства мистического страха. Конечно, это не был всепоглощающий страх, от которого человек цепенеет или пускается наутек. Это был страх, связанный с не-

приязнию, каким-то почти физическим дискомфортом. Волосы. Я несколько раз ездила в археологические экспедиции и видела в раскопанных древних могильниках сохранившиеся человеческие волосы. Поэтому от бабушкиных волос, пришитых к голове куклы, на меня пахнуло чем-то темным, могильным, связанным не только с кукольным условно-образным началом, но и с реальной физиологической конкретикой нашей родовой экзистенции – существования. Я тогда не знала (да если бы и знала, все равно не смогла бы преодолеть первого порыва неприязни), что натуралистическая деталь – бабушкины волосы – есть как раз сохраненный с древних времен родовой обычай оберега, передаваемого от бабушки внучке.

Вот что пишут известные исследователи народных кукол Галина и Мария Дайн в книге «Русская тряпичная кукла»:

«Бывало всякую волосинку за зеркальцем хоронили – это кукле на косу», «косу обязательно сплетем, что уж за девка без косы, и прическу с чупом разберем, и косицами обведем», – вспоминают свои детские увлечения жители ярославских деревень. Это живые свидетельства обрядовой роли куклы.

Народная традиция наделяла волосы, особенно женские, огромной энергетической силой солярного божества. Сплетенная из трех прядей, светонесущая коса символизировала гармонию троичности мира... Пришивая настоящие волосы на куклу, ее тем самым приобщали к семье, игрушка становилась «кровным» передаточным звеном в родовой цепочке»¹.

¹ Дайн Галина, Дайн Мария. Русская тряпичная кукла: Культура, традиции, технология. – М., 2007. – С. 24.

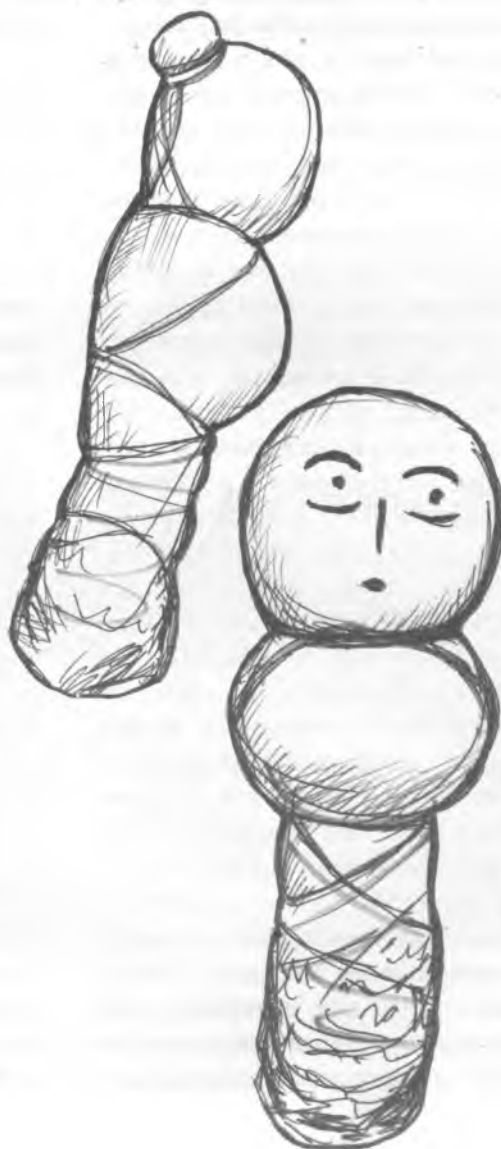
Хоть я не высказала бабушке, что разочарована этой куклой, но попросила ее сделать мне маленькую куклу. Кроме того, я эту куклу не взяла, и она вскоре была разобрана. Когда я, одумавшись, за ней пришла, было уже поздно. Впоследствии бабушка сделала мне маленькую куколку – с пришитыми руками и ногами, с косым крестом из ниток на груди. Голова ее была несколько удлиненной (по горизонтали) формы с небольшим узелком,

перетянутым нитками на затылке. Кукла и сейчас хранится в нашей коллекции. Интересно, что много позже, когда я, будучи в Москве (где-то в середине 1970-х годов), посетила Музей игрушки в Загорске (теперь Сергиев Посад), то единственная там ярославская кукла, хоть по внешнему виду (не по конструкции) и отличалась от бабушкиной куколочки, но имела тот же самый перетянутый нитками узелок на голове.

Самая древняя из известных мне ярославских кукол. Загорский музей игрушки.

Зарисовка сделана в 1973 г.

Когда я смотрю на кукол из нашей коллекции – ярославских, архангельских и собранных в разных местностях Украины, я задаю себе вопросы, может быть странные и тут неуместные: что такое есть куклы? Можно ведь было бы обойтись и без них. Можно было бы их не вспоминать, не собирать. Так почему мне очень неясно, туманно вспоминаются те куклы, нарядные, покупные, которыми я играла, и четко, в фокусной резкости стоят перед глазами куклы бабы Катерины из Мологи? Ответ на эти вопросы не может быть однозначным и категоричным.

Народные куклы, как я понимаю, относятся к изобразительному фольклору. В своей основе они не комплементарны, не приукрашивают действительность. Они правдиво говорят о бытовой, повседневной среде, их породившей. Они воплощают одну какую-то важную черту этой среды, то есть крестьянской среды примерно пятидесятилетней давности, с архаикой ее обрядов, самого уклада, трудовых и коммуникативных черт. Внешне они проигрывают и коллекционным куклам XIX в. в бальных платьях, и нарядным, женственным, с утонченным шармом пресловутым Барби и Синди, созданным по всем правилам современного дизайна. Эти последние обычно имеют богатый гардероб, их можно переодевать, меняя ампула. Они – порождение новой телевизионной культуры, воплощение культа топ-моделей, кинозвезд, эстрадных див. Телевизор служит их питающим средством, они подключены к нему, как больной бывает подключен к дыхательному аппарату. Исчезни телевизор – и они потеряют свою образную основу. Наши крестьянские куклы также внешне проигрывают

нарядным сувенирным куклам в праздничных национальных костюмах. Эти куклы, приспособленные к массовым вкусам, образно ограничены и функционально однозначны. Ярославские крестьянские куклы – куклы-идолы, «ярославские растрепы», игровые куклы в крестьянских и мещанских костюмах – внешне неказисты, лишены какой-либо яркости, с виду замухрышки – серые, бедные в цветовом и декоративном отношении. Но их богатство в их традиционности: в каждой такой кукле живет идол-оберег и идол-жертва. Как правило, они сделаны в трудные времена, в годы лихолетья, или сравнительно недавно – в 1970–1980-е годы – но людьми, пережившими трудные времена, чье детство прошло в дореволюционную пору либо относится к 1920–1930-м годам и в самом крайнем случае приходится на годы войны – 1941–1945. Но и для многих людей из этих поколений красота крестьянских кукол остается недоступной. Нужен немалый запас культурного опыта, чтобы оценить эту красоту, увидеть в кукле воплощение определенного времени, в котором еще сохранилась языческая архаика и традиции наших предков.

Фактически эти куклы – памятный и собирательный образ бытовой, повседневной, трудовой, праздничной и обрядовой среды, суть которой есть часть и нашей сути, и сути наших детей, внуков и правнуков. Мне кажется, человеческий вид крестьянской куклы не относится к постмодернистскому симулякру – имитационной модели, а есть подлинным образом нашей родственной целостности в единении с близкими людьми, предками и потомками, окружающей нас природой и согревающей и кормящей нас

повседневной бытовой основой. Поэтому нахожу возможным предложить читателю небольшой экскурс в то прошлое, в котором эти куклы создавались, в котором они еще частично были обычным явлением, таким же, как горящие в русской печи дрова, кипящий на семейном столе самовар, дрожащий свет керосиновой лампы. Это возвращение в прошлое поможет более глубоко понять образ крестьянской куклы. Еще в XIX в. Н. Добролюбов давал совет собирателям народных песен и сказок: «... нам кажется, что всякий из людей, записывающих и собирающих произведения народной

поэзии, сделал бы вещь очень полезную, если бы не стал ограничиваться простым записыванием текста сказки или песни, а передал бы и всю обстановку, как чисто внешнюю, так и более внутреннюю, нравственную, при которой удалось ему услышать эту песню или сказку». Следуя этому совету, позаимствованному из книжки «Карельские народные загадки», я тоже не стану ограничиваться одними куклами как неким феноменом, изъятым из крестьянской среды с ее бытом, праздниками, обрядами, а расскажу об этой среде все, что удерживает еще моя память.

II. Ярославская деревня и ее обитатели

Довоенная фотография

Передо мной старая довоенная фотография. 1940-й год. Деревня Дворково. Ясный, солнечный день. Около нашего бревенчатого дома сидят три молодых мужика. Один в сапогах, двое босиком. Это переселенцы из Мологи – Свешников, Вараков и Орлов. Справа на жердях изгороди девочка лет пяти. Сзади еще две девочки десяти и двенадцати лет. Девочка лет пяти – я, десяти и двенадцати лет – сестры моей мамы – Тоня и Вера. Вскоре начнется Великая Отечественная война. Все три мологских мужика уйдут на фронт и погибнут, погибнет и сделавший эту фотографию мой отец

Семен Павлович Орлов¹. Останемся я, две мои малолетние тетки, еще моя мама – Екатерина Тимофеевна, тетя Валя и тетя Лида, а также дядя Костя, которому в то время было 13 лет. Все – дети моей бабушки Евдокии Ивановны Качаловой по мужу, а в девичестве – Гребенщиковой.

Время войны. В деревне настоящий матриархат. Двадцать пять дворов – и во всех главенствуют бабы. Всего два мужичка: столяр, старик с белой окладистой бородой, весь в стружке, который делал сани и санки, бочки

¹ В деревню Дворково с войны не вернулся ни один мужик, все погибли.

Довоенное фото

Дворковские мужики, переселенцы из Мологи, Свешников, Вараков, Орлов

Фото сделал мой отец, Семен Павлович Орлов

Никто из них не вернулся с войны...

Семья бабушки Евдокии Качаловой. 1939 г.

и кадки, да маленький тщедушный дед Петруша-пастух. По утрам он играл на рожке, созывая коров.

Вся жизнь в деревне держалась на бабах. Они и пахали, и лес валили, и траву косили, на колхозных полях сеяли и жали серпами рожь, выращивали лен, садили и копали картошку.

Основными культурами в колхозе военных времен были рожь, лен, картошка. В меньшем количестве – пшеница, ячмень, овес, горох, клевер. Рожь – это основной хлеб. Почти весь урожай сдавали государству. На трудодень получали где-то до 300 г, а в самые тяжелые времена – еще меньше. Эти триста граммов надо было распределить на всю семью; и то, если в семье был один работник, люди голодали. Хлеб пекли из мякины, добавляя разные травы, корни, картофель.

В нашей семье основным работником в течение года была мама, а летом работали все; даже я в свои десять лет в сорок четвертом году заработала

27 трудодней. Труд был непосильный, изнуряющий. Большую часть времени проводили в колхозе (в полях, на ферме, в лугах), но работали еще и на огородах дома. Эти огороды да еще коровы, которые были практически в каждом дворе, являлись основным источником нашего существования. А мама, бабушка и тетя Валя были тем стержнем, на котором держалась наша семья в эти трудные годы.

И все же воспоминания о тех годах – светлые. А детство мое было прекрасным. Убогость жизни была, так сказать, общим местом, и фактически таковой не осознавалась. Не осознавалась тогда и огромность жизни, ее грандиозность, ее сфокусированность на мне, на моменте моего «я», в котором безначальность жизни переходит в ее бесконечность. Возможно, это было результатом непосредственной моей связи с Природой. Бесконечность Жизни и бесконечность Природы сходились и пересекались во мне и во всех

Дворковская бригада в поле. Жатва. 1939 г.

нас, в нашем быту, бытовой среде с ее повседневной работой, редкими, скупыми праздниками, обрядами и угощениями ввиду скудности средств. Но сколько было тепла и простодушия в нашем семейном общении, в наших каждодневных застольях. Орефлексируемым моментом в этой жизни было то, что где-то идет война. Хотя фронт подходил близко, но до нас немцы не дошли. Над нашими головами пролетали тяжелые немецкие бомбардировщики. Этот звук до сих пор сидит в сердце. Это были не те самолеты-аэропланы, которым до войны мы, дети, кричали: «Аэроплан, аэроплан, посади меня в карман!..». В лугах недалеко от деревни был наблюдательный пункт. Возле него в землянке жили две веселые девушки-связистки. Они следили, в каком направлении летят немецкие самолеты. В школе на

уроке пения мы разучивали песню «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой!». Когда цвели черемуха и сирень, вечерами почему-то хотелось быть на улице, где деревенские девушки пели «На позицию девушка провожала бойца», «Ой, туманы мои, растуманы», частушки, например такую:

Полюбила лейтенанта
И ремень через плечо.
Получает много денег
И целует горячо.

Сосед наш Тоха Орлов, атаман местных мальчишек, в 16 лет сбежал на фронт, да так и не вернулся.

С фронта почтальон изредка приносил треугольники писем от отца. На них стояла печать: «Проверено цензурой». Письмо – значит жив. Читать там было нечего, но перечитывали

по многу раз. Бабушка при свете лампы подолгу молилась на коленях перед иконами о спасении воинов. А в зимние вечера, сокрушаясь, говорила: «Как они там, бедные, в холоде, в голоде, на снегу, на ветру...» Плакатов не было, газеты появлялись изредка, а лозунг «Все для фронта! Все для победы!» звучал повсеместно. Девушек и женщин посылали рыть окопы, зимой – на лесозаготовки, летом – на торфоразработки. На фронт всей деревней слали посылки с теплыми вещами. Шили рукавицы. Вязали из овечьей шерсти носки. Вышивали кисеты и наполняли их табаком-самосадам. «Все для фронта! Все для победы!»

Открытка от отца с фронта.

В своих письмах я ему посылала засушенные цветочки и лист табака на самокрутку

Детские игры

В мое время дети играли не только в кукол и войну, о которых речь впереди, но были еще и игры, довольно распространенные, сопровождавшие не только наше детство, но, думается, детство многих людей в разных краях и землях. Всем известные прятки у нас назывались «коронушки»; были еще «жмурки», «казаки-разбойники», «двенадцать палочек», «лунки», «ножички». Наиболее часто и с большой охотой играли в шумную, захватывающую игру — «лапту».

Почти не помню, чтобы кто-то из взрослых делал игрушки для детей. Но зато мы сами их придумывали и находили в природе. С первым весенним теплом на местах пригрева появлялись красные в черной «амуниции» жуки-«солдатики». Тихие, безобидные «божья коровка» «стартовали» в небо с указательного пальца вытянутой руки. Мы кричали им вслед:

Божья коровка,
Полети на небо,
Там твои детки
Кушают котлетки.

Вечерами после захода солнца в воздухе носились и гудели, как бомбовозы, майские жуки. Мы бегали за ними с ветками и старались сбить. Зажмешь такого жука в кулачок, а он борется, цепляется лапками, чтобы выбраться. Еще лучше посадить его в спичечный коробок и, приложив к уху, слушать, как он царапается.

Целый день можно было гоняться за разноцветными бабочками, стрекозами и кузнечиками.

Когда начинала куковать кукушечка, обычно спрашивали у нее: «Кукушка, кукушка, сколько лет мне жить?», — и, спросив, с замиранием сердца считали, кому сколько накукует.

Где-то в кустах находили гнездышки с маленькими пестрыми яичками; потом через некоторое время там оказывались желторотые птенчики и где-то вблизи — испуганная, переполошенная птичка.

Иногда бабушка приносила решето с несколькими надтреснутыми яйцами, из которых тут же, у всех на глазах, вылупливались цыплята, сразу же начинавшие клевать корм. Этих маленьких пушистых цыплят (или гусят) было приятно держать в руках. Они ходили, будто катались, за курицей, гребли лапками. А в небе кружил ястреб. Чтобы его отогнать, мы бегали и громко кричали: «У ястреба гнездо горит и дети плачут».

В конце зимы в избе вдруг появлялось живое чудо — маленький теленок или ягнята, едва стоявшие на неокрепших ножках. Мы кормили их из бутылочки молоком.

С кошкой и котятками играли, как с куклами: заворачивали их в тряпки, учили ходить на задних лапах, заставляли гоняться за привязанной к ниточке бумажкой.

У нас, детей, во время войны главным развлечением была уже упомянутая игра в «войну», а главной игрушкой — пистолет. Его мы сами делали из подходящих сучковатых палок, вырезали из дощечек. Из игрушек были еще «лодочки» из сосновой коры (их

*Перед войной...
Мама и моя кукла «с закрывающимися глазами»*

Куколка с лицом из папье-маше

мастерили мальчики) и тряпичные куклы. Обычно делали не одну куклу, а целую кукольную семью для игры «в дочки-матери». Делать кукол нас учили мои тетки – Вера и Тоня Качаловы, в то время сами еще девчонки.

Бабушка выделяла нам лоскуты, оставшиеся от шитья, и мы создавали своих кукол. Из ветхих тряпок сворачивали туловище-столбик. Верхнюю часть накрывали чистой белой тряпочкой и перевязывали ниткой. Лицо старались сделать гладким, все складки переводили назад, на затылок. Затем скручивали ручки и ножки из целой тряпочки, учитывая нужную длину, и пришивали их к туловищу. Еще неумелые детские ручки чаще всего делали криво, руки и ноги у кукол получались разной толщины и длины.

Мы плакали, а часто и сами смеялись над своими «творениями». Куклам давали имена, особенно если кукла кого-то напоминала, в частности людей, над которыми в деревне подшучи-

вали: убогих, умственно отсталых, но своеобразных людей – Клавдии-дурочки и Поли-«чепо».

Самым приятным делом было одевать кукол.

Кукольная одежда была примитивная. В прямоугольной тряпочке выстригали дырочки для рук. Получалась кофта или платье в зависимости от длины. Перевязывали длинной вязкой – получался пояс. Второй способ: в длинной прямоугольной тряпочке, сложенной пополам, вырезали дырку для головы: получалось платье или сарафан, и опять завязывали пояском.

Изредка шили одежду иголкой. Это делали уже более умелые девочки. Вот эти были нашими «Барби». Красота их зависела от красочности лоскутов. Лицо кукол рисовали чернильным карандашом, намочив тряпочку водой. Получались целые семьи: мать – большая кукла, маленькие – дети. Играя, мы укладывали их спать, ходили с ними друг к другу «в гости».

Кукол прятали в узелок из платка. Играли в основном вдали от чужих глаз: на печке или под крыльцом в полутьме, на задворках. «Посудой» для «гостей» служили осколки фарфора, выкопанные на дороге из кучи мусора. Устраивали куклам «застолья», праздничные «кушанья» были из трав, бу-

тонов, из цветов и ягод. «Лепешки», «пирожки» лепили из глины.

Эти наши куклы создавались непосредственно для игры, а значит, не по ярославскому традиционному способу, что подтверждает обрядовую древность этого способа, которым владели наши бабушки и матери.

*Для игры сами
делали кукол
из лоскутков*

*Куклы сделаны
Дианой Гетьман
с участием
Л. Орловой*

Лес.

«Харчевой ресурс» Казимира Малевича

Детство – это время открытия и познания мира. Все радости, все игры зависели от природы, от времени года. Каждый день природа дарила нам что-то новое. После долгой зимы радовались мы теплоте солнышка, сосулькам с крыши, дружному звучанию капли, первому ручейку в сугробах, проталине с подснежниками; первая зеленая травка, первые липкие, раскрывающиеся почки, первые пахучие листики, первые росы – все будило фантазию, все радовало бесконечной новизной. Очень любили собирать букетики только что расцветших необыкновенных цветов. Золотые одуванчики, маслянистые лютики, крупная, блестящая калужница – «куриная слепота». А вот уже букетики дремы розовой, а затем яркой малиновой смолки. Васильки, колокольчики, «кошачьи лап-

Девочки Вера, Юля и Леля с букетиками

ки», «божьи слезки». Из всего этого можно сплести венок. Кто-то из старших детей уже умел это и делал венки для малышек. Самый первый венок – из одуванчиков, следующие – из ромашек и васильков. В веночках девочки чувствовали себя красавицами, принцессами, брались за руки, веселились, водили хороводы. Лето дарило нам все новые и новые цветы до самой глубокой осени: мать-и-мачеха, ландыши, незабудки, купавки, «раковые шейки», розовый вереск, иван-чай.

Как зацветет иван-чай,
С самого этого цвета
Раннее лето прощай,
Здравствуй, полдневное лето.

Валечка с букетом

Эти строки Твардовского напомнили мне те периоды моего детства, когда, хоть и шла война, я чувствовала себя вольно и беззаботно, – и вдруг в картине природы появились лиловые мазки иван-чая, и в душе возникла некая смутная, подспудная тревога: лето достигло апогея, скоро и вовсе пойдет под уклон... Грустно. И каждый

день встреча с вновь расцветшим цветком – культурным возле дома, диким в поле, лесу, на лугу, на берегу ручья – говорила мне о приближении осени, а с ней и зимы. Значительно позже, уже в Украине, в Киеве, язык природы – с ее философией вечного и преходящего, сакрального и профанного – я научилась понимать, рассматривая картины гениальной украинской художницы-крестьянки Катерины Билокур. Этот язык мне многое подсказал при изучении кукол, научил видеть в них архетипы древних космологических образов.

В детстве свобода – это не отсутствие опеки и вседозволенность, а тот восторг, которым наполняет тебя весенний утренний воздух, когда цветет ива, стоя в воде, цветут ивняки, когда обильно и пышно зацветает черемуха, а потом цветет шиповник, сосна и, наконец, липа. Только свободный чело-

Цветы. К. Билокур

век, не обремененный житейскими заботами и волнениями, способен так искренне радоваться каждому новому цветению.

Воля сельского ребенка – не то, что городского. В деревне, особенно в военное время, все были заняты. Детям фактически предоставлялась полная свобода, и было где им разгуляться: сама деревня и все, что вокруг нее – леса, поля, луга – было в нашем распоряжении. Этот мир был для нас игрой и игрушкой. Говорят, что у деревенских детей не было игрушек. Но это не так. В игрушки превращалось все, даже дорожная пыль. Ее набирали в кулачок и метали струей в небо, друг в друга. А после дождя эта пыль превращалась в грязь. Мы чавкали по ней ногами, из нее делали себе перчатки, чулки на босых ногах. Эти чулки смывали, бегая по лужам, в восторге разбрызгивая теплую и в то же время прохладную дождевую воду. Игрушкой был и сам дождь. Неистово крича, выбегали мы под дождь, ловили капли, подставляли дождевым струям лицо. Кричали:

Дождик, дождик, пуще
На бабью капусту,
На девичий лен
Поливай ведром!

Неописуемый восторг вызывала радуга, особенно когда она была во все небо.

Радуга-дуга,
Не давай дождя,
Давай солнышко
Из-под бревнышка!

Природа с ее явлениями, периодами и циклами была для нас живым существом. Мы с ней общались, что-то от нее ждали, надеялись, что она к нам благосклонна и милостива. Небо ассо-

цировалось с Богом. В избе находились мало, и вся жизнь проходила под открытым небом. Какое счастье в солнечный день лежать в траве, слушать жаворонка и смотреть на небо, на гроздящиеся облака, видеть в них какие-то фигуры – животных, людей, следя за их движением, изменением, превращением то в зверя, то в человеческую голову, а то и вовсе в сказочное чудовище. Когда же надвигается гроза, то небо как бы опускается, делается близким, кажется, что косматые тучи задевают верхушки деревьев. Предгрозовое небо – это захватывающее зрелище. Верить, что где-то там бабушкин Илья-пророк управляет всем этим театром.

Сейчас, когда пишу эти строки, испытываю ностальгию по тем детским далеким беззаботным временам, по дому в своей деревне Дворково и по лесу, в общении с которым проходила часть моего детства. О доме разговор впереди, а вот о лесе хочется начать разговор стихами Твардовского из его гениального «Василия Теркина»:

Милый лес, где я мальчонкой
Плел из веток шалаша,
Где однажды я теленка,
Сбившись с ног, искал в глуши...

Полдень раннего июня
Был в лесу, и каждый лист
Полный, радостный и юный
Был горяч, но свеж и чист.

.....

И в глуши родной, ветвистой
И в тиши дневной, лесной
Молодой, густой, смолистый
Золотой держался зной.
И в спокойной чаще хвойной
У земли мешался он
С муравьиным духом винным,

И пьянил, склоняя в сон.
И в истоме птицы смолкли,
Светлой каплею смола
По коре нагретой елки
Как слеза во сне текла...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край недавних детских лет,
Отчий край, ты есть или нет?

Придав иной смысл вопросу поэта, скажу: действительно, было ли на самом деле все то, о чем сейчас вспоминаю? Имело место быть..., но в том детском моем неведении еще не стало реально сущим. Таким оно становилось постепенно всю мою жизнь. И роль кукол в этом становлении была значительной... Но вернемся к лесу моих детских лет.

Лес был особым миром. Просто гулять в лес не ходили. Обязательно с определенной целью – за грибами, ягодами, косить на полянках траву, заготавливать на зиму дрова, весной – за березовым соком.

Лес разный: земляничный, черничный, малиновый, брусничный, грибной.

За земляничкой ходили на вырубке в большой лес, где паслись коровы. Там встречались открытые места, где было красно от ягод. Самые спелые и крупные ягоды собирали около пней, древесина которых, нагреваясь на солнце, распространяла тепло. Земляника была самой первой лесной ягодой, и поэтому мы, дети, особенно радовались ее появлению. А появлялась она во время первых покосов. Вечером взрослые приносили нам первые букетики душистых красных ягод. И мы с утра, взяв корзины, шумной гурьбой шли собирать землянику. Собирали сначала в кружку-набирушку, а потом

высыпали в корзинку. Считали, сколько наберешь. Хочешь набрать больше других и домой принести побольше, чтобы похвалили, – редкую ягоду положишь в рот. Перед тем как уйти из леса, садились, усталые, на полянке, спорили, у кого больше ягод. По дороге домой собирали букетики земляники для младших детей. Эти букетики сейчас вспоминаю, как сказочные, – получались маленькие ягодные деревца.

Летом. А. Пластов

Великолепный художник-реалист А. Пластов в своей картине «Летом» очень похоже изобразил отдых бабушки и внучки после сбора грибов и ягод. Там мне все понятно и близко: свежая июньская зелень леса, залитого солнцем, трава и узорчатые тени на ней, ощущение приятной благодатной усталости и даже земляничный букетик в руках девочки, такой же, как я собирала в своем детстве. Отдохнув, собирали для себя в кружку ягоды «на дорожку», мяли их ольховой палочкой – получалась земляничная каша, и всю длинную дорогу домой облизывали эту палочку, воображая, что это варенье.

За черникой ходили в Орефенскую – так назывался сосновый лес с корабельными соснами. Черничник шел сплошным ковром. Плотные синие ягоды рвали в горсть и бросали в корзину. Руки и рот были синие от сока. На краю леса попадалась земляника на припеке у пней. Там же грелись ящерицы, а иногда и змеи, свернувшись спиралью. Бабушка пекла с черникой пирожки и лепешки, варила кисель. Часть ягод сушили на противне в печке.

А вот за малиной ходили далеко – за деревню Тимонино, в большой лес, и только со взрослыми. Брусника же росла в ближнем лесу Лединке – сразу за деревней. Если малина поспевала в середине лета, то брусника – в начале осени, когда еще были теплые дни. Хотя нередко в сентябре, когда по утрам шли в школу, трава и все вокруг было покрыто серебряным инеем. Брусника росла среди берез, осин, сосенок. Брусничником были покрыты целые поляны. А иногда попадались кочки, как сказочные островки, усыпанные рубинами. Брусника росла гроздьями, которые мы называли

«барашками» — по семь-десять ягод, один их бок, тот, что на солнце, — красный, а нижний — беловатый. Брусничный цвет особенный. Корзинка с яркой, как бы лакированной ягодой, сияла свежестью и счастьем, ею любовались как никакой другой. По вкусу брусника кисловатая, много не съешь. Ее парили в печке, а главным образом замачивали в кадушке на зиму. Голубику у нас называли «гонобобель». Собирали ее на болотах.

Про болота стоит сказать особо. Это свой мир. Он был замечательно описан М. Пришвиным в повести «Журавлиная родина». Для меня в детстве этот мир был таинственным, сказочным, в нем чувствовалось что-то древнее — заманчивое и опасное. Белый сфагновый мох, образуя что-то вроде больших подушек, манил бархатистой мягкостью, в нем ноги утопали, а под ним чавкала вода. Мы, дети, знали, что болото засасывает, и потому ходили осторожно по тряскому, качающемуся моховому ковру. Вода местами выходила наружу, издали голубыми озерцами, а вблизи выглядела черными бездонными омутами. Попадались места, покрытые жесткой, густой и косматой травой, кое-где — камышами с коричневыми шишками и листьями, длинными и жесткими, как сабли. Иногда попадалась хищная рослянка — эдакий красный волосатый паук, — раскинувшая розетку своих листьев. Везде торчат коряги причудливой формы, засохшие, задушенные болотом деревца. Казалось, что именно здесь живут леший и кикимора. Пугали звучные крики болотных птиц. Воздух был насыщен резким запахом дурмана, от которого потом болела голова. Когда покидаешь болото, чувствуешь облегчение, как будто возвращаешься

в свой мир. Но покидали мы болото с корзинами, полными ягоды клюквы. Она росла на моховых кочках, оплетала их тонкими нитями так, что казалось: ягоды рассыпаны сами по себе. Собирали клюкву еще недозрелой, с одним красным бочком. Дозревала она на чердаке (у нас «потолок»), рассыпанная на дерюжках.

Если клюква росла на больших дальних торфяных болотах, то гонобобель, который уже упоминался, мы, дети, собирали на ближних малых болотах. Синие ягоды с сизым налетом росли на низком широком кусте. Хотя эти ягоды особого вкуса не имели, но высушенные в печке на капустном листе черные лепешки из гонобобеля были весьма вкусными. Особенно увлекалась этими лепешками баба Гуся — свекровь моей тетки Вали. Муж Вали, Александр, в первые же месяцы войны погиб на фронте, так и не узнав о рождении сына Валерки. О бабе Гусе, как авторе традиционных ярославских кукол, речь впереди. Сейчас же, когда пишу о дарах леса, есть смысл вспомнить о ней как об опытном грибнике. Уже в 1958 году, когда она сделала первую мою коллекционную куклу в ярославских традициях, мы с ней ходили в лес по грибы. Эти походы и пребывание мое в деревне Казаково раскрыли для меня ее душевную, человеческую суть, ее народный неунывающий характер, крестьянскую смекалку. Грибы для солки — сыроежки, грузди, рыжики — мы собирали вблизи болот, там, где сыро. Их баба Гуся солила и носила на станцию Волга продавать мисочками «мужикам под закуску». Собирала она грибы не очень разборчиво, брала все подряд, в том числе и с червячками. На мой вопрос: «Зачем вы берете червивые?», — смеясь,

говорила: «Первый сорт, поедят». Баба Гуся хорошо ориентировалась в лесу, знала, в каком месте какой гриб растет. Я тоже в этих лесах была не новичком. В детстве, во время войны, со старшими «робятами» ходила заготавливать на зиму грибы. В нашем скудном рационе они занимали значительное место. Но, кроме практической пользы, походы за грибами приносили радость маленьких открытий и неожиданных находок. Гриб воспринимался как живое существо, смотрел на тебя из-под шляпки. Между тем в грибах, особенно в белых, подосиновиках и подберезовиках, было что-то от кукол – что-то объемно-телесное, живое и одновременно скрывающее, таящее в себе свою живость.

Первыми после дождя появлялись на лугу дождевики. Ими бросались, как снежками, а когда они созревали, дымили спорами, поэтому их называли «бабы печки». По дороге к лесу их с удовольствием топтали, пуская дым. На краю леса всегда стояли мухоморы. Мы палками сшибали им шляпы, зная, что они ядовитые. Дождевики и мухоморы говорили, что в лес мы идем даром, – вернемся с грибами.

Белых грибов было немного, и они всегда были предметом гордости. В корзине этот гриб главный, красавец в любом возрасте. Затем по красоте и важности идет подосиновик. Особенно удивляли малыши, как дети в красных шапочках (их В. Солоухин в «Третьей охоте» называет «челышами»). Подберезовики, или «серые», несколько водянистые, быстро теряли свою красоту – в корзинке деформировались. Из съедобных грибов самыми первыми были маслята, растущие на Пусте дружными семействами под сос-

нами. Сыроежки, волнушки и «кулаки» грузди, черные грузди – «еремеи» росли в сырых местах около болот.

Когда приносили домой корзины с грибами, то все садились их разбирать и сортировать. Переговаривались, шутили, вспоминали, где и как нашли тот или иной гриб, любовались особенно красивыми. Часть грибов отправлялась на сушку в печке на противне с соломкой, а пластинчатые грибы шли на солку в кадушку. Предварительно их отваривали в большом чугуне. Побывавшие в кипятке грибы, особенно сыроежки, из хрупких и крохких превращались в упругих и скользких. Затем их промывали, укладывали в кадку слоями, пересыпая солью и укропом, сверху пригнетали камнем. С августа по конец сентября, до первых заморозков, в лес ходили, в зависимости от дождей, раз 5–6, так что успевали набрать две-три полных кадушки соленых грибов. Кадушки эти стояли в сенях, там же стояли и кадушка с моченой брусникой и бочка с капустой.

Эти заготовки на зиму – грибы, капуста, еще и огурцы – были большим подспорьем в нашем семейном питании. В нем главное место занимала картошка. Ее обычно варили в мундире и, конечно, в сочетании с грибами, капустой и огурцами она была значительно вкуснее. Кроме картошки, основной каждодневной едой были щи да каша. Щи чередовались – из свежей капусты и кислой капусты; каша – в основном пшеничная, утром – размазня, вечером – крутая в плошке с пенкой. Важное место в нашем рационе занимал также овсяный кисель. Его образ вошел в сказки, где есть кисельные берега и молочные реки. Летом, в сезон, готовили овощную окрошку с простоквашей.

Ели все из одной большой миски. Питались тем, что смогли вырастить на огороде и в поле, собрать в лесу и на лугу. Еда наша была типично местной, крестьянской. А еда, «харчевой ресурс», по теории великого художника Казимира Малевича, является одной из основ, формирующей сословно-классовые ценности, в том числе и художественные запросы и вкусы. «Харчевидное оформляет и Искусство, видное в своем харчевидном оформлении. Человек распределяется на целый ряд различий, категорий, классов своего харчевого оформления. Отсюда возникли и разные термины – крестьянин, рабочий, интеллигент, мещанин, банкир, капиталист»¹. О крестьянах и их искусстве К. Малевич, считавший, что «искусство существует вне культурного прогресса, не имеет времени и не имеет исторического развития»², пишет: «Крестьянин есть известное обстоятельство, созданное экономическим и харчевым оформлением, составляющее комок энергии, в котором существуют зачатки приятия эмоциональных проявлений, то есть искусства»... В этом случае «мы можем подойти к границам крестьянской культуры как первой стадии, установить основные признаки, присущие этой культуре»³. Завершая мысль, родоначальник супрематизма пишет, что не видит причин ставить крестьянское искусство, основанное на линии, плоскости (орнаменте), ниже профессионального («ученого») искусства, основанного на объеме, живописи и перспективе⁴. Сам Малевич

Торс. К. Малевич. 1928–1929 гг.

Крестьяне на желто-голубом фоне. К. Малевич. 1929–1930 гг.

Девушки в поле. К. Малевич. 1929–1930 гг.

¹ Малевич К. Искусство // Малевич К. Черный квадрат. – СПб., 2001. – С. 258.

² Там же. – С. 260.

³ Там же. – С. 259.

⁴ Там же. – С. 260.

до юношеского возраста жил в селах в Украине и, по собственному признанию, в отрочестве расписывал вместе с крестьянками беленые стены хат. Рядна, орнамент вышивки, народные иконы, почти безобъемные, основанные на плоскостном пятне, – постепенно повлияли на его творчество. Можно сказать, что путь его был от крестьянского искусства и народной иконы через европейский и русский модернизм – к абстрактному супрематизму и от абстрактного (геометрического) супрематизма – к супрематическому кукольному фигуративу. Причем основным в этом фигуративе был крестьянский мотив. Фигуры безликих и безруких крестьян как в статуарном, так и в иконографическом отношении были сродни украинским народным узловым куклам, да и кук-

лам вообще. Но не тем детским, предназначенным для игры куклам, а обрядовым, содержащим в себе традиции жертвы и родового оберега. Такими были и наши традиционные ярославские куклы, таящие в себе архаику их породившей среды, не заискивающие перед новым временем и преходящими вкусами и модными веяниями, содержащие в себе некое трудноопределимое достоинство, и в этих своих качествах, на мой взгляд, очень современные. Современность их, опять-таки на мой взгляд, в той подлинности, которая содержит в себе одухотворенную правду рода. Вот они-то, эти куклы, есть для меня искусством, настоящим искусством, в котором, согласно парадоксальному высказыванию Малевича, «нужна истина, но не искренность»¹.

Буджи и праздники. Дехь Победы

Возвращаясь к моему деревенскому детству во время войны, хочу отметить, что ярославская крестьянская кукла в образных ассоциациях связана в основном с нашим повседневьем, бытовыми условиями, с тем, как мы питались, во что одевались, как общались. Эти факторы нашего бытия порождены вековыми условиями выживания на скудной, не балующей людей обильными урожаями, ярославской земле. К тому же в образе кукол отражены наши праздники, обряды, верования, поверья, отношение к религии. Но сначала о наших трудовых буднях.

Для нас, детей военного времени, повседневный труд и веселый праздник сливались воедино в один из осенних дней, когда в деревню приезжал комбайн молотить рожь. Вот радости-то было! Труд у нас сплошь был ручным, а тут являлось некое сказочное существо, огромное механическое чудовище, скрежещущее своими шестеренками, лязгающее, пышущее жаром, трясущееся, поднимающее тучи пыли и соломенной трухи. Наши матери

¹ Малевич К. От кубизма и футуризма к супрематизму // Малевич К. Черный квадрат. – СПб., 2001. – С. 30.

Колхозный ток. А. Пластов. 1949 г.

бросали ему в пасть снопы ржи, он с шумом их заглатывал, а с другой стороны в мешок сыпалось чистое зерно. А еще он выплевывал огромные охапки измятой золотистой соломы. Комбайн обслуживала вся деревня. Эта машина заставляла людей без отдыха работать и работать на общем подъеме. Мы, дети, бегали, резвились, кувыркались в соломе. Нас отгоняли, чтобы «чудище» не схватило особенно любопытных. День-два работы, и на поле остается только длинный золотистый вал намета соломы.

Подобным праздником, где участвовала почти вся деревня, были дни выколачивания семян льна на току. Это был веселый праздник труда и общения. Вальками колотили снопки льна, сидя каждый на своей специальной скамейке, и в то же время

разговаривали, балагурили, обменивались шутками, смеялись. И комбайн, и лен, а кроме них еще и сенокос, были праздниками общинного единения. В них людей объединял не только труд, но и возможность ощутить свою родовую общность в этом месте, на этой земле. Частица этого ощущения передалась и ярославским куклам, стала одной из граней их обобщенного образа.

Все шло естественно, природа сама подсказывала, что нужно делать, чтобы успеть вовремя. Страда летних дней не была особенно тяжелой, если стояла хорошая погода, если результаты труда были наглядны и радовали. Утром вставали очень рано, еще до рассвета, умывались из рукомойника, утирались – одним полотенцем вся семья. До завтрака работали в колхозе по заданию бригадира – пахали, косили, жали, пололи, возили разные грузы. После завтрака опять шли

Фрагмент картины «Хлеб» Т. Яблонской. 1949 г.

работать. Потом перерыв – два-три часа, когда надо было накормить домашнюю живность, подоить корову, сделать кое-какие дела по хозяйству и пообедать. Потом – с новыми силами опять за работу. Крестьянский труд – труд по призванию и необходимости. Дети в этот труд включаются естественным путем, постепенно его осваивая, постигая его законы и навыки. Результат труда радовал, что ты успел и не оплошал.

Крестьянский труд не отделим от праздников, а последние связаны с постами и обрядами. Для крестьянина, имеющего дело с живой природой и включенного в ее систему, годовой цикл являлся фактором бытийности. Народное творчество было одной из форм выражения этой бытийности. Недаром Малевич, в детстве и юности живший в селах разных регионов

Сбор картофеля. А. Пластов. 1956 г.

Украины, где были сахарные заводы (его отец работал там инженером-технологом), в зрелые годы вспоминал, как он тянулся к крестьянам, симпатизировал им, любил их еду и одежду, старался во всем на них походить. Главной причиной этого было, по словам Малевича, то, что крестьяне занимались искусством, а рабочие – не занимались. Действительно, если труд и творчество для крестьянина являются органической составляющей собственной личности, то, как подчеркивал Славой Жижек, исходя из учения Маркса, «рабочий полностью осознает свою конкретную профессию как случайную актуализацию своей способности к труду»¹.

Праздником, завершающим трудовой год, был праздник урожая. Приходился он либо на конец августа, либо на сентябрь, когда как. Все ждали этот день, к нему готовились. Колхоз даже в тяжелое военное время выделял продукты – муку, картошку, овощи, а главное – барана. Это сулило жирные щи из баранины и студень. Среди баб – членов дворковской бригады – распределяли обязанности: кому печь пироги, кому тушить в печке капусту, кому готовить сусло и брагу. Все сидели за одним длинным составным столом. Яства были немудреные, но в голодное время давали возможность вкусно поесть и насытиться. В просторной избе Антонихи, где справлялись эти праздники, сытно пахло бараньими щами, на столе стояли миски с квашеными огурцами и капустой, тарелки со студнем и большие кувшины с брагой и пивом. Собиралось обычно человек пятьдесят, за столом царил веселье.

¹ Жижек С. 13 опытов о Ленине. – М., 2002. – С. 79.

После выпивки разговоры оживлялись, начинали петь песни. Сначала пели фронтовые, современные песни: «На позицию девушка...», «Расцветали яблони и груши...», «Темная ночь», потом сюжетные песни балладного толка: «Из-за острова на стрежень», «По диким степям Забайкалья», «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина», «Коробейники» и другие. После песен еще выпивали, шутили, переодевались в мужскую одежду (в костюмы своих мужей) и устраивали пляски – с визгом, топаньем, выкриками и частушками.

Я, сидевшая в те времена на печи вместе с другими детьми и наблюдавшая за тем, как разворачивается праздничное действо, ассоциирую его теперь в своей памяти с крестьянскими застольями и танцами Питера Брейгеля (Мужицкого) и, в меньшей мере, с крестьянскими карнавално-праздничными картинами Аркадия Пластова конца 1930-х годов. В меньшей мере потому, что замечательный художник Пластов все же вносил в полотна толику конъюнктуры, несколько приукрашивал действительность, на манер созданного после войны фильма «Кубанские казаки». У Брейгеля же крестьянские застолья и пляски по-настоящему фольклорны и потому онтологически содержательны. Зато, если обратиться к деталям: предметам быта, утвари, убранству избы, к человеческим типажам и характерам, к самой обстановке тех времен с ее колоритом, характером общения, самой атмосферой существования, – то, конечно, ближе и роднее становится творчество Пластова военных и первых послевоенных лет.

Просматривая репродукции картин Пластова, я как бы вижу в них и свою деревню. Живопись ярче и подлинней передает жизнь, чем

любая фотография. В картинах Пластова, особенно в тех, где есть дети, вижу себя и мир, окружающий меня в военные годы. Например, в «Жатве» основным образом есть золотое поле – золото стерни, снопов, суслонов, скирд. Там же, на переднем плане, дети вместе со старым дедом едят похлебку деревянными ложками из общей миски. В картине «Колхозный ток», где чувствуется весь жар и пыл уборочной страды, мальчик подает ковш холодной воды парню в красной рубашке. А вокруг все залито жарким свечением свежесжатой ржи. И совсем другое состояние передает картина «Сбор картофеля». Художник цветово и колористически объединил простую серую землю, клубни картофеля и натруженные руки старой крестьянки. Такие же, вроде бы неуклюжие, грубые, изработанные до корявости тяжелым трудом руки делали из ветхой сельской одежды кукол нашей коллекции. И естественно, что все это вместе с окружающей природой запечатлено в куклах, составляет основу их образности.

Очевидно, редко кто задумывался о соответствии образа куклы и пейзажа той местности, где она создавалась. Конечно, тут невозможны прямые аналогии. Но если всмотреться в куклу и вчувствоваться в ее образ, то в нем можно ощутить то общее впечатление, которое рождают наши поля, перелески, малые речки, бревенчатые избы, проселочные дороги, длинные изгороди и редкие кособоры на горизонте.

Праздник заканчивался. Расходились по домам, чтобы завтра встать рано утром и включиться в тяжелую колхозную работу. И так все четыре военных года.

Девятого мая 1945 года был обычный день. Все работали на своих местах

и участках. Вдруг разнесся слух, что война окончилась. Началось всеобщее ликование. Мы все – и взрослые, и дети – собрались, привязали наши красные галстуки к палкам на манер флагов и во главе с бригадиром тетей Маней пошли в соседнюю деревню Зарубино, где были сельский совет и правление колхоза. К нам вышел председатель колхоза Семен Иванович Козулин и отправил назад работать. Очевидно, из райцентра никаких указаний насчет празднования Дня Победы не поступало.

Вскоре мы с мамой возвратились в Ленинград, и на этом мое участие в деревенской жизни закончилось.

По-моему, то, что называют ностальгией, есть печаль, грусть, а в отдельных случаях – и тоска, по невозвратности прошлого. Время в человеке, как горячее в машине, в процессе

жизни должно быть полностью отработанным. Но в детстве, в юности, да и позже, очевидно, имеет место некое неведение в настоящем, когда многое проходит мимо тебя незамеченным, когда ты не фиксируешь факт своего счастья жить, не зная горестей, забот, волнений, сомнений, которые придут впоследствии. И вот, спустя годы и десятилетия, это неотработанное, остаточное время каким-то образом входит в тебя, уже иного, пребывающего в ином пространстве. Ностальгия-память, с примесью печали-тоски, по преходящести и невозвратности твоего времени, но времени не вообще, а времени определенного места, местности, среды, то есть пространства, которое уже не пространство, как и время, к тебе пришедшее и тобой пережитое (отработанное), – уже не время.

Ярославская деревня. Ю. Снедзин

III. Куклы и те, кто их делал

Поездка в родные места. В поисках традиционных кукол

Ныне уже никто не может сделать традиционную ярославскую куклу. В этом я убедилась, побывав в июне 2009 года на родине своих предков – в деревнях Дворково, Тимонино и Зарубино, в городах Мышкине и Рыбинске. Поводом для поездки послужило печальное событие – смерть моей тети Веры Тимофеевны (1926 г. р.). Она была старше меня всего на восемь лет. Во время войны играла со мной в куклы, учила, как их делать. Лет десять назад она по моей просьбе сделала куклу. Тогда она уже очень болела, чувствовала себя слабо. Кукла получилась похожей на саму Веру, исполненной простодушной доброты и наивности. В ней чувствовалось нечто трогательно-беззащитное и одновременно что-то от печальных клоунов, обаяние ее было подобно обаянию неумелого, но искреннего детского рисунка. Конечно, эта кукла не была традиционной ярославской. Да и не могла быть. Вера с детства делала сама и учила меня делать кукол иного, более игрового типа. Обрядовый тип кукол уже давно прекратил свое

продуктивное развитие, задержавшись в памяти наших прабабушек, бабушек и отчасти – матерей.

После похорон тети я на несколько дней поехала из Петербурга в Рыбинск, Мышкин и далее – по моим деревням. Надеялась встретить кого-то из знакомых людей, но повстречала всего лишь одну Валентину Редкову. Обитаемых домов в деревне осталась половина, да и в них живут совсем другие, приезжие люди. Изменилась не только деревня, но и окружающая природа. Избы уже были не те, не было памятных мне деревьев и зарослей черемухи, все казалось чужим и глядело на меня с неким отчужденным равнодушием. У Редковой я переночевала, попросила ее сделать мне куклу и уехала в Мышкин на один день. Там многое осталось таким, как было в военные годы. В отличие от деревни, пришедшей в упадок, город расцвел, стал оживленным туристическим центром, и в то же время сохранил облик старого провинциального города.

Вид на Волгу.
Ю. Снедзин

Город Мышкин

Деревянные домишки, благодать да тишина.
Город Мышкин – город мышек, золотая старина.
В лопухах пасутся козы, гонят стадо поутру.
Белоснежные березы разметались по ветру.
Рябь в серебряном отливе, берег зелен и высок.
И журчит неторопливо круглый волжский говорок.

3.09.2003

*теплоход «Башкортостан»
Лидия Ивановна*

Рискуя быть многословной и довольно далеко отойти от основной линии рассказа о куклах и их создателях, все же не удержусь от более подробного описания Мышкина, каким он мне помнится во время войны и каким увиделся сейчас, в 2008 году. Идти к цели не по прямой, а прибегая к экскурсам и сворачивая на обходные пути, почему-то сдается мне делом естественным и даже полезным.

Вид Мышкина, как я уже говорила, мало изменился со времен войны. Это город, в котором сохранилось около десятка каменных зданий классической провинциальной архитектуры. Само городское пространство, заполненное в основном деревянными одноэтажными сооружениями или просто домами, вместе с каменными зданиями, среди которых выделяются два собора и одна церковь, оставляет впечатление уюта, компактности и некоего особого величия старины, дожившей до наших дней. Но для меня Мышкин – это еще и город моего детства. От деревни Дворково до него было всего шесть километров, однако по тем временам путь не близкий, особенно если идешь пешком. Но уже первые дома на окраине радо-

вали глаз цветущими в палисадниках георгинами – красными, розовыми, желтыми, оранжевыми. Впечатляли и цветы, глядевшие из окон, – разнообразные, пышные, казавшиеся мне необычными герани. На центральной площади вокруг Успенского собора был воскресный разноголосый базар. На этом базаре я вместе с мамой, сидя на ступеньках собора, продавала зеленые пучочки лука с нашего огорода и маленькими стаканчиками – душистую землянику, собранную в нашем лесу. Внутри Успенского собора тогда был продуктовый склад. И наш дальний родственник, работавший кладовщиком, угощал меня и мою двоюродную сестру Альку глазированными пряниками. Никольский же собор был переоборудован в клуб, где я смотрела первые в своей жизни кинофильмы. А на кладбище около церкви Божьей Матери Всех Скорбящих Радость пасла вместе с девчонками коз. Там же мы катались кубарем с заброшенных могил.

В городской больнице – бывшей усадьбе купеческой семьи Чистовых – родились мои тетки Вера, Тоня и дядя Костя. Во время войны им было по 11–15 лет, и все они в 5-м, 6-м и 7-м

классах учились в мышкинской школе-семилетке. Жили в маленькой комнате у нашей родственницы тети Лили в доме бывшего купца Замятина. Этот дом связан и с нашим родом Качаловых. В 1881 году Замятин после пожара продал его нашему родственнику – крестьянину Семену Васильевичу Качалову, который надстроил второй этаж. Именно в комнате второго этажа жили мои тети и дядя, когда во время войны учились в мышкинской школе. С этим домом связано также первое их и мое знакомство с определенным типом культуры – уже не крестьянской, а, можно сказать, провинциально-городской. Она исходила от книг определенного содержания, которые мы читали, и от агронома Андрея Дмитриевича Попова, а также его жены Марии Александровны – медработника. Сейчас дом принадлежит Елизавете Андреевне Широчиной и ее сыну Дмитрию, которые проживают в Ярославле. И вот когда я, будучи сейчас в Мышкине, подошла к этому дому и стала смотреть на плотно закрытые окна второго этажа, какая-то маленькая птичка билась в окно – отлетала и снова подлетала к нему несколько раз. Существует поверье, что если птица стучит в окно, то это прилетела душа недавно умершего человека, и я подумала, что это душа Веры прощается с милыми ее сердцу местами. В соседнем дворе я спросила у пожилой женщины, где хозяйка этого дома. Она ответила, что они живут в Ярославле и иногда приезжают в Мышкин. Будучи верна своему интересу, я спросила ее также, делала ли она кукол, играла ли в детстве в куклы, и, получив положительный ответ, попросила ее смастерить традиционную ярославскую куклу для музея.

В самом деле, ни в одном из мышкинских музеев традиционных ярославских кукол не было. В Доме ремесел две полки были заполнены тряпичными куклами, но все по стилю к ярославским куклам не принадлежали. Очевидно, их делали по образцам кукол из других регионов России. Это меня огорчило, поскольку я надеялась, что именно в Мышкине смогу расширить свои познания о традиционной ярославской кукле. Вышло же наоборот: мне довелось самой объяснять, что такое ярославская кукла, каковы ее основные признаки и отличия от других кукол. Я даже нарисовала внутреннее устройство этой куклы и передала его экскурсоводу Анастасии, с которой ходила по городу.

*Е. А. Широчина, Е. С. Качалова
и М. А. Попова у своего дома в Мышкине*

Город Мышкин

С. У. Катанова
Бульвар Мышкин

*C. V. Kaarankola
Helsinki*

В деревнях Дворково и Тимохино. Село Кривец

Вечером из Мышкина я уезжала переполненная впечатлениями. Провинциальный город моего военного детства стал оживленным туристическим центром на Волге, где останавливаются пароходы с группами экскурсантов, среди которых немало иностранцев. Естественно, что в Мышкине энтузиастами был организован целый ряд музеев. Кроме уже упомянутого Дома ремесел, это Музей деревянного зодчества, Музей старой техники, Музей валенка, Музей столицы лощманов, Музей П.А. Смирнова, и, наконец Музей мыши, не было только музея кукол.

В избе Валентины Редковой, ровесницы моих теток, меня ждала кукла. Она стояла на столе – веселая, ладная, в ситцевом наряде и платке. По внешнему виду – типичная деревенская самодельная кукла. Однако по внутреннему устройству и образу она сильно отличалась от ярославских традиционных кукол. Это меня еще раз убедило, что обрядовую традиционную куклу способен сделать не каждый деревенский житель, даже пожилого возраста. Очевидно, в силу многих причин традиция прекратила существование.

Будучи в Дворкове, я не могла не посетить Тимонино. Ведь из этой деревни вышли мои предки по материнской линии – Гребенщиконы. Именно такой была девичья фамилия моей бабушки Евдокии Ивановны, в замужестве Качаловой. Качаловы же были родом из Дворково. Таким образом, мой род замыкается на двух соседних деревнях Мышкинского уезда.

Село Кривец я не посетила, но обязана сказать о нем несколько слов –

в кривецкой церкви Святой Троицы крестили всех моих предков, там же на кладбище при церкви их хоронили. В дневнике моего деда Тимофея часто встречаются записи: крестил, отпевал отец Леонид Троицкий. Он же венчал моих деда и бабушку. Церковь помню очень красивой. Она стояла на высоком берегу Волги. Проект храма, его живопись и резьбу помещик И.И. Кожин заказывал в столице итальянским мастерам. В 1963 году церковь была варварски разрушена с целью добыть кирпич. От нее остался один угол с окном. Вокруг все наглухо заросло крапивой; могил уже не найти. От прошлых времен сохранились только названия: барский дом, барское поле, барский пруд. Остался и парк, сплошь заросший сиренью, с аллеями тенистых лиственниц и вековых лип. Для купанья у нас была речка Вороновка, впадающая в Волгу.

Дорога до Тимонино (всего 0,5 км) шла через поле, заросшее полевыми и луговыми травами. В пору моего детства тут зеленела, потом желтела рожь, были участки, засаженные картошкой и засеянные льном. Где-то посередине между Дворково и Тимонино в начале весны сжигали большую куклу – Масленицу. Тимонино обезлюдело, так же как и Дворково. Во время войны в этой деревне было 36 домов. Теперь же едва набиралась половина, да и то некоторые дома стояли пустыми. Я обошла деревню, увидела дом моих тимонинских родичей – он покосился от старости, вокруг росли некошеные травы. А ведь из этого дома вышла вся моя женская родня, делавшая традиционных ярославских

кукол. Когда-то здесь жила большая семья моей прабабушки Варвары и прадедушки Ивана. У них было семеро детей: Евдокия, Ираида, Александра, Анна, Августа, Глафира и сын Василий. Моей бабушкой была старшая – Евдокия. Думаю, что делать традиционных кукол их научила прабабушка Варвара. Для нашей коллекции кукол делали, кроме Евдокии, еще Анна и Глафира – Граня. В начале 1970-х годов они, будучи уже пожилыми, перебрались в Рыбинск помогать детям растить внуков.

Стоя возле покосившегося бревенчатого дома, где родились моя бабушка, ее сестры и брат Василий, погибший еще в Первую мировую войну, я пыталась вызвать в себе некое чувство важности этого момента – встречи с прошлым моих предков. Но ничего путного из этого не получилось. Осознание торжественности момента или щемящее чувство ностальгии не приходило. Отвлекали разные мелочи и побочные детали. Вот пролетела мимо бабочка-капустница, вот воробей нырнул под крышу, наверное, у него там гнездо; вот откуда-то донеслось тарахтенье и дырканье мотоцикла. Я стояла и смотрела на старые почерневшие бревна, на гляцевую, слабо блестящую черноту оконных стекол. Что там за ними? Вспомнилось лишь то, как бабушка Евдокия рассказывала о суровом укладе, о строгих порядках, царивших в этом доме. И вот подробность: в бытность ее деда (моего прапрадеда) Василия садились за стол всей большой семьей и в полной тишине ели из одной миски; если кто из детей начинал «шуровать» ложкой в поисках какого-нибудь лакомого кусочка, прапрадед Василий неспеша

облизывал свою большую деревянную ложку и бил по лбу этого не в меру активного «искателя». Вспомнилось и то, что где-то у Шолохова описан подобный эпизод с битьем ложкой по лбу. Только там дед и дети ели фруктовый компот-узвар.

Дорога в Тимонино. Крайний дом – семьи Гребенщиковых

Тимонино. Дом семьи Гребенщиковых

Город Рыбинск

В Рыбинске я провела два дня. В основном ходила по музеям и посещала родных. Жила в семье моей родственницы и одногодки Антонины Столяровой. Во время войны мы с ней дружили, три года учились в сельской школе деревни Коптево. Она дочка Грани, младшей сестры моей бабушки. По моей просьбе Граня в 1974 году сделала большую куклу, которую назвала «ярославская растрепа». Кукла эта по иконографии, декору и статуарному типу, а также по внутреннему строению была традиционной, ярославской народной. И кукла, можно сказать, куколка, сделанная другой сестрой моей бабушки Ньюшей (Анной), по всем признакам также была традиционной для наших мест.

Ни Грани, ни Ньюши давно уже нет в живых. Но в сделанных ими и сохраненных мною куклах живут их черты и черточки, есть некое внешнее подобие и внутренние особенности характера, которые выражены посредством и декоративных деталей, и ритмопластической организации фигур. Все вместе составляет основу образа близ-

Андропова Аня, Качаловы Вера, Тоня, Костя, учились в Рыбинске в годы войны

кого нам всем, можно сказать, общего для Гребенщиковых-Качаловых, и для Гребенщиковых-Шароновых, и для всего ярославского Поволжья с его лесами, болотами, деревнями, речками и озерами, полями и лугами.

Рыбинск близок мне также и тем, что в нем во время войны учились мои родные тетки Лида, Вера и дядя Костя. Учились в авиационном техникуме. Вера и Костя рассказывали, что Рыбинск во время войны часто бомбили. Объектом были авиационный завод и мост через Волгу. Студентов вместе с жителями посылали рыть окопы и сооружать укрепления. По ночам они грузили снаряды, которые сразу же отправляли на фронт. Косте до сих пор еще слышится рев немецких самолетов и хлопанье выстрелов зениток, охранявших мост.

Сейчас Рыбинск показался мне городом хоть и большим, но, с моей точки зрения, менее интересным, чем Мышкин. В надежде найти хоть какие-нибудь образцы ярославских народных кукол, я посетила местный музей (типа краеведческого), где в двух комнатах разместились экспозиция, представляющая бытовые предметы, утварь, посуду, одежду, инструменты ярославских крестьян. Кукол было всего две – в зыбке. Их сделали сами сотрудники музея. Естественно, куклы имели мало общего с традиционными крестьянскими.

Так что ни в Мышкине, ни в Рыбинске я, собственно, не увидела ни одной традиционной куклы ярославских крестьян. Не знаю, есть ли такие куклы в самом Ярославле, в каком-нибудь из его музеев? Может быть, кому-то

Город Рыбикск

волнующая меня проблема кукол покажется незначительной, несущественной на фоне современных кризисных явлений. Думаю, этот кто-то в данном случае мыслит поверхностно. Кукла, крестьянская традиционная кукла – часть нашей культуры, часть нашей памяти о прошлом, символ и обобщенный образ наших предков – русских крестьян – трудолюбивых, выносливых, в чем-то наивных, расторопных, консервативных, стойких в вере, но воспринимающих идеи христианства как архаические фольклорные предания. Вот в народной кукле и таится правда обо всем этом.

Конечно, я была разочарована отсутствием подлинных ярославских народных кукол в музеях тех городов, где они, несомненно, должны быть. В Музее игрушки в Сергиевом Посаде, который я посещала и недавно, и намного раньше, когда город еще носил название Загорск, ярославских крестьянских кукол почти не было, вернее, нашлись две, одну из которых можно было считать подлинной. Вместе с тем кукол других регионов России было много, некоторые представлены в значительном количестве. Для пополне-

ния коллекции ярославских крестьянских кукол я передала музею две, сделанные моей мамой – Екатериной Тимофеевной Качаловой-Орловой. Эти куклы по внешнему виду скорее похожи на мещанок или представительниц купечества, чем на крестьянок. Тут скрываются факты биографии Екатерины Тимофеевны, о которых речь пойдет позже. Но внутреннее устройство, конструкция кукол есть подлинно ярославской. И все же до сих пор мне остается непонятен факт отсутствия ярославских крестьянских кукол в коллекции Музея игрушки. Очевидно, просто Николай Бартрам – собиратель игрушек, чья коллекция составила основу музея, в свое время не побывал в Ярославской губернии, хотя многократно посещал южные губернии России и Украину. Правда, некоторое количество ярославских народных кукол, изготовленных еще в конце XIX и в XX в., хранится в фондах Российского этнографического музея в Петербурге. Об этих куклах пишет Светлана Комарова в статье «Кукольные мужички» в собрании РЭМ: гендер в предметно-символических кодах культуры».

Размышления о статье С. Комаровой «Кукольные мужички» в собрании РЭМ: гендер в предметно-символических кодах культуры»

Статья, хоть и научная, но написана просто и доходчиво. Ярославские куклы в ней упоминаются дважды. В-первых, это пара кукол из соломы, изображающих юношу и девушку. Их высота 40 см, волосы из льняной кудели, одежда – традиционный крестьянский костюм из домотканины. Время приобретения не упомянуто. Во-вторых, это кукла-солдатик (10 см), приобретенная в конце XIX в. Конструкция куклы определена С. Комаровой как «узелковая», снабженная палочками-каркасами вместо рук и ног.

Статья наряду с информативно-эмпирическим материалом содержит и научный анализ куклы как явления и образа, ценные наблюдения и выводы. В самом начале Комарова сетует на то, что «обычно кукле в этнографических исследованиях уделялось недостаточно внимания, а немногочисленные публикации определяли этот объект культуры исключительно как «игрушка детская», кукла-самоделка или «русская народная игрушка»¹. С таким упрощенным подходом к кукле автор не согласна. С. Комарова пишет о необходимости широкого исследования куклы, которое «предполагает привлечение всего комплекса возможной информации об исследуемом предмете»². Музейные же описи, сопровождающие коллекции, по мнению автора, «не всегда содержат достаточное количество информации о хранимом предмете. Зачастую это лишь визуальное описание без территориальной и временной привязки... не говоря о функции и особенностях

бытования»³. Статья С. Комаровой, а также ее книга (в соавторстве с М. Катушкиным) «Кукольные люди» (СПб., 1999) значительно расширяют и углубляют представление о кукле как фольклорном артефакте и функциональном корреляте народной культуры, как в целом, так и в местных особенностях.

Статья С. Комаровой подхватывает и развивает идею, высказанную в статье А. Найдена «Люди и куклы» («Декоративное искусство СССР», 1987, № 5), что изучение куклы нужно начинать с того, с чего начинается ее создание, а именно – с внутреннего строения, конструктивной основы. Знакомство с украинскими народными куклами, произошедшее в 1969 году (о нем расскажу в еще одном «дополнении»), дало возможность подметить, что куклы, созданные в разных регионах, могут быть внешне друг на друга похожи и вместе с тем образно и функционально представлять собой различные типы. Разгадка такого отличия – во внутреннем строении, конструкции. Последняя является более архаическим фактором, чем внешний вид, хотя и он в качестве декора очень часто служит отличительным признаком. Что касается основы, или конструкции, С. Комарова выделяет несколько типов. Это конструкция на основе растительных

¹ Мужской сборник. – Вып. 2. – М., 2004. – С. 151.

² Там же.

³ Там же.

материалов, «узловая» и конструкция «скрутки».

Содержательная, можно сказать, этапная статья С. Комаровой содержит исторические факты, этнографические материалы, в том числе и сведения о характере кроя и пошива одежды, об обрядах и ритуалах в разных местностях и регионах, а также искусствоведческий анализ образных, статуарных, пластических и декоративных составляющих.

Большое значение С. Комарова придает использованию при создании куклы разных материалов. Обращаясь к куклам с деревянной основой, автор отмечает, что эта основа, «некогда равная человеку, в силу изменений мировоззренческих позиций начинает “обрастать” тканями. При этом и типы деревянных основ (первая – естественной антропоморфной формы, кукла на основе ветки с тремя отростками; вторая – вырезанная из куска дерева) демонстрируют два способа отношений между человеком и материалом при сохранении общей системы ценностей. Первый – отсылка к наиболее архаическим корням антропоморфности, когда любое внешнее сходство природного объекта с человеком воспринималось как провокация диалога между двумя полюсами: Природа – Человек. Второй, более “культурный” – “насильственное” придание нужной формы выбранному материалу, своеобразное утверждение конкретной мировоззренческой позиции, антропоморфизация окружающего мира»¹.

В заключении С. Комарова подчеркивает, что костюмные куклы представляют собой «честное», непосредственное отражение окружающей

действительности, но, в первую очередь, в наиболее характерных, «узаконенных» на данный момент формах... в зависимости от возраста, места, времени года, социального или ритуального контекста².

Я так подробно остановилась на статье С. Комаровой, потому что в ней содержатся близкие нашему «кукольному» пониманию и видению идеи и постулаты. Само направление и характер исследования, когда фактор антропоморфизации того или иного материала рассматривается в связи с характером исторического прошлого, своеобразием природной и социальной среды, обрядовыми и прочими функциями, воспринимаются как подлинно научные и перспективные. Кроме того, повторюсь еще раз, статья С. Комаровой содержит ценную информацию о наличии ярославских крестьянских кукол конца XIX – XX в. в Российском этнографическом музее. Не знаю, удастся ли мне познакомиться с этой коллекцией? Возможно ли будет мне приехать из Киева в Петербург и быть допущенной в фонды музея? Хватит ли на это средств, и дадут ли возможность сфотографировать или зарисовать интересующих меня кукол? Одним из немногих положительных факторов, характерных для советского времени, об отсутствии которых сейчас приходится сожалеть, была доступность фондов музеев для работы с нужными материалами и отсутствие оплаты за использование этих материалов.

¹ Мужской сборник. – Вып. 2. – М., 2004. – С. 156.

² Там же.

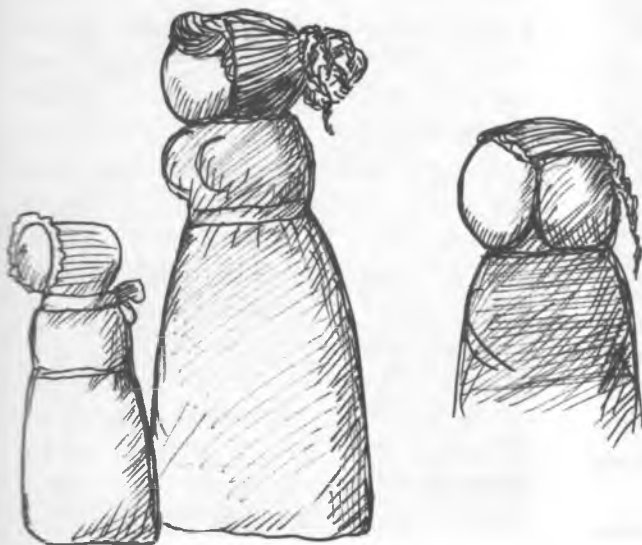
Неожиданное открытие. Похороны «яриловой плешу»

Как ни странно, мое желание побывать в фондах Российского этнографического музея (РЭМ) осуществилось. В октябре 2009 года, благодаря любезности сотрудников РЭМ, мне наконец удалось увидеть в его запасах ярославских кукол, собранных еще в начале XX ст. Правда, оплатить их фотографирование и зарисовку я была не в состоянии. Остается дать некоторые схематические зарисовки запомнимшихся мне деталей.

В коробке, которую мне принесли, оказалось 13 кукол – и все с разным внутренним устройством. Большая их часть значительно отличалась от имеющихся у меня традиционных кукол из Мышкинского и Мологского районов. Очевидно, тут сказались влияние пограничных районов и областей. Эти

куклы были наделены круглыми головками и выпирающими из-под одежды круглыми упругими грудками-шариками. И по внутреннему строению они значительно отличались от традиционных ярославских кукол, скорее напоминая мне виденных у Ангелины Бобок вепских куколок, характерных для некоторых местностей Вологодской области, граничащей с Ярославской. Так что кукол, близких к нашей ярославской коллекции, оказалось всего четыре.

Это маленькие куколочки в сильно выцветшей одежде. Они были сделаны в Пошехонском районе (соседствующем с Мологским) и датированы 1910 годом. Место их изготовления – Воскресенское на Мусоре. Эти куклы лишены возможности стоять: их туловище-скрутка короче, чем юбка. У них нет

*Пошехонские куклы (с. Воскресенское на Мусоре).
Хранятся в Российском этнографическом музее*

*Куколка без головы. Основа из
красной обожженной глины.
Для головы сделано углубление.
Хранится в Российском
этнографическом музее*

ни рук, ни ног, лица белые, лишены черт. Одежда их простая, крестьянская – кофта и юбка. Грудь сильно выделена, но узнать, каким способом, невозможно. Головные уборы отсутствуют. Сами головы перетянуты ниткой так, что, как и у наших кукол, разделены на две части – переднюю, лицевую, и заднюю, затылочную. Лица округлые, но мало выступают вперед и этим отличаются от наших кукол. Этой же ниткой прикреплены волосы из льна: у одной куклы узенькой полоской с маленькой косичкой сзади, а у другой вся голова покрыта льняными волосами и длинная тонкая коса закручена на затылке. У этой же куклы, как и у некоторых, сделанных моей мамой, над лицевой частью выступает небольшой чубчик. Самая маленькая кукла-ребенок в чепчике с кружевцем, сзади вшито донышко, головка округлая, внутри на затылке подложена кудель.

Наибольший интерес вызвала маленькая, столбиком, куколка без рук, ног и головы в женской одежде (кофта и юбка). Ее основой служит антропоморфная фигурка из красной обожженной глины. Уже само участие глины во внутренней основе куклы, с моей точки зрения, необычное для ярославских мест явление, но еще более диковинным кажется отсутствие головы, которая, по всему, была приставной, поскольку на месте шеи есть гнездо-ложбинка для того, чтобы голова могла быть туда вложена. Как я понимаю или, скажем, догадываюсь, эта кукла не простая. Скорей всего она была функционально связана с определенными обрядовыми действиями.

Делать конкретные предположения относительно семантики этой куклы с приставной головой, то есть с голо-

вой, которая почему-то какое-то время являлась частью куклы, а потом переставала быть ее частью на время или навсегда, скажу прямо, не очень корректно. Вопрос корректности особенно актуален, когда речь идет о научном подходе к материалу. В этом случае, с моей точки зрения, убедительным может быть только свидетельство фактов. Но книга, которую я пишу, не претендует на статус научной, поэтому позволю себе высказать предположение относительно семантики куклы с глиняной основой и приставной головой.

В замечательной, блестяще написанной книге Г. Дурасова «Каргопольская глиняная игрушка» есть короткое упоминание о Ярославской земле в связи с летним праздником в честь божества Ярилы. Г. Дурасов отмечает: «Праздники в Ярилину честь устраивали крестьяне дважды: весной отмечали возрождение, летом, когда, по представлению народа, прекращалось производительное начало солнца и оно “умирало”, – смерть. Ко дню похорон Ярилы в деревнях делали его глиняное изображение, а то и просто клали в гроб старика и под плач, заунывное пение прощались с ним. На Ярославщине на погребение “яриловой плешки” парни лепили из глины фигуры Ярилы с подчеркнутым признаком пола, против него ставили Ярилиху и после веселого гулянья разбивали их и бросали в реку. Подобные изображения Ярилы были и у южных славян, где его звали уже Германом. Так, в Болгарии во время засухи мастерили из глины фигурку мужчины. Случалось, изготовляли ее и из дерева, но затем все равно обмазывали глиной, вместо глаз вставляли ржаные зерна»¹.

¹ Дурасов Г.П., Каргопольская глиняная игрушка. – Л., 1986. – С. 134.

Из этой цитаты выделю «погребенные «яриловой плешь»», которое практиковалось на Ярославской земле. Почему погребалась «плешь», то есть голова, а не весь Ярила? Или название «ярилова плешь» обобщает в себе образ самого Ярилы и Ярилихи – его женской половины? Вряд ли на этот вопрос можно будет отыскать определенный, стопроцентно достоверный ответ. Остается пуститься в предположения, включив фантазию и опираясь на некоторые известные мне факты.

Ярила – божество, связанное с определенными обрядовыми действиями. Подобными божествами являются распространенный в Украине Купала (Купайло) и его жена Морена, куклы или чучела которых ставили под священным деревом, а потом, отпраздновав, разрывали, сжигали или топили в воде.

В Украине также известны обряды с куклой Иваном – мужским божеством в женской одежде. Значительное распространение получил так называемый колодийный обряд, связанный с приходом весны и активизацией солнечной энергии. Колодий-полено рождался, пеленался, потом его крестили (условно), потом одевали в обрядовую женскую одежду (платье, венок, ленты), потом его отпевали, оплакивали и, наконец, сжигали в печи и веселились. Колодия (колодку) замужние женщины привязывали к ноге парня или девушки, которые запаздывали с женитьбой или замужеством. В раскопках поселений трипольской культуры и более поздних культур археологи находят глиняные головы, отделенные от фигур и много безголовых фигур. Причем в ряде случаев на том

Каргопольские игрушки. Фигурки из глины Ульяны Бабкиной – «Полканиха» и «Полкан»

месте, где голова должна соединяться с туловищем, находится выемка, о назначении которой нетрудно догадаться. Так что можно предположить, что похороны «яриловой плеш» – более поздний вариант обряда, когда Ярила, подобно Колодию и Ивану, выступал в двух обличьях – мужском и женском одновременно. Эта амбивалентность, очевидно, является результатом наложения или симбиоза двух обрядовых начал – языческого с божествами разного пола и христианского с его принципом единобожия, выражаемого мужским образом Христа, тем не менее кровно связанным с иконографически выраженным женским началом – Богородицей.

«Ярилова плешь», скорее всего, олицетворяла собой постаревшее и утратившее производительную силу солнце. Она должна была покинуть тело, подобно тому как солнце, поворачивая на зиму, покидает землю – умирает. Языческая идея плодородия как оплодотворяющего соединения божеств двух полов в данном случае была заменена идеей божественного созидания-творения, по образу солнца с его творяще-созидающим теплом. Женская одежда мужского божества говорит, во-первых, о более позднем происхождении данного варианта обряда и, во-вторых, об устойчивости языческих воззрений с их натурфилософскими представлениями о плодородии.

Характерно, что среди игрушек-скульптур каргопольской мастерицы Ульяны Бабкиной значительное место занимают фигурки Полкана и Полканихи – своеобразное воплощение солнечных божеств Ярилы и Ярилихи. У Полкана, помимо выраженных мужских половых признаков, на груди изображен солярный знак; у Полкани-

хи – довольно объемные груди окрашены в ярко-красный солнечный цвет.

Вышеизложенная гипотеза несколько разрешает загадки, связанные с «Яриловой плешью».

Эту загадку делает еще загадочнее находка Майей Сысоевой двух куколок-скруток (высотой 9 см), воплощающих мужское и женское начало. Их сделала летом 2006 года девятидвухлетняя бабушка П.В. Немина, проживающая в Воскресенском на Мусоре, там же, где в начале XX века был сделан из глины упомянутый предполагаемый Ярило, хранящийся в фондах Российского этнографического музея. Интересно, что голова одной из этих тряпичных кукол сделана отдельно от туловища и привязана к нему. Форма головы с перевязкой посередине такая же, как и у всех ярославских кукол из нашей коллекции¹.

У второй куколки вместо лица сложенный вчетверо квадратик белой ткани острым концом вверх.

¹ См.: Дайн Г., Дайн М. Русская тряпичная кукла: Культура, традиции, технология. – М., 2007.

Куколка сделана М. Сысоевой по образцу куклы из Воскресенского на Мусоре

IV. Ярославские народные куклы. Конструкция. Образ

Возвращение в прошлое

Куклы, о которых рассказываю и в связи с которыми вспоминаю о своем детстве во время войны, о переселенцах из Мологи, связаны не просто с Ярославской землей как таковой, а с конкретными, реальными на ней местами и местностями – деревнями Дворково и Тимонино, городами Мышкин и Рыбинск, а также, и, может быть, прежде всего, с моими родственниками: мамой, бабушкой, прабабушкой, бабушкиными и мамиными сестрами, с бабой Гусей и выходцами из Мологи, о которых частично уже говорилось. Теперь же хочется рассказать о них более подробно, именно в связи с куклами, поскольку человеческое начало в крестьянской кукле, образно обобщенной и внешне «немногословной», носит индивидуальный характер.

Если придерживаться хронологической последовательности моего знакомства с ярославской народной куклой, то прежде всего стоит упомянуть о куклах бабы Катерины и куколке бабы Гуси, что уже было сделано ранее. Теперь же остается добавить немного. Исходя из своего опыта изучения народных кукол и желая искупить свою вину перед бабой Катериной (за то, что мы, испугавшись ее творений, убежали), я попыталась сделать этих кукол такими, какими они мне запомнились. Мое внутреннее зрение являло мне не только этих трех

архаических куколок, но и саму бабу Катерину – такую же, как и они, плотную, приземистую, белолицую, белоголовую, добродушную пожилую женщину.

Задача оказалась трудновыполнимой. Характер общего вида, можно сказать, традиционного местного образца куклы зависит от множества, казалось бы, мелких незначительных или на первый взгляд случайных деталей. Самыми коварными из них явились для меня лицо и голова куклы. Дело в том, что традиционная ярославская кукла отличается от кукол других

Реконструкция куклы бабы Катерины из Мологского края

регионов России необыкновенно круглым лицом и формой головы, перевязанной ниткой посередине так, что напоминает женскую прическу с узлом волос, хотя есть еще и куклы с небольшим узелком на макушке. В общем же ярославская крестьянская кукла в своей внутренней основе представляет собой идолоподобный столбик без рук и ног, напоминающий каменную бабу, северных кукол-панок, вырезанных из дерева, и даже снежную бабу. При изготовлении такой куклы вначале формируется голова. Скорей всего, плотность, упругость и определенную форму голове придавало льняное омялье (очесы льна), которым ее набивали. Основное внимание уделялось лицу: оно должно быть круглым и гладким, иметь как можно меньше складок. Именно добиться такой солнцеликости и спрятать на затылке все излишки ткани оказалось наиболее трудным делом.

Между тем у местных пожилых женщин такая форма получается будто сама собой, хотя и с некоторыми усилиями по заглаживанию ткани на лице. Голова большинства кукол округло-вытянутая по горизонтали, перетягивается посередине прочной льняной ниткой, чтобы подчеркнуть еще раз солнцеликость. После придания голове нужной формы следует на месте шеи перетянуть ее той же ниткой, чтобы отделить от туловища. Последнее представляет собой столбик очень плотной ткани, полученный способом скрутки. Грудь формируется путем перевязывания ниткой крест-накрест; ниткой же фиксируется талия. После этого рисуется лицо куклы — углем или чернильным карандашом.

Такие внутренняя конструкция и последовательность ее создания характерны именно для ярославской

Кукла «панка». Дерево. Архангельский историко-краеведческий музей

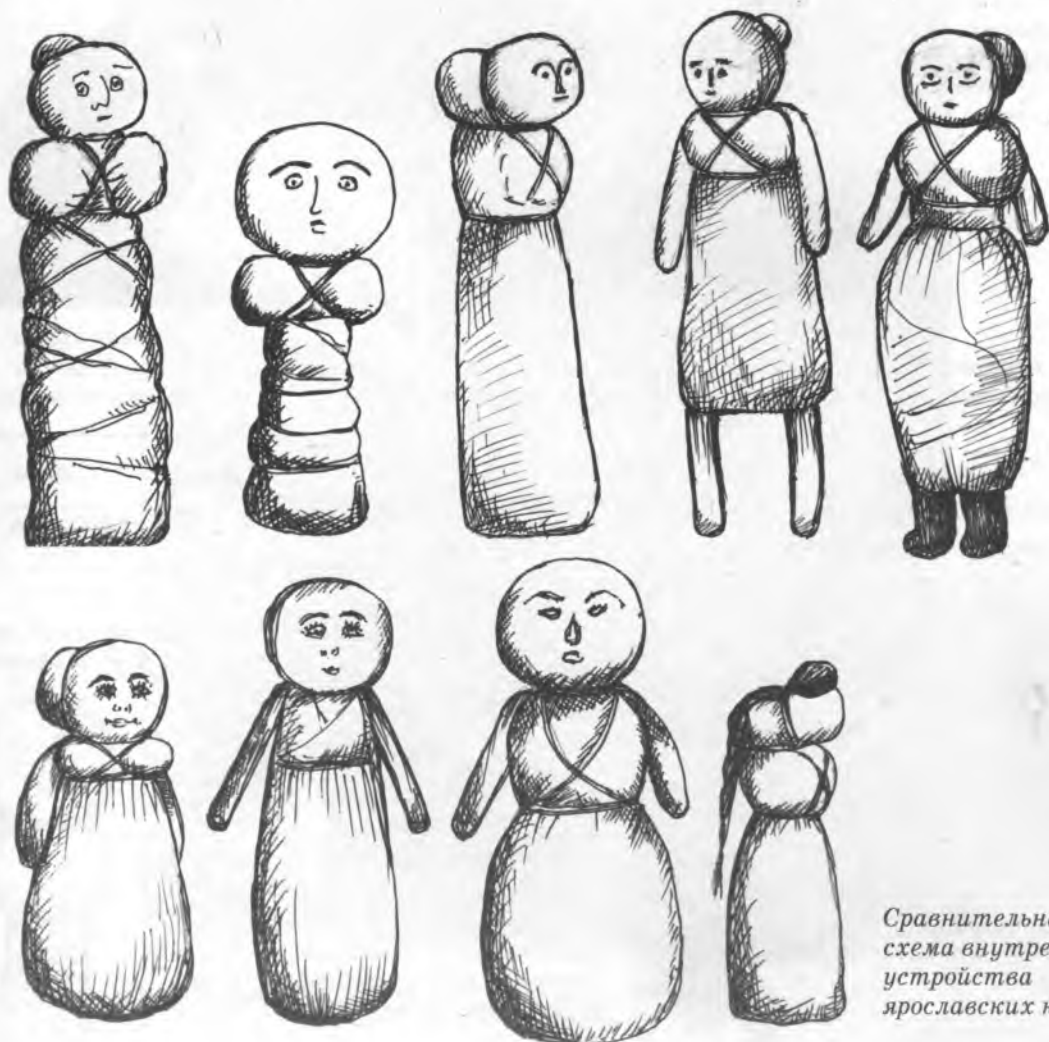

Каменная бабу

крестьянской куклы. Теперь, вспоминая кукол бабы Катерины, я поняла, что в детстве они испугали меня своей идолообразностью, обнаженностью и голыми ничем не покрытыми круглыми головами, мертвенной застылостью лиц – масок. Такая древняя застылость, невозмутимость, погруженность в себя, нечто из области каких-то «навьих чар», как бы печать потустороннего мира характерны для традиционной архаической куклы. Накладные волосы, головные уборы, одежда, нарисованные черты лица – все это частично скрывают, но все равно традиционная

кукла, в частности ярославская, как бы заряжена этой магией потустороннего, со смутно звучащими в ней головами далеких и не очень предков.

Еще одну самодельную куклу в Дворкове военных времен я видела у Соньки Свешниковой – девочки младше меня на три года. Мы с ней играли на крыльце их дома, залезли в кровать, укрытую льняным пологом, спасавшим от комаров. Свешниковы – переселенцы из Мологи. Полог, похожий на прямоугольную палатку, – необходимая вещь в болотистых местностях, где комаров видимо-невидимо.

*Сравнительная
схема внутреннего
устройства
ярославских кукол*

Два типа канонов лиц ярославских кукол

*Пермская
деревянная
скульптура,
Параскева
Пятница*

*Тряпичные куклы
А. Г. Малышевой*

*Глиняная кукла
из села Карачун
Воронежской области*

*Для первого типа характерны дугообразные брови,
переходящие в линию носа, глаза – точки, рот – черточка*

Кукла Г. И. Шароновой

*Реконструкция куклы
К. Вараковой*

*У второго типа нет бровей, глаза
нарисованы двумя дужками с точкой
посередине*

*Рисунок для лица куклы,
сделанный А. И. Никифоровой*

*Куколка
из Загорского
музея
игрушки*

Сидеть под ним было очень уютно. Внимание мое привлекла кукла, замотанная в платок и грязноватые тряпки. Сонька начала укладывать ее спать на подушку. Не знаю, что было внутри куклы, но лицо, нарисованное углем, врезалось мне в память. От него шло некое беспокойство, было страшновато, хотелось его закрыть. Куклу,

видимо, сделала мама Соньки, тетя Маня. Она была молчаливая, смуглая, худенькая женщина. Лицо всегда было грустное, сосредоточенное. Я не помню, чтобы она что-то рассказывала или вообще говорила. Та кукла, возможно, тоже была «ярославская рас-трепа», потому что размер ее был довольно большой.

*Реконструкция куклы девочки Соньки Свешниковой
из деревни Дворково Ярославской области*

Баба Гуся (Августа Григорьевна Малышева)

А. Г. Малышева (1882–1972)

Я по своей природе не фаталистка, но все же есть редкие случаи, заставляющие нас верить в некую предначертанность судьбы, в то, что какой-либо незначительный, вроде бы случайный эпизод может предопределить дальнейший ход твоей жизни или хотя бы обозначить круг твоих основных интересов и увлечений в будущем, вытянуть на поверхность то, что было спрятано где-то глубоко-глубоко и при иных обстоятельствах так бы и осталось похороненным в этой глубине. Таким явлением, или случаем, для меня стали куклы. Но куклы, в частности традиционные, народные, повторю еще раз, представляют собой двойников людей прошлого, они – воплощение

присутствия памяти этих людей, их образа жизни и представлений о мире. Словом, за куклой стоит человек, за традиционной куклой – коллективная личность ее творца-создателя. Это я осмыслила значительно позже, когда собрала небольшую коллекцию ярославских, архангельских и украинских кукол, поработала в фондах Музея игрушки в Загорске, почитала соответствующую литературу. Но чтобы все это произошло, чтобы куклы стали моим увлечением, моей любовью и заботой, нужен был некий толчок, определенная подвижка в виде явления первой настоящей, традиционной куклы. И такая кукла явилась. Вот тут-то можно гадать – простой ли случай способствовал этому явлению, или все же тут сработала некая закономерность, которую можно назвать предопределением? Куклу эту сделала ранее уже упоминавшаяся баба Гуся. В последующем моем изложении речь пойдет как о самих куклах, так и о людях, их создавших, наделивших кукол своими чертами, сделавших их выразителями своего образного видения, своей пластической интуиции. Итак, начну с бабы Гуси.

Недалеко от нашей деревни Дворково, через лесок, расположена маленькая, в пять изб, деревушка – Казаково. Вот из этой деревушки во время войны прибежала к нам баба Гуся – Августа Григорьевна Малышева – посмотреть на своего внука Валерку. Сын бабы Гуси Александр – лихой моряк – как уже упоминалось, погиб в первые дни войны, так и не узнав о рождении Валерки. Баба Гуся, теперь отдаю себе

в этом отчет, тогда еще была хоть и пожилой, но довольно еще крепкой деревенской женщиной. В летнее время она прибегала босиком, на минутку, и действительно редко когда задерживалась дольше минуты. Моя бабушка Дуня не очень ее жаловала, и не раз я слышала в ту сторону – «казаковские мазурики». Видимо, не зря деревенька называлась Казаково – жили там вольные, более рискованные люди.

Ближе познакомилась я с бабой Гусей уже в 1958 году, когда, будучи студенткой Ленинградского художественно-промышленного училища им. В.И. Мухиной, приехала с подругой в Ярославскую область. К тому времени моя бабушка уже жила в Ленинграде, ее сестры Александра и Августа умерли, а Глафира и Анна были в то время у своих детей в Рыбинске. Остановиться пришлось в деревне Казаково у бабы Гуси. Вот тогда-то и появилась ее первая кукла – родоначальница моей коллекции. Тогда же открылась мне и сама баба Гуся как один из характерных типов ярославской крестьянки.

Общаться с ней было просто. В жизни она была непритворлива, все воспринимала и на все реагировала с некой долей юмора. В избе ее – ничего лишнего, только все самое необходимое. С ней, не боясь заблудиться, ходили мы в лес за грибами и ягодами, заходили в глухие заповедные места. Вечерами она рассказывала нам сказки, загадывала загадки, сыпала пословицами и прибаутками времен своей молодости. Сказки были многослойными по сюжету, как тогда мне казалось, несколько корявыми по самому стилю изложения. В них все вещи назывались своими именами. Загадки и пословицы были двусмысленными,

а то и вовсе непристойными, с употреблением нецензурных слов, но всегда остроумными и неожиданными относительно ассоциативно-образных аналогий. С годами многие из них забылись, особенно загадки, некоторые, наиболее пристойные, помнятся смутно. Но меня обрадовало, что эти загадки есть в книге «Загадки» (академическое издание 1968 года «Памятники русского фольклора», составитель В.В. Митрофанова). Вот они: «Что у Адама впереди, а у Евы сзади?». Загадав эту загадку, баба Гуся хитро поглядывала на нас. Мы с подругой невесть о чем думали, но баба Гуся, выдержав приличную паузу, говорила: «Не то, что вы думаете, это буква “а”».

Такими же трудноотгадываемыми и двусмысленными были загадки: «Черный кот Матрешку трет, Матрешка хохочет и еще хочет» (крылышком смазывают сковородку, когда пекут блины) и «Села баба под плетень, начала играть в бубень, меж ног взяла бубен, в обе руки по болтухе и давай играть в бубень» (баба доит корову).

Деревня Казаково. За околицей. Этюд автора

В этой двусмысленности, в этих намеках я усматриваю здоровое народное начало, когда в восприятии жизни на первое место выдвигаются ее физиологические основы, которые в то же время фигурируют как объекты смеховой культуры. Вот одна из самых невинных и коротких сказок бабы Гуси, которую я смогла записать.

«Жил мужик, работать не хотел. С жаной, конечно, жил. В одно время и говорит:

– Пойду-ка я, старуха, на базар.

– Поди.

Идет по базару. Видит – продает другой мужик арбузы.

– А это что такое продаешь?

– Да это кобыльи яйца.

– Вот бы выбрал жеребеночка сивенького.

Тот и выбрал ему арбуз. Приходит домой, кладет арбуз на голубец, штаны сымает и садится на арбуз. Сидит. Приходит бригадир наряжать на работу.

Перелесок за деревней Казаково

– Я не пойду, мне некогда, я жеребеночка высиживаю.

– Ах, мать твою так!..

Хватает бригадир кнут, да кнутом мужика. Мужик с арбуза слетел, арбуз схватил – да и в лес. Бежал, бежал да упал, в кустах запутался. В кусте был заяц. Заяц-то вскочил, а он за ним, кричит:

– Пренька, Пренька, дитька мой, а я батька твой. Маленько не досидел, какое бы было жеребенко рысистое».

В таком же духе, только с большими натуралистическими подробностями, были выдержаны остальные сказки.

Кукла бабы Гуси появилась на свет вот каким образом. Один из дней выдался дождливым. Я принесла со дво-

За грибами с бабой Гусей

*Сын бабы Гуси Александр
с женой Валентиной.
1939 г.*

Деревня Казаково

*Внук бабы Гуси Валерка.
1 год и 2 месяца. 1942 г.*

*Баба Гуся с внуками.
1952 г.*

ра пучок соломы, и мы стали мастерить из нее кукол – стригушек. Таких я видела в детстве, нам их делала в Дворковке гостья бабы Дуни. Эти куклы забавно танцуют на столе, когда снизу ударяешь по крышке стола. Баба Гуся посмотрела на эту забаву, а на другой день вынесла нам тряпичную куклу. Это был столбик с головкой, перетянутой ниткой посередине. Архаичное лицо смотрело на тебя и в никуда

неподвижным взглядом идола. Тогда, хоть я и радовалась этой кукле, но не смогла по достоинству оценить ее важности, понять ее значение в моей жизни. Теперь же говорю: «Спасибо тебе, баба Гуся! Кукла пришла из глубины веков. Ее хранили в своей памяти ярославские женщины многих поколений. Этой неказистой куклой ты, сама того не ведая, сказала нам о ярославской старине, о давно забытом домашнем,

Танцующие куклы из соломы

семейном божестве наших предков. В ней явное живет в тайном и тайное – в явном, реальное земное встречается с потусторонним».

Куколка бабы Гуси (1958) представляет собой столбик с небольшой головкой. Высота – 17 см. Туловище скручено из куска женской кофты плотной вязки; кукла хорошо стоит, что является ее статуарным признаком. Голова и грудь накрыты белой бязью и перевязаны белой катушечной ниткой. Голова за счет перевязки состоит из двух частей – лицевой и затылочной. Лицо округлое, выдается далеко вперед; затылочная часть, куда ушли все складки, похожа на женскую прическу. Голову от туловища отделяет перевязка ниткой. Этой же ниткой крестообразно перевязана выступающая вперед (за счет подложенной ваты) грудь. На месте талии тоже перевязка ниткой. Лицо нарисовано химическим карандашом. Черты – четкие и лаконичные. Выразительные точки глаз. Дугообразные брови переходят в нос, под ним черточкой – рот. Одежда – кофта и юбка – состоит из прямоугольных зауженных кверху кусков ткани. Юбка из тускло-бирюзовой пальтовой ткани полотняного переплетения. Кофта из пестроткани с мелким рисунком плотно стянута и пришита

к шее. Под грудью она перетянута пояском из той же ткани. На голове – платок – «косочек» (ткань в мелкую клеточку), завязан спереди узлом.

Кукла в целом «по руке» ребенку и взрослому, ладная, компактная, декоративно неброская. Внешне скромная и неказистая, она излучает некий внутренний оптимизм, уверенность в себе и своем праве присутствовать в этом мире. Быть в ее обществе комфортно и спокойно. Непонятно почему, но, глядя на нее, испытываешь некое внутреннее чувство радости.

Второй раз я обратилась к бабе Гусе только спустя четырнадцать лет, в 1972 году. За это время я смогла значительно расширить и обогатить фактическим материалом мою «кукольную» эрудицию. Кроме того, за эти годы, большую часть которых я прожила в Украине, мне несколько раз приходилось видеть, как делали кукол женщины в украинских селах, расположенных по рекам Рось, Тясмин, Днепр, Золотоношка. Все это дало мне возможность наконец-то по достоинству оценить куколку бабы Гуси, постичь ее архаическую суть, ее связь с древними обрядами. Но обращение мое к бабе Гусе значительно запоздало: к тому времени ей было уже 90 лет. Жила она не в Казакове, а в деревне Починок у своей дочери Валентины. В ответном письме она писала «Люся, ты просила делать кукол. Просьбу выполнила. Что не ладно – поправь сама. Я теперь, Люся, не та. Поглядела бы ты теперь, какой я стала. Ты думаешь: все такой, какой ходили за грибами. Теперь меня до стола проведут, а когда сама добреду. Больше всего сижу на печи. Все мои и дела. Вся моя молодость ушла от меня и не сказала, а старость пришла – не спросилась. Люся,

Куколка бабы Гуси
из деревни Казаково.
1958 г.

может, не нравится, ну брось в печку. Я больше не могу. Не приведи Господь до такой поры дожить – 90 лет. А кукол сделала наподобие Мити Горошкина с Пашей».

О Мите Горошкине и его сестре Паше я знала в связи с нашими детскими играми. Тогда у нас были куклы «Митя Горошкин» и «Паша». Хоть мы, дети, самих Митю и Пашу никогда не видели, они умерли, очевидно, еще где-то в 1920-х годах, но народ их помнил, кое-кто помнит и сейчас. Это были колоритные фигуры, деревенские чудачки, можно сказать, юродивые. Но юродство их заключалось в убогом смирении, определенной культуре и деликатности по отношению к окружающим и еще в трогательной преданности друг другу. По словам мамы, они, «брат и сестра, неженатые, прожили всю жизнь вдвоем. Маленькие, рыжие, рябые, они дожили до глубокой старости. Друг без дружки – никуда. На базар ли, на колодец за водой или просто выйти на улицу. Но очень аккуратные, добрые. Митя был спокойным, а Паша – тараторка. Бедные, жили в маленьком, как банька, домике-развалюхе».

«Митя Горошкин и его сестра Паша», в отличие от первой, обрядового характера куколки бабы Гуси, – куклы бытовые. Об этом говорят не только их конкретные имена, но и внутреннее строение. По всему, этих кукол делала не баба Гуся, а ее дочь – Валентина (1910 г. р.), однако баба Гуся принимала в этом процессе посильное участие, например, кое-что прошивала вручную и рисовала лицо химическим карандашом. Но главное различие все же касается внутреннего строения, конструкции.

Кукольная пара «Митя Горошкин и его сестра Паша» (1972), в отличие

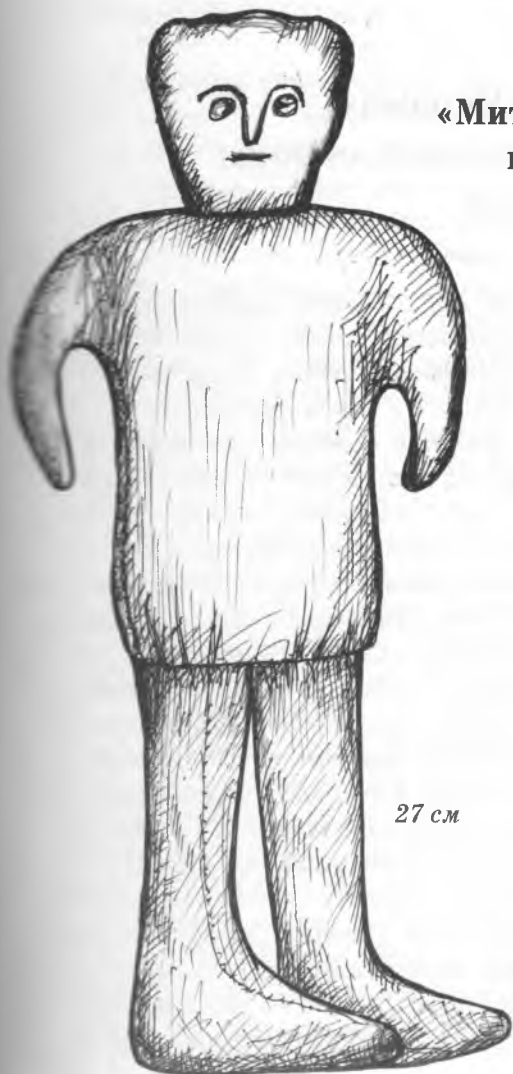
от обрядовой первой куклы бабы Гуси, являются куклами типажными. Функционально они лишь частично предназначены для игры. Вообще же они есть образным воплощением памяти о ярославской деревне старых времен. Они имеют руки, а «Митя» к тому же и ноги. От архаического образа осталось только вышитое черными нитками лицо «Паши»: дугообразные брови, круглые глаза и аскетичный рот – лицо богини. Куклы не равны по размеру: высота «Мити» 27 см, «Паши» – 22 см. Общего у них – трапециевидные головы с закругленными краями и определенная плоскостность туловищ. Последние прострочены на машинке. У женской фигуры туловище – мешочек, набитый ватой, а также валик из ваты на месте груди. Руки пришиты к плечам. У мужской фигуры туловище странной формы с непомерно широкими плечами и руками в виде коротких отростков. Ноги большие с увеличенными ступнями. Внутри их вставлены палочки для устойчивости. Туловище и ноги прошиты на машинке и заполнены крупными опилками. Лицо нарисовано химическим карандашом, черты его те же, что и у «Паши», но несколько приземленно-бытовые. Одежда кукол повторяет традиционный крестьянский костюм начала прошлого века. У нее – кофта, юбка, передник и косынка. Причем юбка пришита к туловищу, а кофта одета. Все прошито на машинке. У него – цельнокроеная рубаха-косоворотка, штаны из полосатой набивной ткани пришиты на поясе. На голове шапочка странной конфигурации из черного сатина.

Удивительно и вместе с тем закономерено, что баба Гуся из Казакова через много лет вспоминала дворковских чудачков Митю Горошкина и его

22 см

Куклы
«Митя Горошкин»
и «Паша»

27 см

*Первоначально лицо куклы
было нарисовано краской,
а затем закрыто новой
тряпочкой с вышитым лицом*

сестру Пашу. И моя мама их вспомнила и о них рассказывала, и мы, дети, называли наших кукол их именами. Ничего выдающегося они не сделали, просто были, жили, присутствовали. Много забылось, многие забыты. Смутно помню своих школьных учителей и соучеников, большинство знакомых и друзей молодости. А вот Митю Горошкина и его сестру Пашу, которых никогда не видела, которые умерли до моего рождения, помню

ясно и, глядя на кукол, вижу их, как живых.

А в принципе, эти куклы образно более конкретны, представляют собой «объясняющее снижение» и типажное упрощение. На их примере видно, как исчезают традиции обрядовой куклы.

Хоть баба Гуся как-то причастна к куклам «Митя Горошкин» и «Паша», фактически же в моей коллекции имеется всего лишь одна ее подлинная куколка, та, что сделана в 1958 году.

Экскурс в 1969 год в Украину. Открытие значимости внутренней основы народных кукол

Странно, а может быть, наоборот, закономерно и в порядке вещей то, что я впервые открыла своеобразие ярославских народных кукол, осознала, что это не просто куклы, а некое предковское атавистическое явление, лишь тогда, когда представился случай встретиться с куклами тоже народными, крестьянскими, но совсем не похожими на ярославских, как и местность украинского Среднего Поднепровья не похожа на мои родные места Верхнего Поволжья. Я уже несколько раз упоминала, что живу на Украине, или, как теперь говорят, в Украине, в Киеве: после окончания института получила туда направление.

До 1969 года летом все отпускное время проводила то в Ленинграде, то в своих родных ярославских местах, то на Севере. И вот в 1969 году мы

с мужем Александром Найденом, который работал тогда на украинском республиканском радио, решили провести отпуск в украинском селе.

Я мечтала пожить в настоящей украинской хате-мазанке с земляным полом, под соломенной крышей, пообщаться с сельскими жителями. Этим моим желаниям как раз и соответствовало село Думанцы на реке Тясмин (Черкасский район), недалеко от ее впадения в Днепр. С одной стороны реки тянулись леса, с другой – открывались холмистые просторы с зелеными долинами и ветряными мельницами на возвышенностях. Но август 1969 года выдался сухим и жарким. Сосновые леса на вересковых холмах, тянущиеся вдоль Тясмина, трещали от сухости, лесные озера обмелели так, что черепахам было тесно в оставшейся воде. Сам Тясмин, который

муж помнил с детства как довольно широкую, хоть и несколько заболоченную реку с омутами, плесами, быстринами, плавнями, зарослями очерета, камыша, резака, с обилием рыбы и водоплавающей птицы, после осушения поймы и выпрямления русла превратился в узкую канаву с торопливо текущей мутной водой.

Что было делать? Оставалось ходить на экскурсии за Тясмин через село Чубиевку туда, где в гористой местности располагались храм, корпуса-кельи, службы, производственные помещения пустыющего Онуфриевского монастыря.

И вот уже в конце нашего отъезда, когда в очередной раз мы возвращались из-за Тясмина, впервые пошел дождь. И не просто дождь, а настоящий ливень. Мокрые, шли мы по песчаной дороге, и в одном месте на обочине мое внимание привлекло яркое красное пятно. Оказалось – это меха детской игрушечной гармошки. Рядом валялись сосновые шишки, пустые маковые головки, стеклышки и маленькая тряпичная куклолка. Очевидно, дети, игравшие у дороги и внезапно застигнутые грозой, бросили весь свой «скарб» и бежали под укрытие. Куклолку я, конечно, подняла и унесла с собой.

Она была маленькая, щупленькая, величиной с первую куклолку бабы Гуси, но почти бесплотная, сделана из лняных ситцевых в цветочек и полоску лоскутов. Единственной ее объемной частью была голова – круглая, в платке, завязанном (я отметила это) по местному обычаю. Но главное, что меня поразило, был крест на лице, набранный из разноцветных ниток (красной, зеленой, желтой, черной), переплетенных таким образом, что на раскрестье образовывался четырехугольник.

Этот крест и плоскостность, безобъемность подобранной куклы навели меня на мысль, что в ее лице я имею дело с особым, может быть, традиционно закрепленным видом народных кукол. Эти куклы, кроме фактора антропоморфности, мало чем схожи с ярославскими крестьянскими куклами. Они и по образу, и по декору, и по внутреннему строению, и по главной иконографической черте (кресту) – иные. Некоторое время мне казалось, что именно этот крест является их главным отличительным признаком. Но позже, мысленно сопоставляя находку с ярославскими куклами, которых к тому времени у меня было уже более десятка, и прежде всего с равной ей по величине куклой бабы Гуси, я пришла к выводу, что главным, определяющим фактором есть все же внутреннее строение, конструкция. Общий характер этой конструкции четко прослеживается в ярославских традиционных куклах.

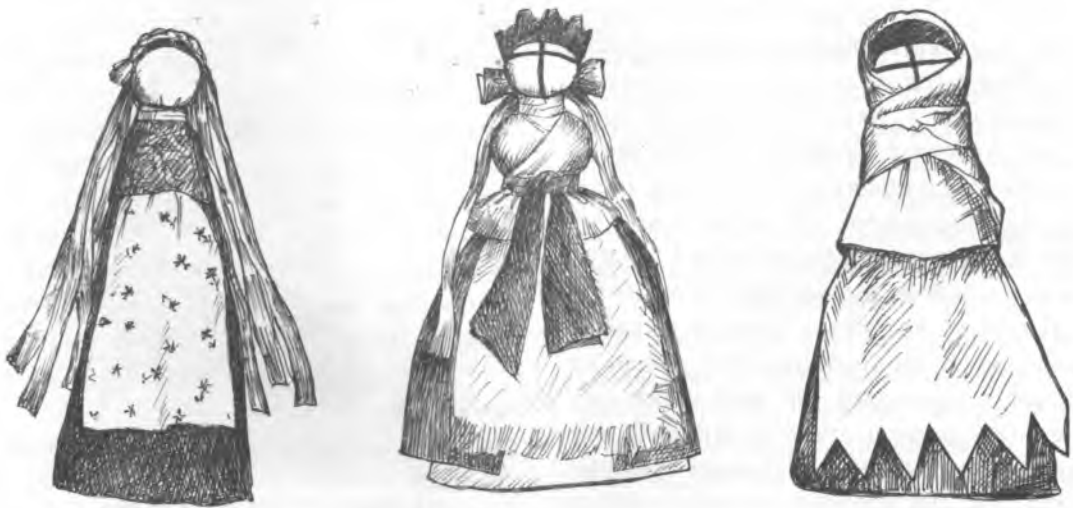
Первая украинская кукла из нашей коллекции

Как выяснилось позже, общая конструкция характерна для узловых традиционных кукол Среднего Поднепровья, представляющего собой часть территорий Киевской, Полтавской, нынешней Черкасской и Кировоградской областей. Хорошо рассмотрев и найденную мной куклу, и кукол, сделанных по моей просьбе местными женщинами там же, и кукол, созданных в других, весьма отдаленных селах данного региона, я еще раз поняла, что народные, крестьянские традиционные куклы – не просто куклы, как я раньше думала, а образное воплощение сущностных, родовых черт местных жителей того или иного региона, края. В результате этого открытия я поняла, что можно любить, любоваться, даже восхищаться куклами других народов, регионов, но куклы – представители твоего родного края, какими бы ни были они неказистыми, будничными, бедными, таят в себе образы твоих предков – то, что есть одной из высших ценностей существования. Явно либо косвенно, скрытно, они дают возможность человеку познать или ощутить нали-

чие родовых связей, а значит – избежать, чувства духовного одиночества.

Так украинские крестьянские куклы Среднего Поднепровья дали мне возможность глубже понять, ощутить красоту и своеобразие моих родных ярославских кукол. Напоследок отмечу, что та мокрая узловая куколка, подобранная на дороге села Думанцы в 1969 году, стала первой из собранных нами нескольких десятков украинских народных кукол. За ней последовали новые находки, встречи, неожиданные открытия, работа с этнографической и исторической литературой, изыскательский труд в архивах и фондах музеев – Киева, Ленинграда, Загорска (теперь Сергиев Посад).

В результате муж – Александр Семенович Найден – опубликовал ряд статей в киевских и московских журналах, сборниках научных трудов, в чехословацком специальном издании. Куклам посвящен большой раздел его монографии «Украинская народная игрушка» (К., 1999), а в 2007 году вышла из печати монография А. Найдена «Украинская народная кукла».

Украинские куклы. Среднее Поднепровье

Бабушка Евдокия Иваховна Качалова (Требещикова)

*Е.И. Качалова (1888–1979).
Фото 1936 г.*

В старые времена, когда транспорт был не развит, мир жителей сельской местности был весьма ограничен. В этом я убедилась, когда мы с мамой в начале июня 1941 года приехали из Ленинграда к бабушке в Дворково и остались там жить до окончания войны. Все эти годы (а мне было 7–10 лет) пространство моих интересов, моих знаний об окружающем мире простиралось в пределах немногих населенных пунктов (ничего лучшего подобрать не могу). Четыре стороны света для меня, да и для большинства местных жителей, имели такой предел: село Кривец на Волге (3 км), город Мышкин (6 км), станция Волга (16 км), а четвертой стороной выступал боль-

шой лес, за которым было неведомо что. В это пространство моих познаний входили близлежащие деревни – Тимомино, Зарубино, Коптево, Казаково, Лукьяново, Галачевка, Сеницыно, Третьяково, Серково, Починок. Большинство из них знаю только по названиям.

Моя бабушка Евдокия Ивановна Гребенщикова, в замужестве Качалова, родом из деревни Тимомино. Там в семье моей прабабки Варвары и прадеда Ивана было семеро детей – Евдокия, Александра, Ираида, Анна, Августа, Глафира и сын Василий. Василий погиб в Первую мировую войну, а Ираида вышла замуж в одну из заволжских деревень, моя бабушка Евдокия – в соседнюю деревню Дворково, а четыре ее сестры так и остались жить в Тимоinine. В Дворкове половина жителей были Качаловы, так как у моего прапрадеда Василия было шесть сыновей – Степан, Семен, Парфентий, Кузьма, Федор, Арсентий. Их семьи для различия называли Степановы, Семеновы, Парфеновы, Кузины... А семью моего деда Тимофея – сына Степана – называли Тимины. Даже меня – Людмилу Орлову – во время пребывания в деревне называли Люся Тимина.

Бабушка Евдокия Ивановна за годы супружеской жизни с Тимофеем Степановичем родила десятерых детей. С 1911-го по 1930-й год в семье каждые два года на свет появлялся ребенок. Старшей была моя мама – Екатерина Тимофеевна. За ней шли Татьяна, Валентина, Евгений, Лидия, Вера, Константин, Антонина. Двое детей – Михаил и Ольга – умерли в младенчестве,

Из семейного альбома

1908 г.

1911 г.

1913 г.

1915 г.

Годы, проведенные в Луге. Дедушка и бабушка с детьми

Из семейного альбома

*Первый ребенок – дочь Катя.
Родилась в 1911 г.*

*Семья Тимофея Степановича Качалова (справа) и его сослуживца
Сергея Ивановича Чеснокова. Луга, 1913 г.*

остальные дожили до старости. Все хозяйство было в руках бабушки. Дед был в армии (в Первую мировую войну) или в отъезде на заработках. Когда в 1935 году он умер, на руках бабушки осталось четверо малых детей – 5, 7, 9, 11 лет. В Дворкове с бабушкой жила также дочь Валентина. А моя мама, Татьяна и Евгений были уже в Ленинграде.

Дорога от уже упомянутой станции Волга вела напрямик в Ленинград, ранее Петербург и Петроград. Именно в этот город, а не в Москву уезжало в поисках заработка большинство жителей нашей местности. Поэтому дед, работавший приказчиком в купеческих магазинах, сразу же после свадьбы увез бабушку в Петербург, а потом в Лугу, где у них родились три дочери – Екатерина, Татьяна, Валентина. В Петербурге и Луге бабушка окунулась в городскую жизнь и довольно быстро приспособилась к ней. На фотографиях того времени и в одежде, и в выражении лица она выглядит, как горожанка. Дети рядом с ней нарядно одеты, держат в руках красивых кукол с фарфоровыми голов-

*Мой дед Т. С. Качалов.
1916 г.*

ками. Но и в городских условиях она, помня о своем детстве, мастерила дочерям «ярославских растреп». Эти куклы, как и сделанные позже по моей просьбе, были несколько «облагорожены» за счет одежды.

Но жизнь в достатке продолжалась шесть лет и закончилась с началом Первой мировой войны. Когда деда забрали в армию и отправили на фронт, бабушка Евдокия с детьми вернулась в Дворково. Жить пришлось у свекрови в маленьком тесном домике. И только в 1928 году, когда у бабушки с дедом было уже шестеро детей, они закончили строительство своего дома в той же деревне Дворково. В это время дед работал в Мышкине на разных коммерческих должностях – продавцом, кассиром, конторщиком. Когда нэп был окончательно свернут и началась коллективизация, дед уехал на заработки в Ленинград, а бабушка была вынуждена вступить в колхоз, отдав корову и коня в общее хозяйство. К тому времени, началу 1930-х годов, у нее уже было восемь детей. Последними родились Константин и Антонина. С дедом в Ленинград уехали Татьяна и Евгений, а чуть позже – моя мама – Екатерина. В 1935 году дед Тимофей Степанович умер в Ленинграде.

Похороны деда – Тимофея Степановича Качалова. Ленинград, 1935 г.

Хоть бабушка много раз, когда дед был в армии, на войне, на заработках, оставалась одна с детьми, она всегда могла рассчитывать на его материальную поддержку. Теперь же, после его смерти, она осталась одна с четырьмя малолетними детьми. Правда, ей помогла и фактически разделила роль главы семьи девятнадцатилетняя дочь Валентина. Значительной поддержкой в обеспечении семьи средствами выживания была моя мама, приехавшая со мной, как уже упоминалось, перед самой войной погостить и пробывшая в деревне до конца войны. Она пошла работать в колхоз, а Валентину назначили председателем сельского совета. Так три женщины – мои мама, бабушка и тетка Валентина – во время войны сумели прокормить семью и дать образование четырем младшим детям, которые учились в Мышкине, а потом в Рыбинске.

Обстановка в нашей избе, в отличие от многих в деревне, была уже несколько городской, можно даже сказать, мещанской. Сказывались годы, проведенные бабушкой в Петербурге и Луге. Типичных лавок вдоль стен уже не было. Пространство избы было поделено деревянными переборками на четыре помещения: большую комнату, спальню, прихожую и кухню. Были стулья с гнутыми спинками, кровать, застеленная покрывалом с горой подушек, буфет-горка, печь, обложенная с лицевой стороны изразцами с синим рисунком. Весь красный угол был заставлен иконами. Из них центральной была икона Спасителя в золоченом окладе с крупными гроздьями винограда. Из Луги бабушка привезла медный, покрытый серебром самовар, в который можно было смотреться, как в зеркало, зингеровскую швейную

Бабушка Дуня и ее дочери Татьяна, Валентина, Вера, Лида

машинку, голландскую кофейную мельницу, чайный сервиз Кузнецовского завода – синий с золотом, из которого пили чай только по праздникам. Она привезла также много разных фарфоровых и металлических мелочей, выставленных в горке. Все эти предметы, как память о лучших временах, скрашивали аскетическую обстановку крестьянской избы и давали бабушке силы выстоять в трудные годы.

Быт, уклад, традиции, каноны в крестьянской жизни, особенно в годы

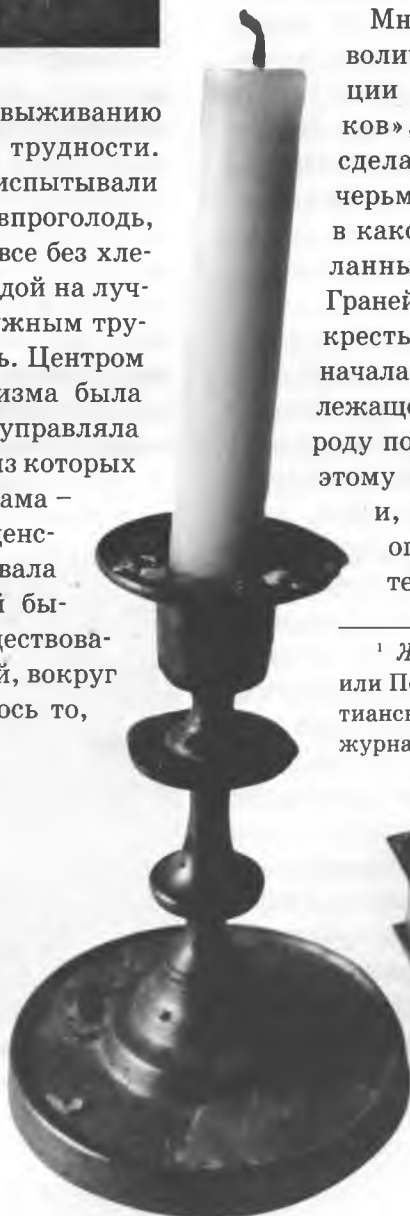
Бабушкин дом в деревне Дворково. Рисунок 1957 г.

лихолетья, способствуют выживанию и помогают преодолеть трудности. Хотя во время войны мы испытывали лишения, нередко жили впроголодь, временами оставались вовсе без хлеба, но всегда жили надеждой на лучшее, осознанием, что дружным трудом можно все преодолеть. Центром этой веры, этого оптимизма была бабушка. Она не только управляла семьей в десять человек, из которых всего двое – Валя и моя мама – работали за гроши и нищенские трудодни, но и задавала тон, обеспечивала некий бытийный ритм нашего существования. Она была той основой, вокруг которой концентрировалось то,

Фарфоровая голова куклы

Жестяная коробочка из-под мыла

что можно назвать средой, нашей семейной, может быть и родовой средой, с ее, по Славою Жижеку, «традицией неумирающих призраков». «Человек становится полноправным членом общества, – подчеркивает в «Хрупком абсолюте» современный мыслитель, – не просто, когда он идентифицируется с проявленной символической традицией этого сообщества, но только тогда, когда он допускает призрачное измерение, которое поддерживает эту традицию неумирающих призраков, преследующих живущих»¹.

Мне кажется, что этой символической традиции, традиции «неумирающих призраков», исполнены и куклы, сделанные бабушкой, ее дочерьми – моей мамой и Верой, в какой-то мере и куклы, сделанные сестрами бабушки – Граней и Анной. Помимо общего крестьянского, ярославского начала, есть в них нечто, принадлежащее нашей семье, нашему роду по бабушкиной линии. Поэтому позволю себе вспомнить и, по возможности кратко, описать наш быт и уклад, те вещи и предметы, что

¹ Жижек С. Хрупкий абсолюте, или Почему стоит бороться за христианское наследие. – М.: Худож. журнал. 2003. – С. 118.

были связаны с бабушкой, пребывали под ее началом и являлись компонентами той общей данности, в которой живут традиции «неумирающих призраков» и которая может быть понятийно обозначенной как среда.

Из основных бабушкиных предметов самыми главными, организующими наш быт, были печь и самовар. Без самовара изба пуста. Он объединял семью за столом, грел душу. За самоваром решались все семейные проблемы. Он – как член семьи. Он как живой. Он имеет голос – кипит, бурлит, свистит, иногда поет, плюется даже. В него можно смотреться, как в зеркало, и видеть себя в искаженном виде – веселое занятие для детей. Бросали в чайник цикорий и ставили его сверху на самовар для заваривания. Расставляли чашки с блюдцами. По редким праздникам щипчиками кололи сахар. Ставили кринку топленого молока с румяной пенкой. Чай пили из блюдца, держали его на растопыренных пальцах. Дули на горячий чай, прихлебывая его маленькими глотками. Пили долго, по несколько чашек. Под конец чашку переворачивали вверх дном, чтобы показать, что

напились. При этом самовар продолжал кипеть. Внизу в дырочки еще был виден свет его внутреннего огня.

Самовар – дитя русской печки. В ней есть специальное отверстие, куда вставляется труба самовара.

Печка и кухня были целиком в ведении бабушки. Ее работа – ежедневный труд «в горячем цеху». Она вставляла раньше всех, в четыре утра, и готовила еду на весь день. Печка с ее жаром и теплом была как бы живым существом, послушным и благодарным

Вещи, привезенные бабушкой в деревню из Луги

бабушке, но иногда взбрыкивающим, показывающим свой норов. Но бабушка из этих перипетий всегда выходила с честью. С утра приготовленная пища целый день прела в теплой печи, приобретая дополнительный вкус и сытность.

Истопить печь – это целая наука. Хозяйка знает, что и как ставить в печку, все заранее приготовит, чтобы дрова не горели зря. Бабушка двигала трехведерные чугуны в горящем печном жерле, орудовала то ухватом, то кочергой, то просто тряпкой. Плошки с кашей, кринки, горшки, чугуны ставила в свое время на свои места, где содержимое их не смогло бы пригореть или остаться недодаренным. Напоследок бабушка выгребала в корчагу горящие угли для самовара и ставила формы с хлебом. С хлебом – сказано слишком сильно, на самом деле в военное время в хлебе было минимум муки, больше дуранды (льняных жмыхов), картошки, мякины, лебеды, головок клевера и разных кореньев, перемолотых на ручных жерновах.

Проделав эту работу, бабушка, совершенно измученная, позволяла себе

Бутылка для водки

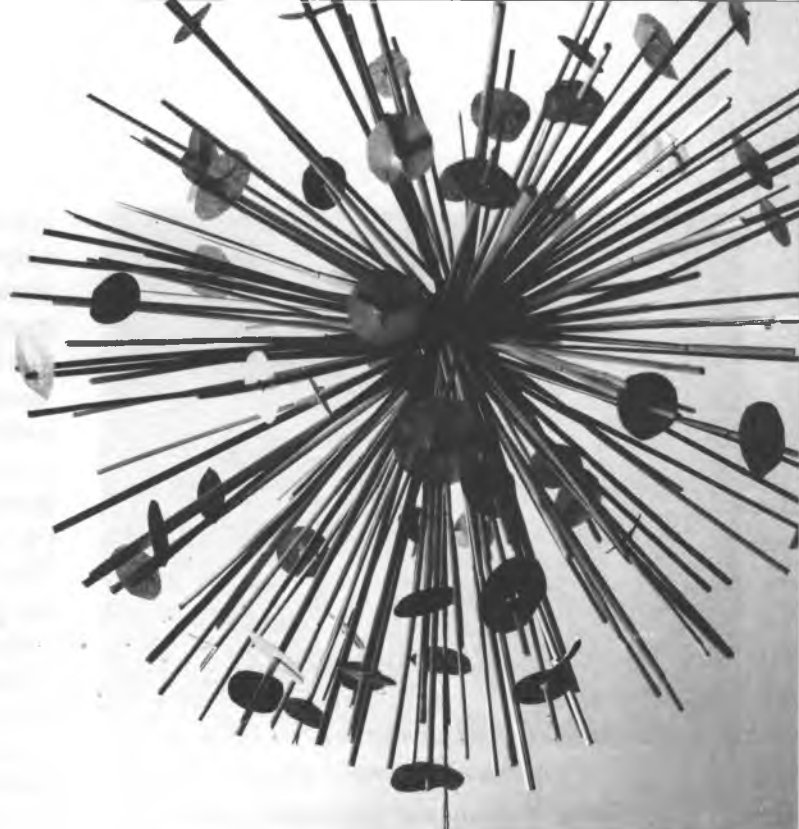
*Наличник с изображением солнца.
Резьба по дереву*

получасовой отдых на печке. Помню, когда мы, дети, играли на полу, с печки торчали бабушкины валенки: она лежала на горячих кирпичах лежанки, прогревая спину. Печка была самым уютным местом в избе. В морозные дни, когда дом с утра выхолаживался, на печке можно было согреться. И во всякое время на печке было тепло и уютно. Мы там играли в кукол, мечтали, рассказывали сказки и страшные истории. Печка была еще и лекарем. На горячих кирпичах лечили спину и поясницу, лезли также в саму печку, в ее нутро, чтобы «попарить косточки». Для этого вечером, когда печка частично остывала, стелили соломку и заползали внутрь, где распрямлялись и сидели в темноте, как в камере. При этом жар охватывал все тело, пот лил градом, кости и суставы прогревались. После этого вылезали, бежали во двор и окатывали себя водой (не всегда холодной), смывая болезни и грязь. Довольные, улыбались и говорили:

«Будто наново родилась!», действительно ощущая некоторое обновление и легкость. Каждую субботу в печке по очереди парилась и мылась вся семья – сначала старшие, а когда печка больше остывала, – дети. Мылись нередко «щелоком» – золой, специально вываренной в чугунах; мыло являлось большим дефицитом, поэтому, если им и мылись, то очень экономно.

Хозяйство было натуральное. Все нужно было делать самим: выращивать еду на своем огороде, собирать урожай, заготавливать на зиму сено для скота, грибы и ягоды, самим молоть крупу на кашу, кормить овец, поросенка, кур, кроликов. Всем этим руководила бабушка. Она держала в руках все хозяйство, должна была все предвидеть и организовать, для того чтобы все были в меру возможности сыты, одеты и обуты. Бабушка пряла, ткала половики, стегала одеяла, обшивала и обстирывала всех, поддерживала дисциплину в семье, устраивала праздники. Хотя в школе она училась всего два года, но хорошо читала по-старославянски, у нее были старинные книги. Учила и меня мудреным буквам и молитвам. По вечерам зажигала лампадку и долго молилась перед иконами. Все было в ее руках. Главное – ритм жизни семьи, в который входили сельскохозяйственные работы, посты и праздники. Бабушка была в нашем роду последней хранительницей старых обычаев и обрядов. Она сама высчитывала сроки церковных праздников, готовилась к ним и соблюдала.

В бабушке еще жили отголоски древнего поклонения солнцу. Из кар-

Солнышко из соломы с цветными бумажками

тошки и золотых соломенных лучей она делала солнце и в один из зимних предвесенних праздников подвешивала его к потолку. Помню, в Петров день еще до восхода солнца она разбудила меня и отправила за деревню смотреть, «как солнце радуется». Действительно, появившееся на горизонте солнце «играло», меняло свои очертания, деформировалось, вытягиваясь то по горизонтали, то по вертикали. Бабушка говорила, что раньше в этот день вся деревенская молодежь выходила встречать солнце. Устраивали игры, водили хороводы, пели песни. Не помню, где-то вычитала, что раньше праздник Ивана Купала назывался праздником Ярилы и на Ярославской земле избы были увенчаны деревянным коньком – символом солнца. Изображение светила в виде полукруга с лучами встречается на наличниках окон даже теперь. В Дворкове рядом с нашим домом стояла изба Вараковых, ставни которой

«Голубь» из яйца и бумаги

были украшены резными полусолнцами красного цвета на синем фоне. Не удивительно, что ярославские куклы с подчеркнута круглым лицом воспринимаются как солнцеликие.

Больше всего я любила Троицу – самый светлый, радостный праздник. Еще накануне в избе все вверх дном: моют стены, потолки, дряют пол дрсвой до белизны, потом застилают новыми половиками. Нас, детей, посылают ломать ветки березок и украшают ими всю избу. Она преображается, наполняется запахом чистоты и свежести,

*«Жаворонок» из ржаной муки.
«Крестики» из пшеничной муки*

сокровенным ароматом клейких листочков березы. Из кухни шел не менее приятный запах горячих пирогов с капустой и творогом. Такой же предпраздничный подъем на Пасху. Везде чистота, порядок. На столе куличи, на блюде крашенные шелухой лука яйца, утопающие в бархатистой зелени мхоплавуна. Белой пирамидой стоит, сверкая, творожная пасха с изюмом. Перед этим бабушка и моя мама всю ночь проводили в церкви за Волгой. Утром возвращались просветленные: «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!».

На Благовещение бабушка пекла «жаворонков» – плетенные булочки с глазами-изюминками. Еще бабушка и мама делали из темного теста «жаворонков», на спине которых процарапывали колосок как символ будущего урожая. Затем их бросали в кипящую воду, после чего, остудив, давали детям. Это были отголоски языческих обрядов, связанных с прилетом птиц, встречей весны и началом земледельческих работ. Накануне одного из праздников (какого, забыла) бабушка пекла «кресты с секретом». Внутри прятались маленькие секреты-символы: копеечки (богатым быть), зерна (хоро-

«Жаворонки» из пшеничной муки

ший урожай), сахар (сладкая жизнь), соль (соленая жизнь), горох (к слезам), бумага (учиться) и т. д. Садись за стол, и каждый выбирал свой «крест» – что судьба ему готовит. При этом все очень веселились, смеялись, отпускали разные реплики и прибаутки. На Масленицу, по наказу бабушки, брали санки и шли по деревне собирать дрова, из которых делали костер, и сжигали чучело Масленицы. На столе в эти дни всегда была стопка блинов. По инициативе бабушки в сочельник гадали на суженых, а перед Рождеством передевались в кожухи, вывернутые наизнанку, мазали лица сажей и бегали по избам пугать соседей. Это были редкие дни отдыха и веселья. Мы, дети, на летних каникулах трудились в колхозе, зарабатывали трудовни – возделывали, убирали и драли лен, молотили, возили снопы, возили навоз на поля, убирали сено. Даже я в свои десять лет в 1944 году заработала за лето 24 трудовня.

Зимой, когда в колхозе работы мало, большинство деревенских женщин занималось обслуживанием своего хозяйства и рукоделием – пряли шерсть, вязали рукавицы и теплые носки. Девочки вязали крючком из белых катушечных ниток подзоры для кроватей, прошвы для наволочек, концы для полотенец. Полотна, скатерти уже никто не ткал, никто не занимался вышивкой. Иногда зимой бабушка ставила ткацкий станок, на котором ткала из тряпок пестрые половики. До сих пор сохранилось сделанное ею лоскутное одеяло.

Бабушка, руководя нами, проявляла значительный такт, была мудрой и терпимой. Зимой семья чаще бывала в сборе. Вечерами во время занятия рукоделием начинались особенно заду-

Ткацкий станок. Музей в Мышкине

шевные разговоры, воспоминания, обсуждения разных событий и проблем. В разговорах нередко употреблялись пословицы и поговорки, которые естественно вплетались в речь говорящего. В них была собрана житейская мудрость народа, житейские аксиомы и максимы подавались в иносказательной форме. Это подбадривало человека, напоминало ему о главном и учило простым, но необходимым

Ярославская прялка и веретена для изготовления пряжи

Предметы быта в нашей крестьянской избе

житейским правилам. Чаще других к пословицам и поговоркам прибегала бабушка. Хотя в них не было ничего уникального, но, сказанные к месту, они выполняли свою поучительную функцию: «Хороша ложка к обеду»; «Близок локоть, да не укусишь»; «Подальше положишь – поближе возьмешь»; «Семеро одного не ждут»; «Что ни делается, все к лучшему»; «Кашку слопал – чашку об пол»; «Кабы знал, где упадешь, то соломку б подстелил»; «Обжегся на молоке – дуй на воду»; «Там хорошо, где нас нет»; «Сколько веревочка ни вьется, а кончик найдется»; «Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь»; «Свет не без добрых людей»... Пословицы были на все случаи жизни, учили уму-разуму, переводили мир предметов в мир символов.

Ни о чем я так не сожалею, как о бабушкиной родовой кукле «ярославская растрепка», о которой упоминала в начале. Это была довольно большая кукла – около 50 см, с крупной головой и лицом, вышитым черными нитками. К голове бабушка пришила свои седые волосы, что неприятно поразило меня. Сюжет «растрепы» был распространен в ярославских деревнях. Судя по бабушкиной кукле и той, которую позже сделала ее сестра баба Граня, это куклы крупного размера с руками и ногами. Иногда, в случае необходимости, скручивали любую старую одежду, на месте головы завязывали платок и эту «растрепу» давали играть ребенку.

Показательно, что и в раннем рассказе Достоевского «Господин Прохарчин» чиновники-«надсмешники» из старой одежды квартирной хозяйки соорудили куклу «Золовку». Объект фантазий, а, проще сказать, лжи скопидома Прохарчина, «Золовка», буду-

чи воплощенной, сыграла с ним злую шутку. «Прикол» чиновников закончился трагически. Для меня образы зловещих кукол Достоевского, Гофмана, Ганса Белмера, экранной куклы Чаки служат предостережением о непростой психологии куклы, о том, что, как и в человеке, в кукле может затаиться зло и что нельзя играть с куклой в сомнительные, рискованные игры. Только своя родовая, бабушкина и мамина куклы могут выполнять роль оберега, наставления и напутствия.

К сожалению, я в то время (40 лет назад) не была готова к восприятию бабушкиной куклы-«растрепы» и не поспешила ее забрать. Бабушку это обидело. Когда я зашла к ней в следующий раз, куклы уже не было. Я попросила бабушку сделать мне небольшую куклу без одежды, чтобы видно было, как она внутренне устроена. Мне хотелось, чтобы бабушкина кукла, как и кукла бабы Гуси, была идолообразной. Бабушка выполнила просьбу, но сделала куколку в нижнем белом белье. Она была одета в рубаху, подпоясанную черным поясом, и белые штаны наподобие кальсон. В былые времена деревенские женщины носили такие зимой под платьем. Получилось что-то вроде японского борца, даже голова была с узелком на макушке. Когда я ее раздела, чтобы посмотреть внутреннее устройство, оказалось, что она, хоть и сделана в традициях ярославской крестьянской куклы, но заметно отличается от других кукол из моей коллекции.

Эта кукла по пропорциям и статуарному типу ближе, чем другие, к игровой. У нее есть не только руки, но и ноги. На груди подложена вата, и грудь перевязана крест-накрест суровой ниткой. Туловище мешочком,

**Куколка моей бабушки
Евдокии Качаловой**

Профиль куклы

22 см

Внутреннее устройство куклы

*Если убрать у куклы руки и ноги,
то получится типичный
ярославский «столбик»*

Бабушкина кукла в «нижнем белье»

внутри – скрутка из ткани. Отличает ее от большинства ярославских кукол голова. У всех других последняя перетянута ниткой поперек и посередине, так что создается впечатление тяжелой прически сзади. У бабушкиной же куклы на голове узелок. Руки-скрутки пришиты в районе шеи, а ноги-скрутки – внизу к уголкам туловища. Лицо гладкое, все складки переведены на затылок, черты лица вышиты черными нитками. Если эту куклу представить без рук и ног, то она в профиль, как и все традиционные ярославские куклы, напоминает каменную бабу.

Ярославскую куклу с маленьким узелком на голове я видела в 1970-х годах в Загорске, в Художественно-педагогическом музее игрушки Российской академии образования.

На общем виде бабушкиной куклы, особенно одетой в платье, которое было сшито позже, отразилось пребывание бабушки в Петербурге и Луге.

Кукла, несмотря на традиционное крестьянское внутреннее строение, имеет городской провинциально-мещанский внешний облик. Вообще же эта кукла, как и многие традиционные, сейчас удивляет своей современной, можно сказать, постмодерной образностью. Кстати замечу, что большинство людей, далеких от современного искусства, воспринимают таких кукол как примитив, недостойный внимания. Но такие куклы шагнули далеко вперед из того давнего времени, когда они зародились. Думаю, что связь с тем временем, с истоками их образности, с доисторической архаикой делает их современными. Подобные условные образы создают живописцы и графики нашего времени.

Бабушкина деревня Дворково ныне опустела. Оживает она только летом, когда из города приезжают внуки бывших хозяев. Дома бревенчатые. У многих на крыше есть выступ с большим окном. Это светелка. Там располагается комната, где можно было уединиться, читать книги, слушать, как барабанит дождь по крыше, как шумят деревья под порывами ветра, и играть с куклами. В светелке стоял плетеный сундук с тряпками... Вообще, чердак – помещение под крышей (у нас его называли «потолок»), был привлекательным местом для детей. Там хранились вещи, которыми редко пользовались: ткацкий станок со всеми принадлежностями, большие глиняные корчаги для браги. К балке были прикреплены весы с медными чашами и большие и малые гири. Там же лежали старые учебники и книги и даже новенькие бумажные деньги – «керенки», так и не бывшие в обороте, – мы играли ними в «магазин». Куча поношенной обуви в углу; когда шли

Деревня Дворково

Довоенные годы

Послевоенные годы

Бабушке 90 лет. Ленинград

*В день рождения бабушки.
70-е годы*

*Бабушкины сыновья
Костя и Женя*

в лес, каждый выбирал себе какие-то опорки. Чердак напоминал теперешний музей быта.

Жизнь бабушкиного поколения четко делилась на периоды – «до революции» и «после революции», «до войны», «война» и «после войны». Именно после войны дети бабушки разъехались по разным городам. Когда бабушкина дочь Валентина в конце 1950-х годов получила жилье в Ленинграде, она забрала бабушку к себе. И куклу для меня Евдокия Ивановна делала уже в Ленинграде. Там же и сейчас живут некоторые ее дети и внуки, а другие – в Архангельске, Мурманске, Казани, Таганроге, Северодвинске, Кирове, а я с семьей – в Киеве.

*Родные и близкие в день похорон Е. И. Качаловой.
Ленинград, 22 ноября 1979 г.*

Большая родня

Моя бабушка Евдокия Ивановна родила шесть дочерей. Поэтому в нашем роду появились новые фамилии: Орловы, Кузнецовы, Малышевы, Богомолы, Кулешовы, Скобликовы, Дмитриенко, Поповы, Гусевы, Короиды, Шеферы, Гетьманы, которые проживают в основном в Санкт-Петербурге, а также в Нарве, Казани, Архангельске, Мурманске, Североморске, Таганроге и Киеве

Большая родня

Баба Трахя (Глафира Иваховна Шарохова)

*Г. И. Шаронова (Гребенщикова)
(1904–1988)*

Еще одну «ярославскую растрепу» сделала для меня младшая сестра бабушки Граня (Глафира Ивановна). Бабушкины сестры прожили почти всю жизнь в деревне Тимонино в полукилометре от Дворкова. Александра и Августа – старые девы – остались жить в родном доме, а Анна и Граня вышли замуж в своей же деревне. В начале 70-х годов дочери забрали Граню в Рыбинск. Свою «ярославскую растрепу» она смастерила уже там.

Характерно, что в письме, сопровождавшем посылку, Граня назвала куклу именно «ярославской растрепой». «Растрепа» у нее, в отличие от бабушкиной, получилась очень ладная. Волосы сделаны из льна – две ко-

сы сзади вдоль спины. Высота – 43 см. Белое круглое лицо, обрамленное оборками капора, похоже на деревянный лик солнца в книге Юрия Арбата «Путешествие за красотой» и в то же время почти точно повторяет черты лица маленькой ярославской куклки из загорского Музея игрушки. Лицо куклы бабы Грани четко, уверенно нарисовано углем. Сама голова вытянута по горизонтали и перевязана капроновой ниткой, что создает впечатление прически сзади. Лицевая часть шире, чем затылочная и несколько выступает вперед. Спина куклы узкая, зато грудь широкая и выпуклая благодаря подложенной вате, перетянута крест-накрест той же ниткой. Ниткой же перевязаны шея и талия. Туловище очень удлиненное, к нему пришиты руки-скрутки и довольно короткие ножки. Одежда – ситцевая кофта с набивным рисунком в мелкую розочку, юбка сатиновая синяя в узенькую белую полоску с оборкой по низу. Под ней белая

*Глафира Ивановна с дочерьми Юлей,
Тоней, Вале́й*

Деревня Тимонино. Дом Шароновых

Граня-телятница

Граня с сестрой Александрой

нижняя юбка и штанишки. На голове сиреневый капор – отголосок моды XIX века, впрочем, в 1940-е годы в деревне маленькие девочки в холодные дни носили капор, а летом – чепчики.

Граня была хорошей портнихой. Вся одежда на кукле очень пропорциональна и прострочена на машинке. Хранятся у меня и половики, вытканые Глафирой Ивановной. В них запечатлен образ ярославской природы – не очень яркой, но колористически сложной и тонкой – рассветы, закаты, небо и река в погожие и пасмурные дни, полоска дальнего леса... Граня была веселым, добрым человеком, с девичьих лет пела в церковном хоре.

Но вернемся в деревню Тимонино. В детстве для меня здесь был край земли. За деревней стоял большой лес, в котором можно заблудиться и никогда оттуда не выйти. Именно там живет леший. Люди рассказывали, как он водил по лесу – ходишь, ходишь и приходишь все время на то же место, пока не вырвешься из этого круга.

Где теперь все тимонинские фамилии – Никифоровы, Андроновы, Гребенцовы, Сиянцевы, Лопатины, Крыловы, Хазовы, Шароновы, Герасимовы, Баклагины и т. д.? Их забрала земля, а дети разъехались по городам. Раньше здесь кипела жизнь, было 35 домов и жило в них около 150 человек. А сейчас домов осталось 15, да и не во всех из них живут люди. А если и живут, то приезжие. Нет конюшни, водонапорной башни, пруды заросли, нет и большого скотного двора, где Граня работала телятницей.

Когда летом 2008 года я приехала в эти места и прошла через всю деревню, то не встретила даже кошки. Деревня как заколдованная. Только возле последнего дома – принадлежавшего

когда-то Шароновым – сидел инвалид Саша Смолкин. Потом из дома вышла его жена. Эти люди живут теперь в доме, где долгое время обитала Граня. Дом большой – на две половины. В одной жили Граня с мужем Николаем Ивановичем и детьми, в другой – ее свекор, дед Иван. Он был неординарным человеком.

По рассказам дочери Грани – моей ровесницы и одноклассницы Тони, он лечил людей травами, заговаривал больные зубы, нередко прибегал к гипнозу. Приходил к молодежи на «беседы» (вроде теперешних дискотек в домашних условиях) и там «чудил»: показывал фокусы, гипнотизировал собравшихся, например, когда кричал: «Наводнение!» – девки загибали подолы, парни снимали штаны, вскакивали на стол, на скамейки. Он был мастер на все руки, играл на разных музыкальных инструментах, выращивал различные сорта яблок и вишен, занимался пчеловодством. Ходили слухи, что он чернокнижник и искатель кладов.

Странный случай, связанный с его смертью, описала его внучка Тоня в письме ко мне: «Помню четко, когда умер мой дед, случился страшный случай. Бабушка ушла в сельсовет, а мы, дети, я и мой двоюродный брат Виктор, сидели в комнате около кухни. Двери и окна в других комнатах были закрыты. Был ясный летний день. Вдруг дом задрожал, задребезжали стекла на окнах и как будто горох рассыпался в дальней комнате, где лежал мертвый дедушка. Мы с Витькой сиганули на печку в дальний угол и сидели там чуть дыша до прихода бабушки. Когда она пришла домой, то с трудом нас нашла. Мы все рассказали ей. Вместе пошли в горницу, где под образами на широкой лавке лежал дед.

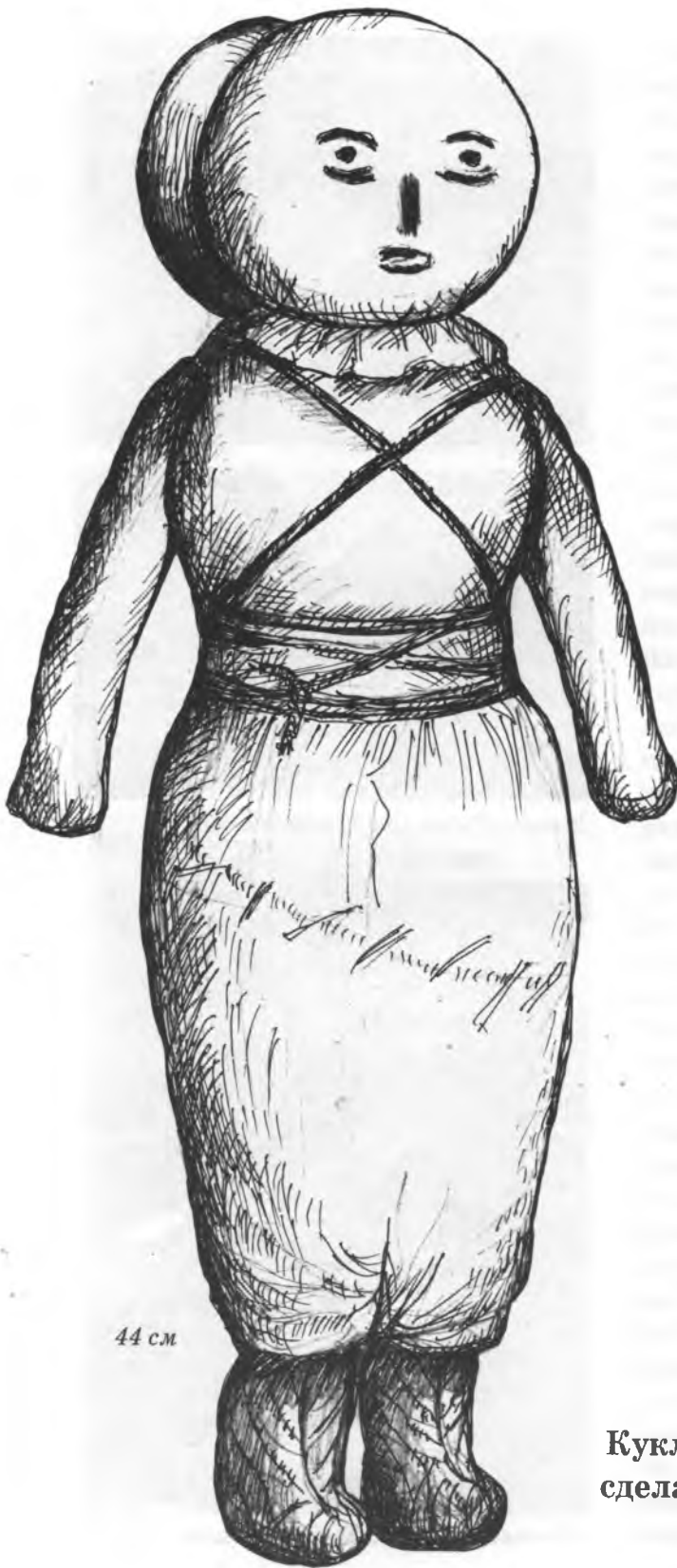

Деревня Тимонино. Рисунки автора

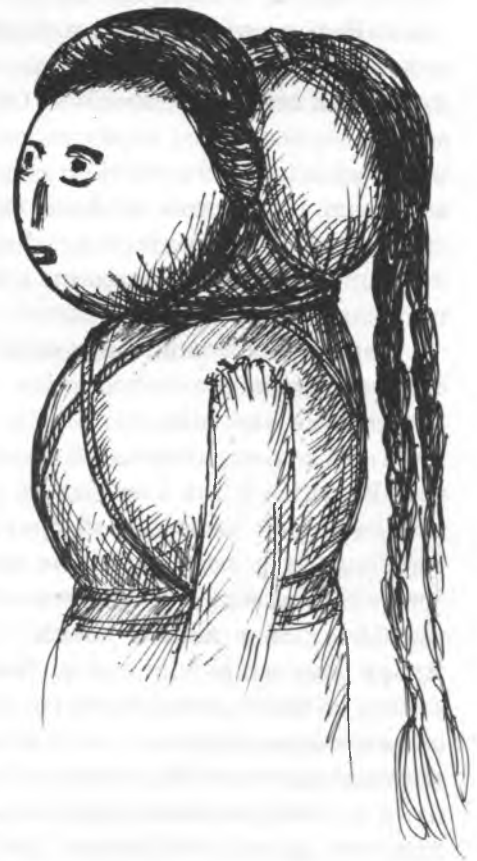

Мостки. Акварель Ю. Снедзина

*Первоначальное лицо просвечивает
через ткань на затылке*

44 см

**Кукла «ярославская растреп»,
сделанная Глафирой Ивановной
Шароновой**

Кукла бабы Грани. Вид со спины

Лампадки все были погашены, а нога деда была спущена на пол, будто он хотел встать, хотя лавка была в два раза шире деда. Бабушка нас успокоила как могла».

Итак, летом 2008 года из Тимонино я уходила, испытывая гнетущее чувство неумолимого разрушительно-го хода времени. Все заросло травами, цветами, избы выглядели низкими, серыми, деревня явно вымерла. Зрелище это было тем более гнетущим, что сквозь деревню проходила хорошая современная асфальтовая дорога, проложенная газовиками, тянувшими трубопровод через Волгу.

Теперь, глядя на Гранину куклу, да и на других ярославских крестьянских кукол, сделанных моими родственниками, вижу в них некое начало, которое противостоит энтропии беспмятства и способно бросить вызов разрушающему могуществу времени с его свойством проходить безвозвратно. В куклах, если, конечно, это подлинно традиционные куклы, есть элемент возврата стершихся образов прошлого. Особенно явственно вижу этот элемент в Граниной кукле «ярославская растепа». Она самая большая в нашей ярославской коллекции. Уверенная, простая, монументальная, она выглядит хозяйкой, хозяйкой земли, именно Ярославской земли. Она – представительница всех поколений людей, которые жили и работали на этой земле – косили, пахали, бороили, выращивали хлеб и растили детей.

Деревня Тимохино

Жители деревни Тимохино

Трудовые будни

Куклы Юши (Ахы Цваховы Никифоровой)

А. И. Никифорова (1897–1976)

Нюша – средняя сестра бабушки, Граня – младшая. Но кукла Грани и по сюжету («ярославская растрепа»), и по степени традиционности ближе к бабушкиным – более значимая и более древняя. Нюшины куклы, как я понимаю, имеют меньше архаических черт и проигрывают в значимости.

Всю свою жизнь Анна Ивановна Никифорова (Нюша) прожила в деревне. Вырастила двух детей – Колю и Олю. Впоследствии они забрали ее к себе в Рыбинск. Уже там в 1974 году по моей просьбе были сделаны те четыре куклы, которые вошли в мою коллекцию.

Посылку с куклами сопровождало письмо. В нем Нюша писала: «Большая кукла – это «Молога», сделана

Татьяниной свекровью, как раньше носили ребят на полотенце, а не в коляске возили, а это моя семья – Ванька с Манькой и мать».

Две большие куклы – «Молога» и «Мать» – сделаны в ярославских традициях: с солнечными лицами, похожие друг на друга, как две сестры. Головы круглые, лица гладкие, округлые, выделяются за счет перетяжки нитками. У одной грудь образована ватой и перетянута ниткой накрест, у другой – просто отделена ниткой от нижней части туловища, обтянутой чулком в резинку. Руки-скрутки пришиты, ног нет. Куклы могут стоять. Волосы сделаны из льняной кудели, но прикреплены к голове по-разному. Лица нарисованы деликатно, по кукольному: глазки с ресничками, губы красные и румянец. У одной одежда крестьянская: кофта, юбка, передник. Вторая одета по-городскому – в платье. Лицо ее обрамляет полоска из плотного материала типа клеенки, получается подобие капора. Ее ребенок, завернутый в красное одеяльце, привязан к груди белым полотенцем, перекинутым через плечо.

Лица кукол в то время, в начале 1970-х годов, меня разочаровали своей нетрадиционностью и некой «альбомной» кукольностью. Не помню, какое замечание я сделала по их поводу, но во втором письме Нюша написала: «Кукол по-своему я постеснялась нарисовать, рисовал Коля [Коля – сын Нюши, прозванный в детстве за широкую улыбку Коля Милый. – Л.О.], я бы

*Нюша с братом Василием
(погиб в Первую мировую войну)*

вот таких нарисовала». И приложила два рисунка лиц – уже традиционных ярославских. «Может, сама обтянешь тряпкой и напишешь по-другому».

Советом Нюши я не воспользовалась. Теперь, по прошествии многих

лет, лица кукол мне стали нравиться – улыбчивые, солнечные, соответствующие образу.

Две маленькие куколки – Ванька и Манька – сделаны уже не в ярославской традиции. Их, видимо, шила дочь Нюши – Леля (Ольга Васильевна Козулина, 1926–2009). Внутреннее устройство этих кукол уже индивидуальное, авторское. Эти куколки по функциям и образу близки к сувенирным и игровым. Одежда – крестьянская. Лица этой веселой парочки тоже нарисовал Коля.

Куклы – один из тех значимых факторов бытийности, которые, как пробный камень, определяют суть человека, служат показателем содержания его генетической памяти. Возврат к детству, а через детство – и к родовым истокам, в большинстве случаев происходит неосознанно, но, будучи материализованным в определенной вещи, предмете, артефакте, может о многом сказать. Куклы и есть одним из результатов этой материализации. Они отражают и выражают то основное и постоянное, что есть в человеке,

Тимонинские «кавалеры»

*Жители деревни Тимонино
у пожарного депо*

20 см

Кукла Анны Ивановны
Никифоровой.
Дережня Тимонино

Прическа и способ
прикрепления волос
из льна

Куклы А. Я. Петуховой (слева)
и А. И. Никифоровой (справа)

18 см

Кукла Александры
Яковлевны
Петуховой.
Брейтовский район
(Молога)

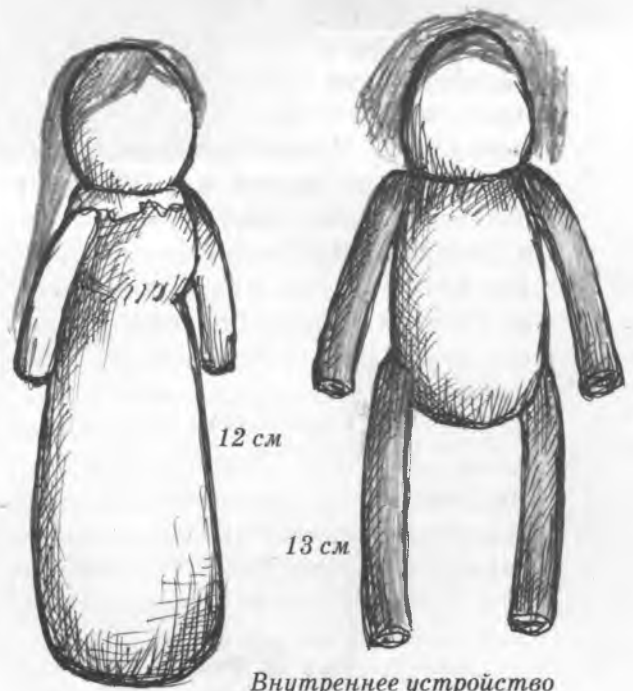
что есть его изначальным модусом, а также и то, что он приобрел в процессе жизни, побывав за пределами родного края, приобщившись к иной социальной среде, к иной, чем крестьянский уклад, организации быта, работы, досуга. В результате кукла получает двойственную природу. Конструкция, связанная с крестьянскими традициями, и одежда, фасон, общий вид куклы скрыто противоречат друг другу, что сказывается на ее общем образном характере. Примером этого могут служить куклы, сделанные моей мамой – Екатериной Тимофеевной Качаловой (по мужу Орловой), ее младшей сестрой Верой Тимофеевной Качаловой (по мужу Кулешовой) и бывшей жительницей Мологского края Марией Петровной Соловьевой.

Коля и Лёля Никифоровы

Куколки «Ванька» и «Манька», сделанные Ольгой Васильевной Козулиной (Лёлей Никифоровой)

Куклы моей мамы (Екатерины Тимофеевны Орловой)

*Е. Т. Орлова (Качалова)
(1911–1995)*

Странным образом в Музее игрушки в Сергиевом Посаде хранятся всего лишь четыре ярославские крестьянские куклы. Причем две из них были сделаны моей мамой и в 1987 году подарены мною этому музею. Тогда в Киев к нам в гости приезжал сотрудник музея, энтузиаст народной игрушки Виктор Соловьев. Он привез в подарок куклу Ирины Шубенкиной, а мы в ответ подарили куклы моей мамы, которые она изготовила специально для музея – одну в одежде, другую – обнаженную внутреннюю конструкцию. Эти куклы опубликованы в книге Галины и Марины Дайн «Русская тря-

пичная кукла». Куклы Екатерины Тимофеевны в большей или меньшей степени наделены той двойственной природой, которая вызвана противоречием между традиционной, можно сказать канонической, внутренней конструкцией и не совсем традиционным внешним видом. В основном это касается тех кукол, которым мама старалась придать празднично-нарядный вид. В таких куклах крестьянские черты уступают место мещанско-купеческим.

«Есть на свете город Луга Петербургского округа», – писал Пушкин. Именно в этом городе родилась моя мама в 1911 году. В то время ее отец, а мой дед Тимофей Степанович Качалов

Качаловы Катя, Валя, Женя

¹ Дайн Г., Дайн М. Русская тряпичная кукла: Культура, традиции, технология. – М., 2007. – С. 26.

Семен Павлович и Екатерина Тимофеевна Орловы. 1933 г.

служил приказчиком, счетоводом, заготовителем и на других должностях в магазине. Эта служба продолжалась до 1916 года, когда деда, имевшего уже троих детей, призвали в армию и отправили на фронт. Бабушка с детьми вернулась в деревню Дворково. И в этой деревне моя мама прожила до начала тридцатых годов, до отъезда в Ленинград. За это время она в полной мере познала тяжесть и радости крестьянского труда. Имея приличный надел земли, семья занималась хлебопашеством, держала лошадь и две коровы. Но годы, проведенные бабушкой в Петербурге (до рождения мамы) и затем в Луге, повлияли на уклад, обстановку и отношения в нашей семье. Уже упоминалось, что некоторые вещи, предметы обихода и детали одежды в этой семье были связаны с городским, зачастую мещанско-купеческим бытом. Это впоследствии отразилось и на внешнем виде маминих кукол.

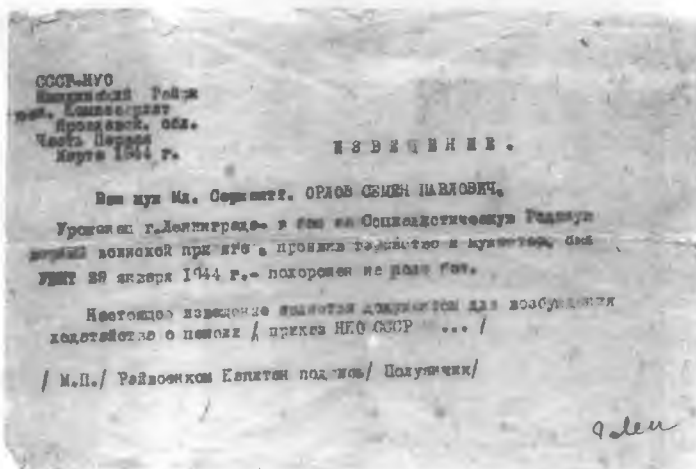
Екатерина Тимофеевна прожила тяжелую, полную непосильного труда и лишений жизнь. Я родилась в Ленинграде, где мама работала на заводе резино-технических изделий. Отец — Семен Павлович Орлов — был столяром-краснодеревщиком. В 1941 году,

У могилы моего деда Тимофея. Ленинград, 1937 г.

Е. Т. Орлова

«Похоронка» моего отца

22 см

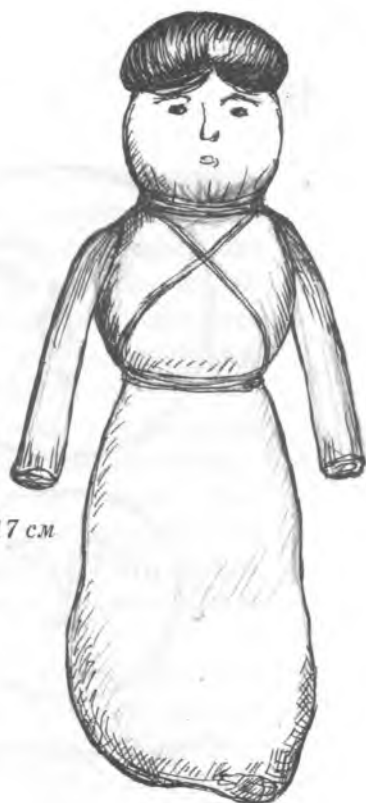
Куклы
Екатерины Тимофеевны
Орловой.
Деревня Дворково

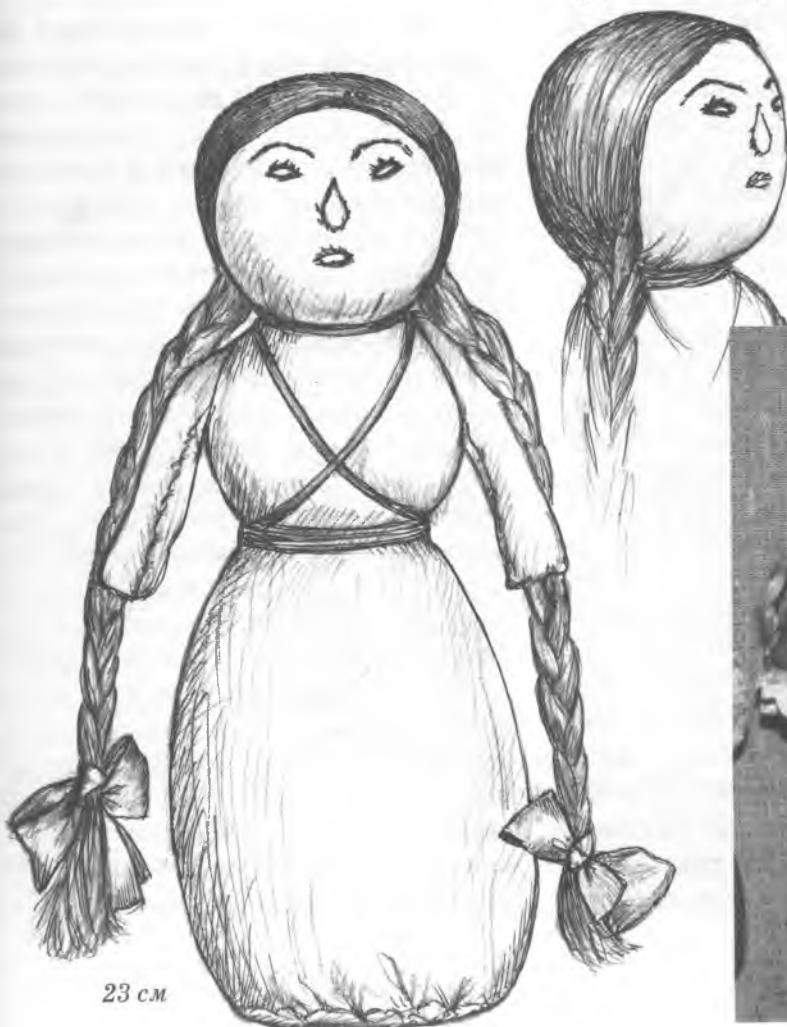
На схемах показаны способы
прикрепления волос

18 см

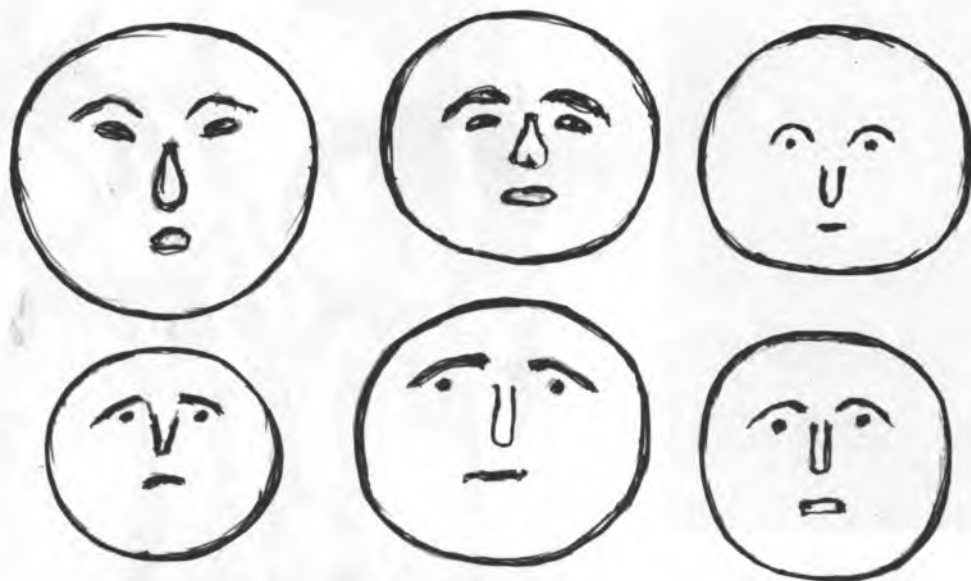

17 cm

23 cm

Лица кукол Е. Т. Орловой

незадолго до начала войны, мы с мамой уехали отдыхать к бабушке в деревню. Это впоследствии спасло нас от блокады. Отец остался в Ленинграде, был призван в армию и в 1944 году погиб. Мама всю войну проработала в колхозе — полола, косила, жала, обрабатывала лен, копала картошку, зимой пропадала на лесозаготовках. Благодаря ее, Валиным и бабушкиным усилиям, как я уже писала, семья выжила. Сразу же после окончания войны мама завербовалась восстанавливать разрушенный Ленинград, так как лишь таким способом можно было туда вернуться. Работала штукатуром, каменщиком, маляром и даже печником.

Первых кукол Екатерина Тимофеевна сделала по моей просьбе в конце 1960-х годов, когда жила уже с нами в Киеве. В ее куклах меня заинтересовала конструкция, внутренняя основа — тот изначальный антропоморфный объект, который составляет внутреннюю, скрытую, наиболее традиционную часть куклы, своего рода архетип

кукольного образа, закрепленный на определенной территории, в местности, регионе. Именно внутренняя основа кукол Екатерины Тимофеевны подтвердила мою догадку о важности первоначальных ваятельных движений при превращении бесформенного материала в объемный условный антропоморфный образ. Повторение этих движений и этого образа, конечно не точное, а с разными вариантами, составляет местно-традиционную основу народной куклы. Конструкция маминых кукол повторяла основу кукол бабушки, бабы Гуси, бабы Грани и выходцев из Мологи. Именно таким был внутренний, скрытый, пришедший из далекого прошлого, обрядовый образ ярославской крестьянской куклы. Мысль о внутренней конструктивной основе куклы, о важности изначальных движений рук мастера для создания определяющей объемной формы возникла у меня несколько раньше (как уже упоминалось), при изучении украинских народных кукол, создан-

ных в селе Думанцы на речке Тясмин, недалеко от Черкасс и Чигирина. Мамины же куклы, повторю еще раз, стали весомым подтверждением этой мысли.

В нашей коллекции всего семь маминых кукол. Их размер от 20 до 25 см. Внутренние основы (конструкции) при общем взгляде кажутся одинаковыми. Но если присмотреться, оказывается, все они в чем-то разные – по объему, плотности набивки, размеру и форме головы и груди. Каждая основа статuario представляет собой столбик, дающий кукле возможность стоять. Этот столбик четко делится на три части: нижнюю цилиндрическую; среднюю, представляющую собой объемную грудь, перевязанную льняными нитками крест-накрест; и верхнюю часть – голову, наиболее характерный и традиционно повторяемый элемент ярославских кукол. Именно голова выделяет ярославскую куклу и отличает ее от всех других. Головы маминых кукол, как и всех остальных ярославских, плотно набиты, разделены посередине ниткой перетяжки. Получаются две части – лицо и как бы прическа сзади. Лицо округлое, несколько выпуклое и гладкое. Черты лиц у пяти кукол нарисованы шариковой ручкой, у одной – вышиты черными нитками. Если лица кукол, сделанных людьми более старшего поколения, всю жизнь прожившими в деревне, стандартные, однотипные, фактически канонизированные, то мамини куклы разнолики, каждое лицо обладает своей образной индивидуальностью. У трех кукол волосы сделаны из льна и заплетены в две косы,

у двух пришиты человеческие волосы. Одежда в основном состоит из кофты и юбки. Одна кукла в сарафане, еще одна в переднике. На всех без исключения кукол надета нижняя юбка, что придает им более натуральный вид, делает их более добротными. Одна кукла в капоре, остальные – в головных платках, в основном завязанных сзади. Все одетые куклы имеют руки – как правило, скрутки. Функционально они предназначены для того, чтобы на них были одеты пышные и не очень рукава праздничной одежды.

Мамины куклы, к которым и по размеру, и по внешнему виду больше подходит название «куколки», существенно отличаются от кукол традиционных, сделанных представителями старшего поколения ярославских крестьян. В образах последних запечатлена некая бытовая крестьянская суровость, будничность в одежде и облике, и вместе с тем в них проглядывает определенная мрачноватость, очевидно, издревле присутствующая куклам – обрядово-жертвенным атрибутам. Мамины же куклы воплощают образ праздничных гуляний, застолий, веселых, может, даже надрывно-веселых вдовьих праздников во время войны, кратких часов бесшабашного веселья после долгих месяцев лишений и изнуряющего колхозного труда.

Образный строй некоторых кукол имеет скорее не крестьянскую, а мещанско-купеческую типажность.

Показательно, что я так ни разу и не увидела, как мама делает кукол. Они создавались в мое отсутствие. Я только радовалась появлению каждой куклолки.

Куклы коки Махи (Матьяхы Тимофеевхы Кузнецовой)

*Т.Т. Кузнецова (Качалова)
(1912–1991)*

♦ Татьяна почти на два года младше моей мамы. В начале 1930-х годов она оставила деревню и уехала к отцу в Ленинград. Там она работала вышивальщицей на швейной фабрике, вручную и на швейной машине выполняла вышивки для украшения изделий. Она пережила блокаду, а после войны была домашней хозяйкой, растила детей – Алю, Виталика и Игоря, а затем внуков – Лизу, Лену и Диму. В свободные минуты продолжала заниматься вышивкой, делала подарки близким – коврики на стену, занавески, салфетки, газетницы, подушки-думочки, сорочки, платья. Мастерила она и кукол – барынь, которых сажали на чайник для заварки. В один из моих приездов в Ленинград, находясь на даче у Татьяны, которая была моей крестной (называ-

ла я ее кока Таня), я попросила сделать для меня куклу, вспомнить как делали их в ее детстве. Времени было мало, и она наспех свернула куклу из тюлевой занавески. Под рукой не было подходящих тряпок, чтобы одеть куклу. Я ее забрала с собой, а «кока Таня» обещала сделать куклу более обстоятельно и прислать мне.

Я получила ее по почте. В этой кукле Татьяна Тимофеевна выразила свое представление о красоте. Кукла

*Сестры Таня и Катя Качаловы.
Деревня Дворково, 1927 г.*

Татьяна и Дмитрий Кузнецовы. 1935 г.

напоминает тех давних кукол в образе провинциальной барышни, которых она делала на чайник. Татьяна тщательно подобрала изящные современные ткани для кукольной одежды. Волосы сделаны из ниток. Коса положена вокруг головы короной. На голове традиционный для XIX века капор из капроновой ткани. Лицо кукольное с глазками и ресницами, вышитыми нитками. Кукла сделана в размерах традиционных кукол нашей местности. Судя по первой куклке Татьяны, основа та же, только добавлены руки: столбик стоячий, грудь крестообразно перетянута нитками, но голова округлая, без перетяжки, характерной для традиционных ярославских кукол. Это отсутствие перетяжки свидетельствует о частичной утере традиций.

Семья Татьяны. 1961 г.

Татьяна с детьми Алей, Виталиком, Игорем и племянницей Люсей. 1947 г.

Куклы Татьяны Тимофеевны Кузнецовой

Кукла «Барышня»

24 см

13 см

Куколка из тюлевой занавески

Сестры Вера, Татьяна, Екатерина. Все делали кукол

Куклы Веры (Веры Тимофеевны Кулешовой)

*В. Т. Кулешова (Качалова)
(1926–2009)*

Последней, кто из моей родни сделал для нашей коллекции две куклы, была мамина младшая сестра Вера Тимофеевна Кулешова. Когда умер мой дедушка, ее отец, ей было девять лет. После окончания сельской начальной школы мои родители забрали ее в Ленинград. Мой отец называл ее дочкой. Перед войной она, будучи на каникулах, уехала с нами в Дворково. Заканчивала семилетку в Мышкине, а затем училась в Рыбинске в авиационном техникуме. С 1948 года, пока не вышла замуж, снова жила в нашей семье и была мне как сестра.

Именно Вера сделала мне в детстве первую куклу. У нее я научилась делать куколок для игры. Это были довольно обычные, предназначенные для детской игры куклы-скрутки, у которых имелись ручки и ножки, для того чтобы их можно было одевать и разде-

вать. Вспомнив этих куколок в 2000 году, я попросила Веру сделать тряпичную куклу. При этом я надеялась увидеть куклу, подобную тем игровым куколкам, которых она делала для меня во время войны. Результат превзошел все ожидания. Кукла вышла похожей на саму Веру – такая же наивная и трогательно-грустная. В то же время в ее облике есть что-то смешное и немного нелепое, некая клоунада в смеси с трагизмом неизбежного.

Внутренняя основа куклы не имеет ничего общего с ярославской крестьянской традицией. Она представляет собой подобие старых фабричных кукол из ткани. К туловищу-мешочку пришиты руки, ноги и голова. Но все деформировано: руки и ноги разной величины, ступни ног шарообразны, голова вытянутой, удлиненной формы. Все это создает образ нестандартной куклы с неким психологически сложным восприятием окружающего мира. Во всяком случае в кукле есть шарм некоего артистизма, несоответствия общепринятой норме, кукольному стандарту. Одежда – искусно вывязанное крючком оранжево-красное платье, штанишки,

Вера с подругами Тамарой и Олей

кокетливая шляпка – была сделана дочкой Веры Ириной. Вере к тому времени исполнилось 74 года, и из-за болезни руки ее плохо слушались. Поэтому еще одна кукла, которую она

сделала по своей инициативе, получилась совсем простой, даже примитивной. Единственное, что можно о ней сказать, – в ней видны старания создать образ крестьянки. Очевидно, Вера, делая ее, силилась вспомнить и передать в деталях свое далекое крестьянское детство, но традиции были утрачены, а средства передачи оказались внешними, имитирующими.

В заключение отмечу: ввиду того, что шерстяную одежду куклы, выполненной Верой, со временем сильно испортила моль, ее дочь Ира по моей просьбе недавно сделала куклу, подобную Вериной. Но все же в этой кукле есть черты и самой Иры.

Куклы, сделанные В. Т. Кулешовой

33 см

16 см

На цветных вставках размещены ярославские и архангельские куклы из коллекции Л. Орловой и А. Найдена, а также вышивки, вязание, шитье, ткачество, сохранившиеся в нашей семье с начала XX в. (в основном 40–70-е гг.).

Куклы и рукоделие не отделимы друг от друга. Их делали те же руки из одних и тех же материалов.

Куклы бабы Катерины (Молога), какими я запомнила их с детства. Реконструкция сделана мной в 2009 г. Высота 25, 19, 22 см

*Баба Гуся
(Августа Григорьевна Малышева)
из деревни Казаково Мышкинского
района Ярославской области,
1958 г.*

Куколка бабы Гуси. Высота 17 см

*Куклы «Митя
Горошкин» и «Паша»
сделаны в 1972 г.
дочерью бабы Гуси
Валентиной при
участии бабы Гуси.
Высота «Мити» 27 см,
«Паши» – 22 см*

*Моя бабушка Евдокия
Ивановна Качалова*

*Кукла сделана бабушкой
в 1958 г. Высота 22 см*

*Пояс от платья
и фрагмент кружевной
накидки*

*Лоскутное одеяло, выстеганное бабушкой в 20-е гг. XX в. Размер 180 x 160 см
Анри Руссо. Женский портрет. 1895–1897 гг.*

*Половик выткан
Г. Шароновой*

*Вышивка тамбурным швом
из Историко-художественного
музея г. Рыбинска*

*Кукла «ярославская
растреп» сделана
Граней Шароновой
в 1974 г.
Высота 43 см*

*Семья бабушкиной сестры
Нюши Никифоровой. 1932 г.*

*Большая кукла сделана Нюшей, а маленькие –
ее дочкой Ольгой Козулиной в 1974 г.*

Высота 12, 20, 43 см.

В письме было написано: «Это я и моя семья»

*Две куклы, сделанные моей мамой Екатериной Тимофеевной Орловой.
Высота 22 и 21 см*

Фрагмент скатерти, вязаной крючком (работа Е. Т. Орловой)

*Кукла Е. Т. Орловой.
Сделана в 1972 г.*

*Край полотенца из дома
Гребеницких
(вышивка крестом).
Край полотенца связан
Е. Т. Орловой*

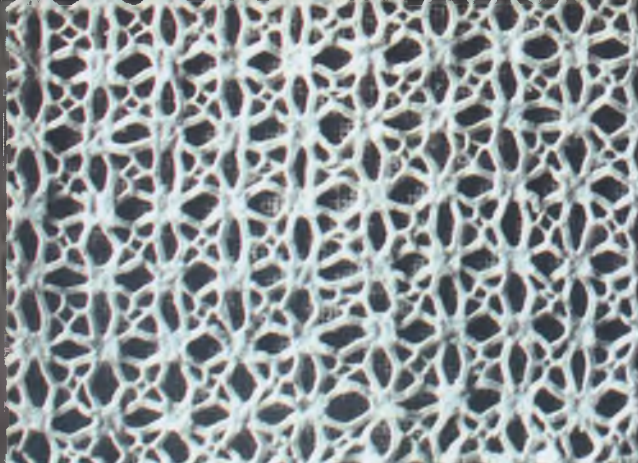

*Лоскутное одеяло, собранное
Е. Т. Орловой в 1986 г.
в Ленинграде*

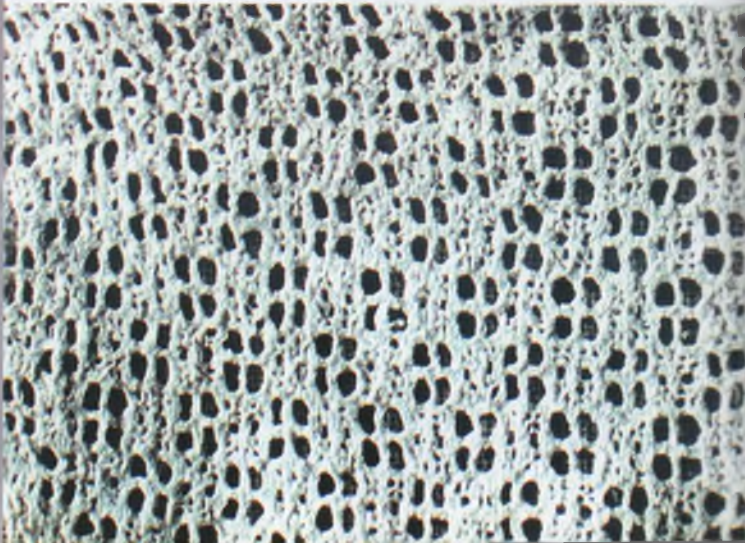

Две куклы Е. Т. Орловой (1970 г.)
и фрагменты ее вышивки
в технике «по выдергу»

Высота 22 см

Высота 20 см

Высота 24 см

*Куклы Е. Т. Орловой
и край полотенца
в технике «по выдергу»*

Высота 17 см

Кукла Е. Т. Орловой. Высота 17 см

*Настенный коврик в лоскутной
технике из плотных тканей*

*Край полотенца в технике
«по выдергу»*

*Кукла сделана Е. Т. Орловой в 1987 г.
Находится в Музее игрушек (ХПМИ РАО)
в Сергиевом Посаде*

*Половики, тканые Граней Шароновой
и Евдокией Качаловой*

*Полотенце с тканой каймой из собрания
А. Скобликовой*

Кукла, сделанная Петуховой из Мологи. Высота 17 см

Икона Богоматери. Село Васильково

*Воспитанники детсада строителей Рыбинской ГЭС.
Многие – переселенцы из Мологи*

В литературно-историческом сборнике «О Мологском крае» Н. В. Алексеев пишет: «Все, что произошло на Молого-Шекснинской земле, превратило этот затопленный край в Русскую Атлантиду, а его столицу – город Мологу – в сказочный город Китеж. Весной 1941 г. Волга была перекрыта плотиной гидроэлектростанции, так родилось Рыбинское море. Море затопило 1/8 часть Ярославской области. Под воду ушло 700 сел, 3 монастыря, около 50 церквей. Это трагедия 130 тыс. людей, которые вынуждены были покинуть места своих предков».

Кукла М. П. Соловьевой из деревни Обухово Брейтовского района

Молога. Богоявленский собор

*Первая кукла, сделанная
М. П. Соловьевой (1992 г.).
Высота 19 см*

Внутреннее устройство куклы

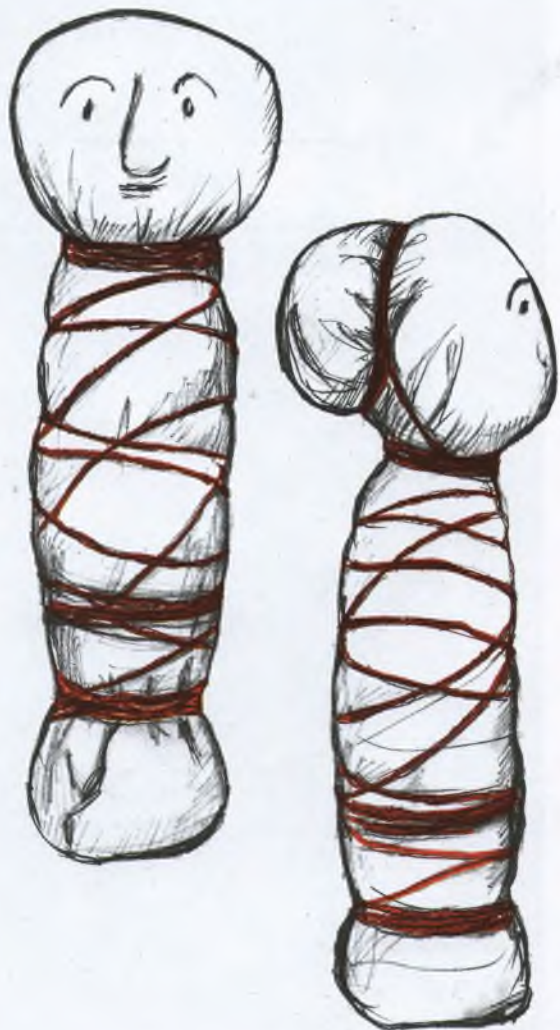
*Кукла М. П. Соловьевой. Высота 34 см
Внутреннее устройство куклы*

Мария Петровна Соловьева

*Последняя кукла, сделанная
Марией Петровной в 2003 г.*

Внутреннее устройство куклы

Молога. Воскресенский собор

*Самая высокая кукла
М. П. Соловьевой
и ее внутреннее устройство.
Высота 35 см*

*Корзины из дома Веры Пушевой.
Деревня Дворково Ярославской области.
Корзины плел Василий Лебедев*

Кукла Веры Кулешовой. Высота 16 см

*Прошва для подушки,
сделанная Е. Т. Орловой*

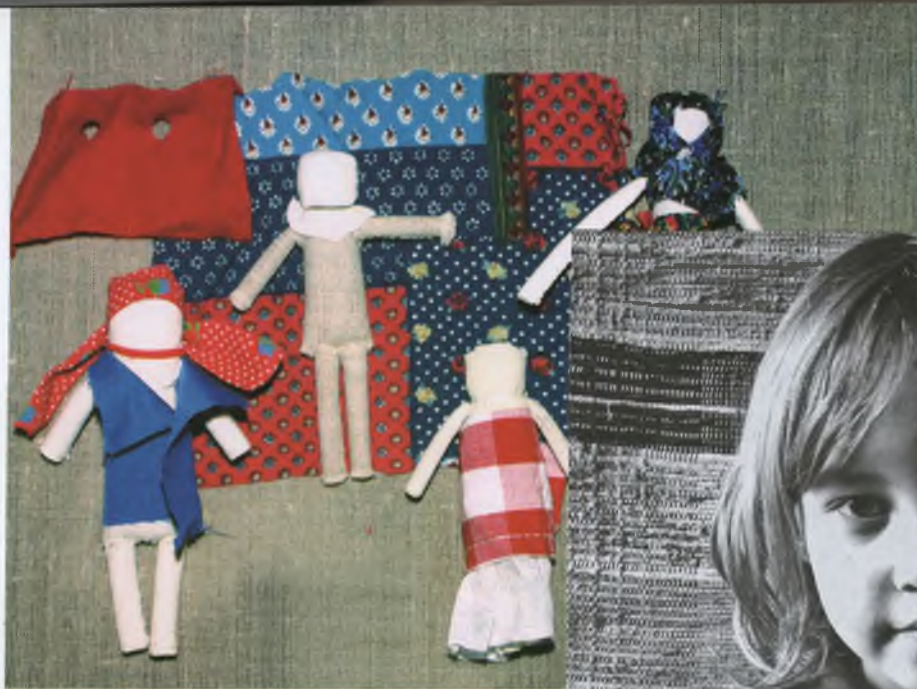
Валентина Редкова и ее дом

Кукла, сделанная В. Редковой в 2008 г.

Вязаная скатерть Е. Т. Орловой

*Подобными куклами играли дети
в деревне Дворково во время войны
Куклы делала моя внучка Диана*

*Поскутное одеяло выполнено
Лизой Кузнецовой, внучкой
Татьяны Тимофеевны
Кузнецовой (Качаловой)*

*Куклу Лиза сделала вместе
с дочкой Валей*

*Кукла «Барышня» сделана
Т. Т. Кузнецовой*

*Вышивки в разной технике
выполнены Т. Т. Кузнецовой*

*Вышивки и кукла выполнены
Татьяной Тимофеевой
Кузнецовой (Качаловой)*

*Фрагменты вышивки
в технике «ришелье» выполнены
Антониной Тимофеевой
Скобликовой (Качаловой)*

*Вера Кулешова (Качалова)
Куклу сделала ее дочь Ирина Короид
Коврик вязала Е. И. Качалова*

*Кукла сделана Верой Кулешовой
Одежду для нее связала ее дочь Ира*

*Вышивку-аппликацию сделала
Татьяна Кузнецова (Качалова)*

*Ткачество.
Половики и наматрасная
ткань из дома Качаловых*

*Сувенир Майи Сысоевой
сделан по образцу кукол
села Воскресенское
на Мусоре*

Куклы Марии Петровны Соловьевой из Мологского края

М. П. Соловьева (1920–2008)

Встречу с подлинными ярославскими крестьянскими куклами, да еще имеющими истоки в Мологском крае, можно назвать фантастической. Кажется, Достоевский говорил, что реальная действительность нередко бывает фантастичней самой смелой фантазии. Действительность в самом деле была реальной, даже слишком, а встреча, при всей ее случайности, – будничной, обыденной. Фантастичность, думаю, заключалась в закономерности этой случайной встречи.

В один из очередных моих приездов в Ленинград¹ Вера познакомила меня со своей соседкой, Марией Петровной Соловьевой, которая приходила к ней, уже в то время тяжело больной, посидеть, когда дома никого не было. И вот – ряд счастливых случаев – закономер-

ное вознаграждение за многолетние безуспешные поиски: а) оказалось, что Мария Петровна родом из деревни Обухово Брейтовского района Мологского края; б) в детстве она делала кукол; в) она помнит, не забыла, как делались куклы в ее деревне; г) она с пониманием отнеслась к моей просьбе и согласилась сделать куклу, а впоследствии еще несколько; д) сделанные ею куклы по внутреннему строению, внешнему виду и образной сути оказались подлинными ярославскими народными куклами, да еще наделенными нюансами мологской типажности.

Кукол всего шесть – пять больших и одна маленькая. Создавались они постепенно, с интервалами в два-три года по мере моих приездов в Ленинград. Отвечая на мои вопросы, Мария Петровна рассказала, что ее деревня на реке Сить, впадающей в Мологу, в свое время не вошла в зону затопления Рыбинским морем, а рядом все затоплено. От церкви, которую она

*Самая маленькая куклолка
М. П. Соловьевой*

¹ С 1963 г. я постоянно живу в Киеве.

посещала в детстве (тогда по реке Сить еще ходили катера), остался один крест. До войны она закончила четыре класса. В Ленинграде жила с 1952 года. Работала в совхозе.

Вот записанный мною рассказ Марии Петровны о куклах: «В детстве играли в кукол, которых сами и делали. Кукол больше делали маленьких, потому что не было тряпок. За тряпочки я у портнихи ребятешек нянчила. Внутрь брали кудель, льняные отходы, вату. Вату для головы замотаю ниткой, пучок волос на затылке тоже вата. Голову закрою тряпочкой. Внизу – туловище, тоже из ваты. Тряпкой заматываешь и завязываешь ниткой. Сначала – шею, потом раздваиваешь голову и заматываешь пучок. Чистой тряпкой накроешь лицо, и она же идет на грудь, куда подкладываешь еще вату. Одной

ниткой делаешь все до конца. Заматываешь туловище. Платье не шили, а закручивали из лоскута, иногда из двух».

Куклы идолообразны, с большими, округлыми, как бы изнутри надутыми головами и большими же выпученными глазами. Последние, как мне сначала показалось, смотрят прямо в душу. Брови, глаза и нос – полоской или крючком – нарисованы либо простым карандашом, либо шариковой ручкой; рот – обязательно красным карандашом. Впечатляет объемность кукол, идущая от голов, в основном ничем не покрытых, и подчеркнута выпуклых грудей. Эта объемность и белизна голов без волос и головных уборов напоминают мне кукол могольской бабы Катерины, которые в детстве, как я уже писала, показались мне страшными, содержащими в себе что-то некукольное. Вот и куклы Марии Петровны в своей наивно-грубоватой простоте тоже содержат в себе нечто некукольное, можно сказать, по отношению к обычным игровым куклам – минус-кукольное. Идол-оберег, домашний покровитель, родовой символ в них несет минус-кукольное начало. И вместе с тем – это куклы. Куклы – те самые, которыми в детстве играли наши предки, не знавшие магазинных кукол с их стандартным благообразием.

Куклы (все шесть) имеют общее образное начало, поэтому и подобны друг другу. Вместе с тем, в формальном отношении они разные, каждая имеет что-то свое, индивидуальное. Прежде всего разные они по объему и размеру – от 16 до 35 см. Наблюдая процесс создания кукол, я увидела, что размер и объем зависят от исходного материала, то есть – от имеющегося под рукой куска ткани. Прежде всего делалась голова: формировалась из двух кусков

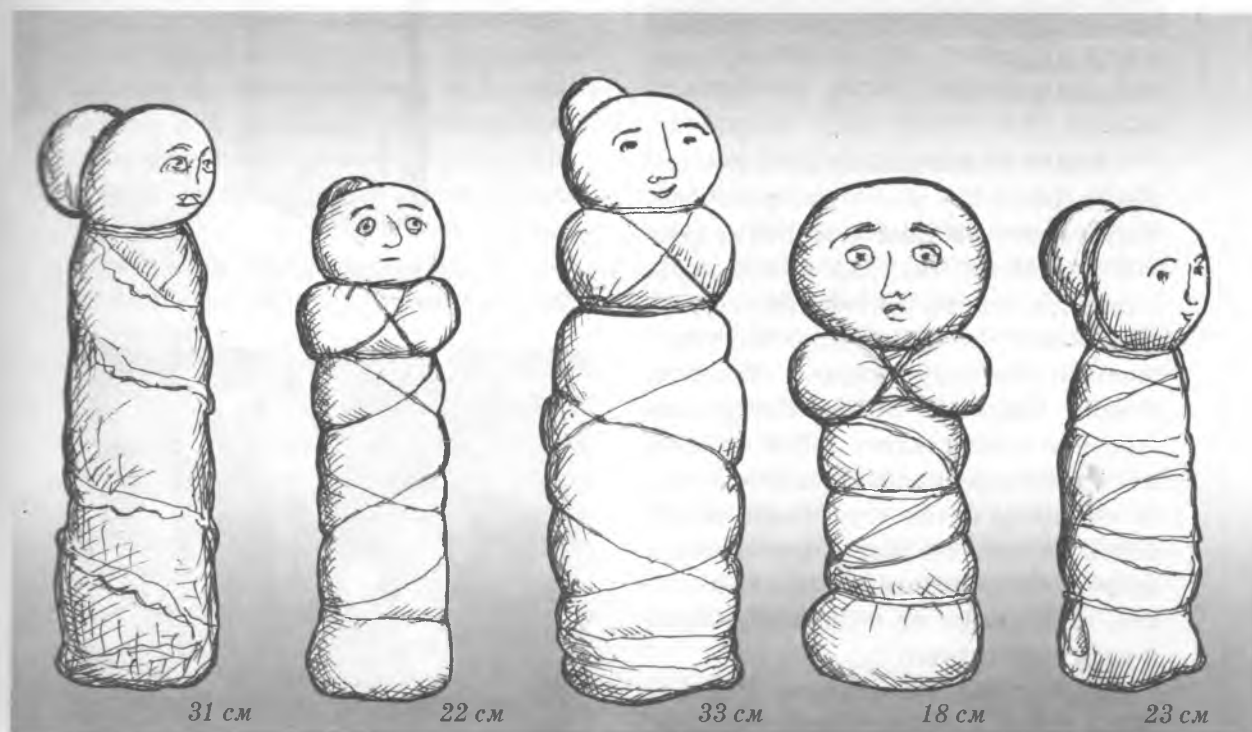
*Куклы М. П. Соловьевой.
Деревня Обухово Брейтовского района*

ваты – для лица и для имитации пучка волос на затылке. Затем вата покрывалась белой тканью. Шея обозначалась путем обматывания ниткой. Этой же ниткой перетягивалась затылочная часть головы, имитирующая пучок волос. Если кусок ткани был длинным, то Мария Петровна складывала его несколько раз, уменьшая длину, и закручивала, формируя туловище. На месте груди подкладывала два куска ваты и перетягивала крест-накрест той же ниткой. Этой же ниткой обматывалось и туловище. Сначала нитка шла вниз, а потом вверх, где и закреплялась. Платья у всех кукол были ситцевые с простым ясным набивным рисунком. У двух кукол они сшиты мешком, у двух других – прямоуголь-

ные куски ткани просто приколоты к туловищу. Лишь у одной куклы есть передник и платок, покрывающий голову.

Куклы не имеют рук и ног и, в отличие от других ярославских кукол, не стоят на плоскости. Поскольку в их основе использована вата, набитая не очень туго, они мягкие.

Куклы создавались Марией Петровной в течение примерно пятнадцати лет. Можно проследить, как по мере старения женщины куклы получались все более упрощенными, теряли компактность, лица выходили все более примитивными, условными, а сами куклы – все более небрежными. Последняя кукла была сделана в 2005 году.

Сравнительная схема внутреннего устройства кукол М. П. Соловьевой

Кукла Валехтихи Васильевхи Редковой

*В. В. Редкова.
Родилась в 1931 г.*

Кукла Валентины Редковой из деревни Дворково, как я уже отмечала, сделана не в местной и общерославской традиции. Она, как и описанная выше кукла Веры Тимофеевны, содержит в себе индивидуальную, упрощенную конструктивную и образную основу. Высота ее 20 см. Внутреннее строение представляет собой столбик из скрученной ткани. Голова отделена от туловища путем перетяжки капроновой ниткой. Одежда – платье-юбка, закрепленная на шее, и ситцевый платок, завязанный на подбородке. Руки и ноги отсутствуют.

Валентина Васильевна Редкова (1931 г. р.) – сейчас единственная, проживающая в Дворкове коренная его жительница.

Приехав к Валентине, я думала, что побываю в традиционном мире деревянной избы. Но оказалось, что и она в угоду новым веяниям осовременила свое жилище. Деревянные стены заклеены обоями, на половицы настелен линолеум, и только печка сохранила свой прежний вид.

20 см

Внутреннее устройство куклы

Кукла в интерьере избы

Послесловие к первой части

Мой опыт собирания и исследования кукол научил меня прежде всего с большим вниманием и пониманием относиться к людям. В куклах угадывается глубинная суть человека в его связях с природой, историей, бытовой и праздничной средой. Человек не прост, как и кукла не проста, если она, конечно, связана с традициями, содержит в себе родовые образно-сущностные основы.

Настоящие народные куклы делаются как бы между прочим, наспех из бросового изношенного материала и жизнь имеют короткую, будучи предназначены для детской, отнюдь не щадящей их игры. Но в этой их наспехделанности, в якобы случайности попавшегося под руку материала, даже в их потенциальной недолговечности и в реальной традиционности сказывается закономерность большого стиля – стиля местных, региональных проявлений коренной общенациональной фольклорной сущности. Поэтому куклы эти одновременно русские и ярославские.

Почти всех женщин, делавших мне кукол, уже нет в живых. Но их дух и душа продолжают жить в куклах, в этих внешне неброских, даже бедноватых, несколько мрачных или мрачно-настороженных созданиях, в которых идол принимает человеческий облик, а человек, казалось бы, смотрит на мир

отверстыми глазами древнего идола. В них воплощены еще и мое детство, и природа, частью которой я в детстве была: наши леса, поля, пашни, серые избы, серенькое низкое небо, нехитрая, какая-то светлая и жалостливая мелодия пастушеского рожка – все, что дается человеку задаром и остается на всю жизнь родным.

Появление моей небольшой коллекции ярославских крестьянских кукол вполне мотивируется тем, что Ярославский край – родина моих предков, что на этой земле я провела годы детства и отрочества, тем еще, в конце концов, что первые крестьянские куклы, увиденные мною, были именно ярославские. К этому еще добавлю, что ярославские куклы, вероятно, в силу сказанного выше, мне ближе всех остальных и по образу, и по одежде, и по иконографическим и статуарным данным. Словом, это мои родовые куклы, с которыми я ощущаю внутреннюю родственную связь. Это в какой-то мере мои обереги. Кажется, что как я знаю все о них, так и они знают обо мне все. И не только обо мне, но и о моих родичах, предках, живших на этой земле.

А как же быть с архангельскими куклами, которые от ярославских значительно отличаются? Отличаются, очевидно, тем же, чем архангельские крестьяне отличались от ярославских.

*Посвящается памяти замечательного писателя,
исследователя народного искусства Русского Севера
Юрия Андреевича Арбата*

Часть II

**Куклы и люди
Русского Севера
(по следам Юрия Арбата)**

За прялками.

Встреча с северодвижской куклой

*Куколка из Верхней Тоймы
на Северной Двине*

Северные прялки

Все архангельские куклы в основном поступали в нашу коллекцию по почте – в посылках и бандеролях. Это был результат моих многочисленных поездок по Архангельскому краю.

В 1960-е годы возобновившийся интерес к народному искусству имел северную направленность. Там еще сохранились старинный уклад, быт и образцы живого подлинно народного искусства – уникальная деревянная архитектура, прялки, иконы, вышивка, костюмы, предметы домашней утвари. Проза Федора Абрамова и Василия Белова, очерки Михаила Пришвина и Юрия Арбата, поэзия Николая Рубцова, натюрморты Владимира Стожарова, картины Виктора Попкова звали на Север, как в обетованную землю русской народной культуры.

О куклах я тогда не думала. Что такое маленькая куколка в сравнении с белокаменной и деревянной северной архитектурой? Все в новинку. Чувства переполняли душу любовью и гордостью за народ, сумевший создать такие шедевры. Волшебство белых ночей, обилие озер и рек, нетронутые леса, затерянные в лесах деревни, общий колорит дневного света, иной чем в средней полосе России, простые, открытые, несколько наивные и душевные в общении люди – все это хотелось запечатлеть и увезти с собой хотя бы в фотографиях. Я фотографировала все, что впечатляло, прежде всего людей, которых послала мне судьба, которые давали мне приют, оказывали внимание. Потом в благодарность слала им короткие письма с фотографиями. А когда через несколько лет меня захватил интерес к народной кукле, я посылала этим людям письма с просьбой сделать мне куклу – такую, какую раньше делали детям, и почти

всегда получала бандероль с одной или несколькими куклами.

Вдохновила меня на это фотография, сделанная в мою первую поездку на Север в 1963 году. Мы, студенты, в поисках северодвинских прялок ходили по деревням Верхней Тоймы на Северной Двине. В одной заброшенной деревушке из дома вышли две женщины городского типа – две сестры, приехавшие из Архангельска в отпуск на свою родину. У одной из них в руках была кукла, еще не одетая. Женщина сказала: «Это мы с Тасей детство вспомнили», – поставила куклу на ступеньки у порога и пошла в дом на чердак искать прялки. Пока она ходила, я сфотографировала эту удивительную куколку. Просить ее у незнакомых женщин я не решилась, да в то время еще и не знала ей цены, кроме того, голова была занята мыслями о прялках, которые женщина вынесла и подарила нам. Не знаю, в какой костюм одели бы эту куклу они, но в уже упомянутой книге Галины и Марии Дайн «Русская тряпичная кукла» есть, как мне показалось, изображение подобной куклы, и мне захотелось одеть ее в такой же костюм – в праздничный костюм Русского Севера XIX века.

Эта кукла на фотографии долгое время не давала мне покоя. Я все больше и больше проникалась ее уникальностью и ценностью и упрекала себя за то, что ее упустила. Она действительно уникальна. В этом читатель может убедиться, посмотрев фотографию: крепкий компактный силуэт, головка луковкой на длинной шее, как главка, венчающая деревянную северную шатровую церквушку. И вместе с тем есть в ней что-то теплое, очень домашнее, а также и ностальгия по невозвратному детству.

**Первая посылка с Севера.
Каргопольские игрушки
Ульяны Бабкиной**

Письма знакомым и незнакомым женщинам северных местностей с просьбой прислать куклу я стала писать в начале 1970-х годов, когда уже жила в Киеве. Но первую «северную» посылку получила еще в 1964 году от Ульяны Бабкиной – известной каргопольской мастерицы глиняной раскрашенной игрушки. К Бабкиной я обратилась, не зная ее лично, адрес мне дал мой двоюродный брат, архитектор Виталий Кузнецов, который был у нее в деревне Гринево Каргопольского района и привез в Ленинград несколько сделанных ею игрушек. Я написала письмо с просьбой прислать мне такие же игрушки и – о чудо! – через некоторое время получила посылку. Из посылочного ящика вышел на свет добрый, веселый северный народ: бабы, мужики, коровы, утки, собаки, компании, гуляющие в лодке, танцующие пары, гармонисты, сидящие на оленьих рогах, медведи, лоси, полканы – полулошади-полулюди, олицетворяющие солнце. Все они были ярко раскрашены по белому фону, в меру орнаментированы. Однако о них более детально и компетентно пишет Геннадий Дурасов в книге «Каргопольская глиняная игрушка».

Исследователь в основном описывает игрушки И.В. и Е.А. Дружининых и У. Бабкиной. Выше уже упоминалось, что Г. Дурасов писал о Яриле – солнечном образе, воплощенном в каргопольских игрушках и в то же время в ярославских народных куклах, «похоронах» «яриловой плешки» и ярославских фигурках-«полканах»¹.

Имеющиеся у меня фигурки, созданные Ульяной Бабкиной, как и репродуцированные в книге Г. Дурасова фигурки, сделанные ее предшественниками – И.В. и Е.А. Дружиниными, сравнимы с ярославскими крестьянскими куклами именно по признаку солнечности, по солнцеподобности архаических круглых лиц с выступающим вперед подбородком.

Игрушки Дружининых, Ульяны Бабкиной, как и ярославские крестьянские куклы, рассказывают о старинном быте деревни Русского Севера и Ярославской земли. В то же время архангельские народные куклы из ткани по своим образным основам и внешним признакам менее бытовые, они больше связаны с обрядовой и обрядово-праздничной архаикой местности, в которой созданы.

*Глиняные игрушки
И. В. и Е. А.
Дружининых*

¹ Дурасов Г. Каргопольская глиняная игрушка. – Л., 1986. – С. 134. См. также с. 52–54 настоящего издания.

**Ошевехский Лозост Карзопольского района.
«Крестики»**

Через десять лет после посылки с каргопольскими игрушками от Ульяны Бабкиной – в 1973 году я побывала в Каргополе. Но доехать до деревни Гринево, где жила уже девятнадцатая мастерица игрушек, мне не пришлось, хотя удалось побывать в нескольких деревнях этой местности под общим названием «Ошевенский Погост».

Эти деревни удивили меня старинным укладом. Далекий от железных дорог лесной край пришвинских берендеев сохранял в своем быте и укладе много того, что в других местах было давно изжито и забыто. Некоторые избы еще отапливались по-черному. На ставнях и на дверях почти всех изб деревни Гарь желтой масляной краской были нарисованы магические знаки в виде кругов (15–20 см в диаметре). На мой вопрос, что значат эти круги, местная женщина ответила, что они спасают от болезней и бед. Показательным относительно архаичности местного уклада было также то, что нам дали ночлег, но, как издревле странников и калек переходящих, уложили на голом дощатом полу, не дав ничем укрыться. Правда, перед этим нас накормили и напоили чаем.

В этой деревне я сфотографировала нескольких женщин, и одна из них, по фамилии Харитонова, спросила меня: «А вы наши крестики видели?» – и указала рукой на сосновую рощу, проступающую за деревней. Рискуя опоздать на автобус, я все же побежала туда с фотоаппаратом и... попала, по всей видимости, в древнюю священную рощу. Неожиданно я увидела человекоподобные фигуры. Вблизи они оказались крестами (в человеческий рост), обвешанными полотенцами, разными цветными лоскутами, лентами. Большинство тряпок полиняло, вы-

цвело, но были и новые, яркие. Кресты явно были связаны с древним язычеством: люди приносили скромные подношения и обращались к ним со своими бедами, просьбами в случае болезни или какого-либо несчастья. Много раз, уже при советской власти, их пытались уничтожить, вырывали, ломали, жгли, но через некоторое время они снова появлялись в роще. Бабы просили мужиков сделать новые взамен утраченных, и роща опять наполнялась крестообразными фигурами древних идолов.

В моей коллекции народных кукол Архангельского края всего лишь три куклы были сделаны в этой местности. На удивление, все они разные по своему внутреннему устройству. Самая простая, даже можно сказать примитивная, сделана не очень умело, сшита вручную и воплощает образ простой крестьянской бабы в юбке, кофте и платке. По внутренней конструкции она представляет собой плоский удлиненный мешочек, к которому грубо пришита круглая голова. В районе груди сделаны надрезы, в которые вставлена скрутка из ткани, имитирующая руки и вместе с туловищем образующая крест. Высота куклы – 35 см.

Противоположностью, контрастом только что описанной кукле является кукла уже упомянутой Харитоновой, сшитая очень умело и аккуратно. Куклу эту делали всей семьей под руководством бабушки. Участие в этом принимали девочки – Зина и Катя, а также их мать – дочь Харитоновой. Та из них, которая шила на швейной машинке одежду, проявила себя довольно рукодельной портнихой. По всему видно, что девочки хотели, чтобы кукла получилась очень красивой и нарядной. Ее роскошные волосы сделаны из белого синтетического

Ошевенский
Погост

Кукла,
сделанная
Серафимой
Власовой

25 см

Кукла бабы Ани
Харитоновой

Грудь,
сформированная
из ваты,
прикрепляется
сверху на крест

33 см

Ошевенский
Погост.
Деревня Гарь

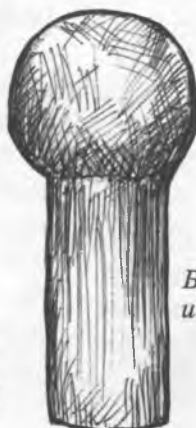
Кукла, сделанная
Н.Ф. Тюттиной

33 см

Кукла, сделанная
А. Рудаковой

25 см

Болванка
из дерева

Баба Аня Харитонова. Деревня Погост

блестящего волокна. Заплетенные в две толстые косы, они придают кукле образ юной девушки. Соответственно и одежда – белая кофта и пестрая сатиновая юбка с широкой оборкой на подоле – подчеркивает и усиливает этот образ. Самым интересным и необычным в кукле есть внутреннее устройство. У нее большая уплощенная округлая голова, условно отделенная от туловища с помощью нитки, довольно маленькая грудная часть и тонкая талия, перетянутая ниткой. При этом нижняя часть ее туловища – плоский мешочек из мягкой трикотажной ткани. Руки представляют собой одну широкую тканевую полоску, примотанную к груди толстой льняной ниткой накрест. На этот крест наложены груди из ваты – два плотных шарика, соединенных между собой ниткой перетяжки. Кукла имеет также ноги. Она по общему виду ладная и, несмотря на большую голову, пропорциональна по формам. Лицо – «пустое», без нарисованных черт. В письме я спросила: почему у куклы нет лица? И получила нарисованное Зиной банальное кукольное личико. Слава Богу, что лицо куклы осталось нетронутым.

В той же деревне Гарь я сфотографировала бабушку с двумя внуками, которых она держала за руки. Было в этой троице нечто простое, наивное, что-то типично деревенское, с трогательной небрежностью и неприхотливостью в одежде. Был уже конец 70-х годов, а они выглядели так, как и мои сверстники военных времен. Бабушку звали Наталья Федоровна Тюхтина. Когда я получила от нее бандероль с двумя куклами, то удивилась типажной похожестью кукол на эту фотографию. Делали их из одних и тех же материалов две женщины-подруги. Лица, да и весь внешний облик кукол выражают два разных характера. Одна – большая – добродушная, открытая, но с характером лидера; вторая – из тех людских типов, которые чувствуют себя комфортно только лишь за чьей-то спиной, будучи кем-то руководимыми.

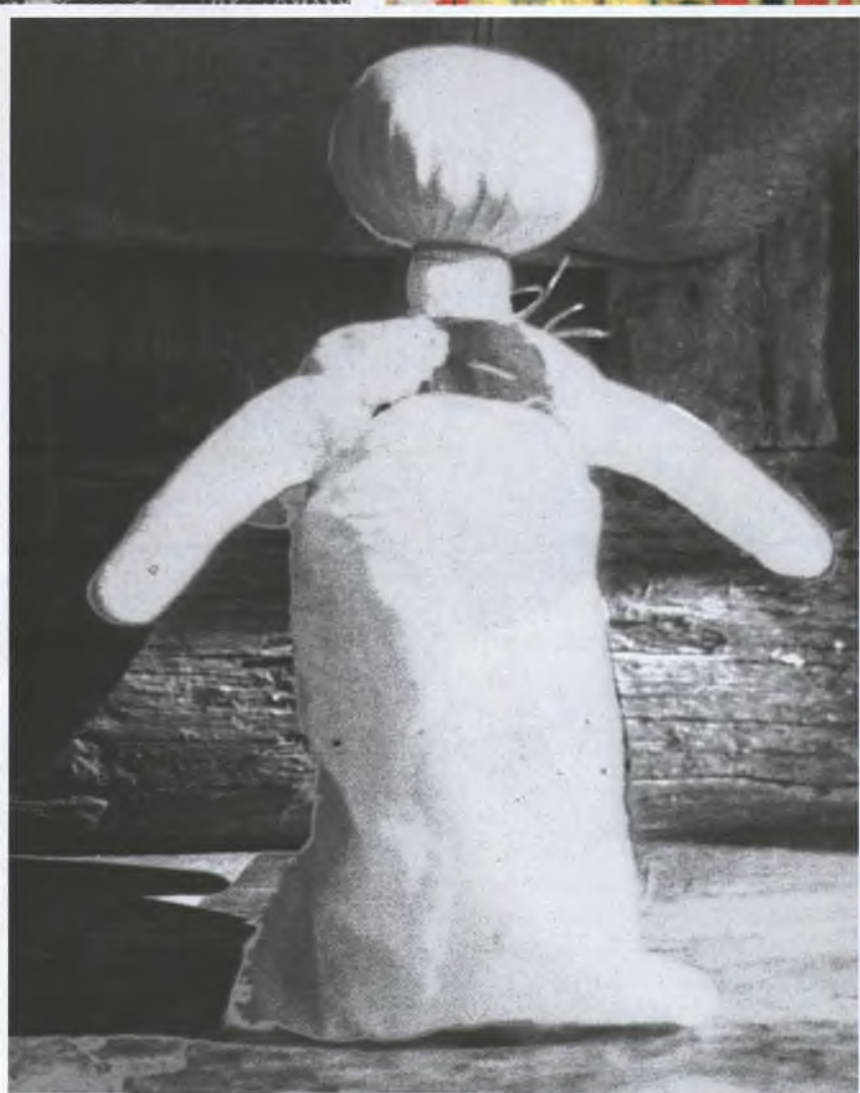
В письме Наталья Федоровна написала: «Посылаю вам 2 куклы, одну сделала я, другую соседка. Ведь мы сейчас ребятам кукол не шьем, покупаем в магазине, куда много лучше и красивей, чем своя работа, так и куклы шить мы не умеем, слава Богу все, все есть в магазинах». Это написано рукой человека, сделавшего замечательную куклу, с древней основой и живым характером, так выгодно отличающим ее от стандартных магазинных кукол... Поистине: о святая простота!

Большая кукла, сделанная Тюхтиной, оказалась тяжелой и твердой. Когда я стала ее внимательно изучать, то поняла, что внутри у нее деревянный болванчик с большой округлой головой – идол, обмотанный тряпками в несколько слоев. Голова покрыта белой бязью, и, как у других кукол из деревни Гарь, к сорочке пришиты короткие руки, скрученные из плотного

*Мастерица Ульяна Бабкина из деревни Гринево
Каргопольского района Архангельской области
и ее расписные игрушки из глины*

*Куколка
из Верхней Тоймы
Архангельской области
Прялка с северодвинской
росписью*

*Деревня Погост Каргопольского района
Архангельской области*

*Кукла сделана Серафимой Михайловной
Власовой из деревни Погост*

Бабу Ани Харитоновны
Кукла Серафимы Михайловны Власовой
из деревни Погост Каргопольского района

Девочки
из деревни Погост

*Куклы из Ошевенского Погоста, деревни Гарь Каргопольского района.
Авторы Н. Ф. Тюхтина и А. Рудакова*

Машека
швейцаром
...
...
...
... Горка

*Кукла, сделанная
Александрой Александровной
Кубенкиной из деревни
Шиловской Вельского района
Архангельской области*

*Хороводные праздники
«Горки» в селах
Усть-Цильма
и Заможное,
Республика Коми*

*Куклы, сделанные участниками «Горок»
в селах Усть-Цильма и Замезное.
Республика Коми*

*Куклы из сел
Усть-Цильма
и Замезное.
Республика Коми*

*Кукла, сделанная
И. А. Кузьминой
из деревни
Палащелье
Лешуконского
района*

*Прялка из деревни
Палащелье*

Село Шеговары Шинкурского района Архангельской области

*Елизавета Григорьевна
Дозинская*

*Скатерть, вязанная
крючком*

*Фрагмент иконы
Богоматерь Одигитрия*

*Село Шеговары
Шинкурского района
Архангельской области*

*Кукла, сделанная
Елизаветой Григорьевной
Лозинской*

СВЯТЫЙ ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦЪ

Автор кукол Федосия
Петровна Нефедова.
Поселок Огорельши
Медвежьегорского района
Архангельской области

Заонежье. Икона Георгия Победоносца

Куклы Ф. П. Нефедовой

полотна и обшитые белой бязью. Ноги куклы в чулках и синих тапочках. Из-под платья несколько фривольно выглядывают штанишки, напоминающие женские трико послевоенных лет. Платье сделано со всеми деталями: воротничок, манжеты, вшивные рукава, поясок, простроченный на машинке, внизу – широкая оборка. Все сделано тщательно, с большим старанием, но общее впечатление некой нескладности, определенной несурзности.

Вторая, маленькая кукла, сделана Анисьей Рудаковой. Внутри у нее нет деревяшки, она мягкая и характер

у нее тоже мягкий, уступчивый. Одета в пеструю кофту и бордовую юбку, на которой настроены красные полосы. Ноги в колготках, на них еще надеты цветастые шаровары на резинках. Все прострочено на швейной машинке. Волосы из льна с заплетенной сзади косой тщательно пришиты к голове. Лица у обеих кукол нарисованы химическим карандашом, а губы и кружочки румянца на щеках наведены красной масляной краской. Эти кружочки на щеках такие же, как у глиняных баб Ульяны Бабкиной и дымковских бабынь.

Деревня Ошевенский Погост

Деревянные идолы в куклах

Куклы из деревни Черная Горка. Красноборский район Архангельской области.

*Кукол делали 70-летняя Августа Ивановна, 80-летняя бабушка
и 12-летняя Маша Красильникова*

Кукла Натальи Федоровны Тюхтиной с деревянным болваном внутри и пять кукол с плоскими деревянными идолами в основе из деревни Черная Горка, недалеко от реки Уфтюги, натолкнули меня на мысль о том, что в веровании местных крестьян сохранились и до сих пор не утратили действительности давние языческие образы. Последние дают о себе знать фактически на каждом шагу. Но их нужно разглядеть и распознать. Чаще всего они бывают спрятаны, скрыты или же завуалированы под что-то. Так, в упомянутых пяти куклах (в 1973 году их делали Августа Ивановна – 70 лет, бабушка-соседка – 80 лет и девочка Маша Красильникова) деревянная основа, представляющая собой довольно грубо сработанную дощечку антропоморфной формы, тщательно скрыта под тряпками, которыми она обмотана, а потом еще и обшита. Мотивировать такую конструкцию местные жители сейчас вряд ли смогут, так же как не могут они мотивировать наличие «крестиков» – священной роци с крестами, обвешан-

ными тряпками, полотенцами и другими изделиями из ткани. Мне кажется, что и эти кресты, и кукла Тюхтиной, и пять кукол со скрытой в них деревянной основой, имея общий исток, тесно связаны между собой. Однако эта связь не внешняя, основанная на образном сходстве, а внутренняя, корневая, основанная на психоментальной общности местного населения или отдельных его групп. Верования в языческих божеств не только уживались с официально принятой христианской верой, но и нередко ее дополняли, а в отдельных случаях заменяли. Например, в песне о Стеньке Разине, записанной Юрием Арбатом на Севере, есть такие слова:

*Эх, умывайтесь, братцы, утренней
росою.*

*Эх, обтирайтесь-ко, братцы,
тонким белым полотенцем.*

*Мы помолимся, братцы,
не святому Николаю,*

А березовому болвану.

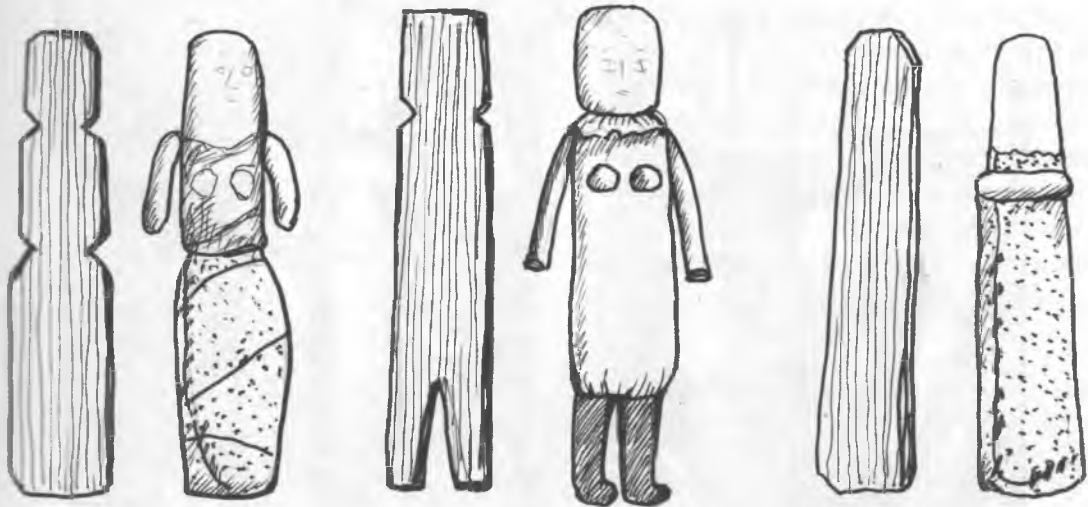
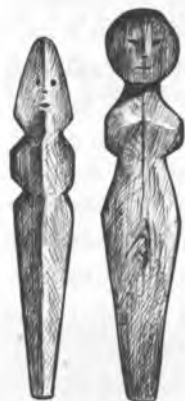

Схема устройства кукол из деревни Черная Горка.
Деревянная основа обмотана тряпками

*Деревянные
идолы*

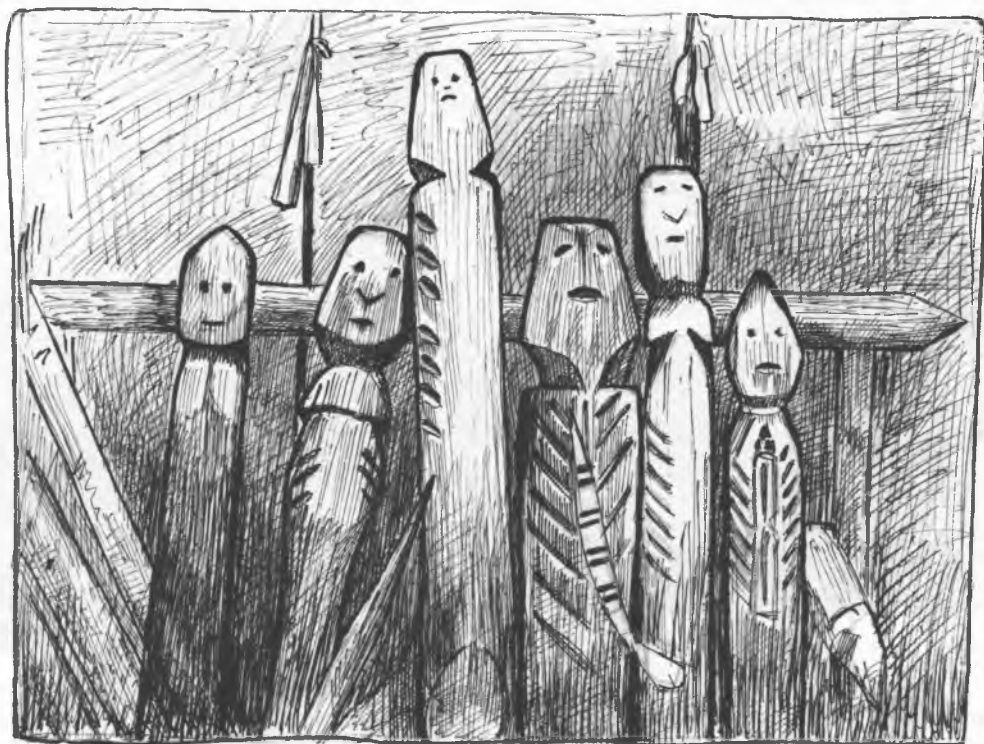

*Надгробный памятник
народов коми*

Дерево, введенное во внутреннюю конструкцию куклы, служит одновременно и вспомогательным материалом, благодаря которому кукла обретает нужную крепость и устойчивость, и выполняет определенную, скорей всего отчетливо не осознаваемую авторами обрядовую роль. По этому поводу Светлана Комарова и Максим Катушкин пишут в своей не очень объемной, но оригинальной и содержательной книжке «Кукольные люди»:

«Использование дерева, как основы конструкции, связано... с символикой самого материала, и с тем местом, которое он занимал в культуре.

В традиционной русской культуре дерево всегда было мужским материалом. Ремесло деревообработки было тайным мужским занятием и передавалось от отца к сыну. Мужчина, не владевший этим ремеслом, как мужчина не воспринимался.

Деревянные идолы. Сибирь

Непосредственная символика са-
мого материала могла задаваться через
то, какое дерево использовалось: ста-
рое или молодое, какой породы, в ка-
кое время года, было ли это дерево
“чужое” (из леса) или “свое”...»¹.

Мой рассказ о пяти куклах с дере-
вянной основой, в них спрятанной, был
бы неполным без истолкований симво-
лики дерева и связанных с деревом
обрядов, описанных в книгах Алек-
сандра Миловского «Скачи, добрый
единорог» и Олега Ларина «Поклонись
дереву».

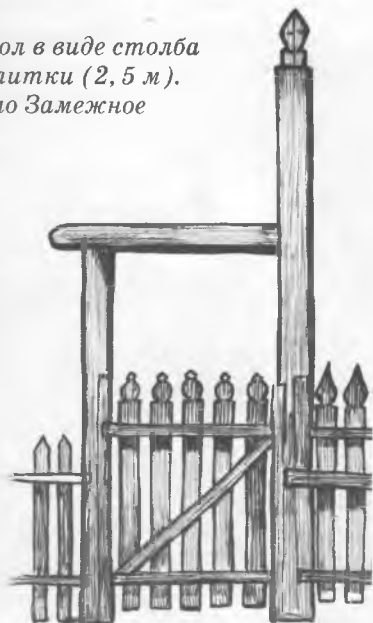
А. Миловский дает документаль-
ные сведения о деревянных идолах –
общественных и индивидуальных,
бытовавших на Севере. Делали их
топором или ножом, но всегда на счет
(количество стесывающих ударов).
«Ставили во времена далекие на дороге
столб высотой метра четыре-пять –
скульптуру духа-хранителя, и отпу-
скалось на это триста шестьдесят пять
прикосновений инструмента к дере-
ву – сколько дней в году... В захолуст-
ных деревнях еще в начале нынешнего

[XX. – Л. О.] века стояли такие идолы,
а секреты эти никому не рассказыва-
ли. За каждым ударом по дереву слово
стояло – заклинание. Если делать
идола за триста шестьдесят ударов, то
на пять дней в году деревня останется
беззащитной от моров, пожаров, на-
воднений. Если хоть один лишний
удар топором сделать по ошибке – за-
клипания теряли силу... Великим гре-
хом считалось раскрыть тайну загово-
ра, магических слов или посвятить
в таинства несовершеннолетнего»².

Если крестьянин находил в лесу
полянку под сенокос, то, чтобы дух ле-
са не рассердился за покос, «на первом
же пне на краю вырубки со стороны ле-
са делает семь ударов топора, по числу
дней недели, и вырубает человеческое
лицо – грубейшую, понятно, скульп-
туру, пень пнем. И заклинание, обра-
щенное к духу леса, тоже всего из семи
слов... Пень, из которого идола делали,
должен был быть лицом к лесу обра-
щен: вот, мол, смотри – весь лес стоит
целехонек, я ему ничего дурного не
сделал»³.

О. Ларин вспоминает слышанное
им на Севере поверье, согласно которо-
му на месте срубленного в лесу дерева
тот, кто его срубил, должен «высекти
семью ударами топора лик человече-
ский»⁴. То есть, как я понимаю, в виде
компенсации за срубленное живое де-
рево, «оживить» мертвый пень, при-
дав ему человеческие черты, и этим за-
добрить лес, умиловить дух леса.

Идол в виде столба
калитки (2, 5 м).
Село Замезное

¹ Комарова С., Катушкин М. Кукольные
люди: Культурологический очерк. – СПб.,
1999. – С. 56.

² Миловский А. Скачи, добрый едино-
рог. – М., 1983. – С. 16.

³ Там же. – С. 16–18.

⁴ Ларин О. Поклонись дереву. – М., 1985. –
С. 40.

**За туюсами.
Жуклы из Черхой Торки
Краснодарского района**

*Мастер
Дмитрий Андреевич
Новинский*

*Берестяные туюса
работы
Д. А. Новинского*

Вернемся к пяти куклам из деревни Черная Горка¹. Я уже упоминала, что в их основе таится деревянная антропоморфная фигурка, тщательно обмотанная нитками, тряпками, ленточками и обшитая тканью. Обматывание, наматывание, накручивание, как пишут С. Комарова и М. Катускин, в традиционной культуре входило в определенный действенно-символический комплекс. Символика этого действия изначально основывалась на той роли, которую оно играло в «мифологические времена – времена творения мира, когда закрутилась и выкрутилась земля...»². Намотанная на веретено спряденная нить устойчиво связывалась с темой времени... «Нить жизни»... «Наматывать можно по солнцу» и двигаться в одном направлении со всем под ним живущим, то есть «работать» на жизнь; а можно «против солнца», попадая в сферы «не-жизни». Подчеркну, что во всех пяти куклах нитки и тряпки намотаны «по солнцу».

Наличие деревянной основы, однако, не снимает вопрос о внутреннем устройстве кукол, поскольку и сама основа, и способ ее утаивания в кукле – разные. Это хорошо видно на схеме, где представлены три вида конфигурации деревянной основы и внутренней конструкции кукол, основа которых уже спрятана под тканевой оболочкой. В статуарном отношении всего лишь одна кукла из пяти наделена ногами, полученными от деревянной внутренней фигурки, и всего лишь одна кукла не имеет рук. У остальных они пришиты к туловищу, что можно расценивать как фактор контаминации.

У всех кукол головы обшиты белой тканью, с лицами почти нейтральными, нарисованными карандашом или шариковой ручкой.

У двух кукол волосы сделаны из льняной кудели, две – вовсе без волос (головы в шапочках), и у одной куклы к голове пришиты и заплетены в косу человеческие волосы – по всему видно, волосы девочки, мягкие и тонкие.

Явно выраженные груди, сделанные из плотной ткани и пришитые нитками, имеются у двух кукол. У двух других груди представляют собой полоски ткани в несколько слоев, подложенные под одежду.

По внешнему виду куклы (размеры 25–27 см) будничные, больше

¹ Ныне деревня Новоандреевская.

² Комарова С., Катускин М. Кукольные люди. – С. 56.

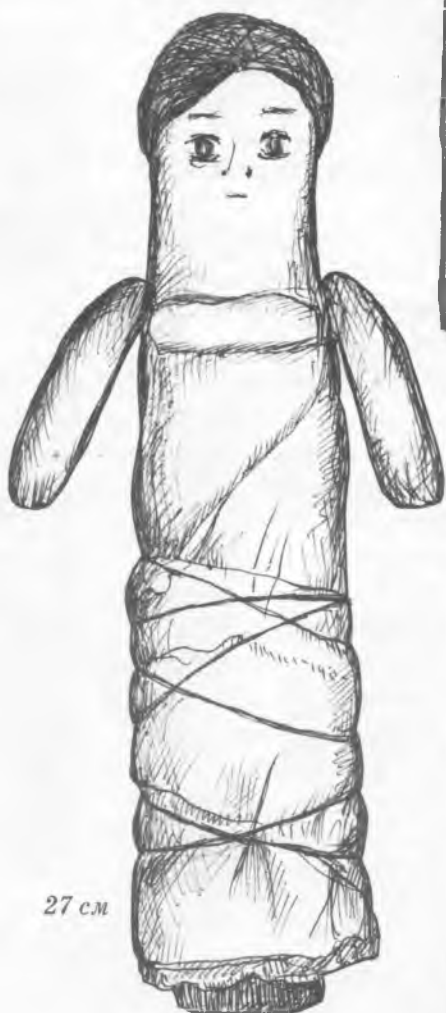

Александра Ивановна Новинская

Куклы из деревни
Черная Горка

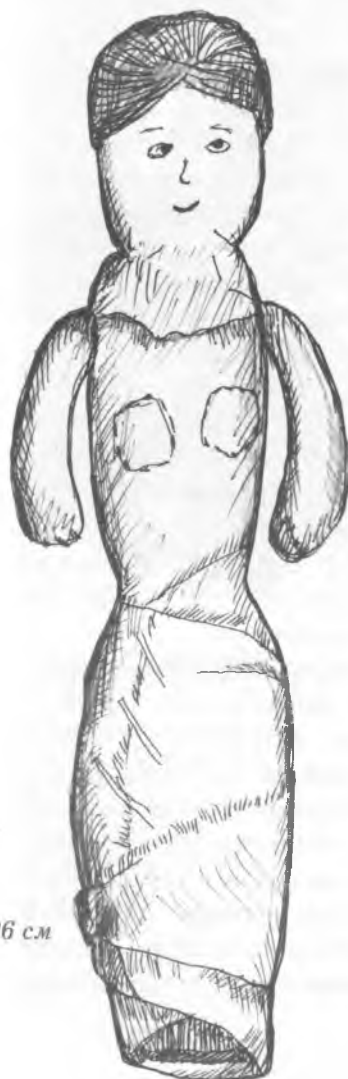

27 см

26 см

26 см

Соседи Новинских – семья Красильниковых

плоские, чем объемные. Одежда их сугубо домашняя, деревенская, пестрая, несколько полинявшая, обесцвеченная временем. Может быть, эта будничность и домашность служат прикрытием деревянной языческой основы, так сказать, определенным видом мимикрии. Альтернативой этим куклам является кукла из Архангельской губернии, хранящаяся в фондах Художественно-педагогического музея игрушки в Сергиевом Посаде. Она называется «Кукла на палочке» и датируется концом XIX – началом XX века. В ней деревянная основа не скрыта, как у наших кукол, а выявлена и продемонстрирована в виде условной головы – палки. Зато одета она в нарядную пышную юбку из добротных домотканых материалов.

Когда я в первый раз попала в фонды музея, то, внимательно рассматривая эту куклу, изучая ее внутреннее устройство, увидела под одеждой на месте живота примотанное деревянное изображение младенца. Это говорит о том, что данная кукла имела целевое обрядовое предназначение и вместе с тем представляла собой общий обрядовый образ кукол с деревянной

основой. Как отмечает Г. Дайн в уже упомянутой книге «Русская тряпичная кукла», «до сих пор на Русском Севере сохраняется традиция наряжать в костюм деревянную палочку – явный отголосок связи куклы с древней столбовой культовой скульптурой из дерева»¹. Показательно, что в фондах того же Музея игрушки в Сергиевом Посаде есть узбекская кукла из дерева, фактически деревянная палочка, обмотанная тканью, с деревянными руками – палочкой, образующей вместе с туловищем крест. Эту куклу с уже упомянутой архангельской «детородной» куклой роднит именно элемент детородности – живот, сделанный из полоски ткани, свернутой в виде спирали.

Описанные выше пять кукол и еще две перед ними, как по внешнему виду, так и по внутреннему образному наполнению значительно отличаются от той общей средовой празднично-декоративной атмосферы, которая стала как бы визитной карточкой Русского

¹ Дайн Галина, Дайн Мария. Русская тряпичная кукла: Культура, традиции, технология. – М., 2007. – С. 12.

Александра Ивановна Новинская, жена Дмитрия Андреевича

Севера. В этих куклах отсутствует фактор нарядности, в них нет или почти нет краснощекого оптимизма глиняных раскрашенных барынь-богинь и изображенных на прялках веселых катаний. Словом, нет того, что отложилось и с годами закрепились как антураж стереотипно-сувенирной экзотики. Эти куклы, очевидно, содержат в себе те образно-обрядовые основы, которые возникли значительно раньше, чем Север стал таким, каким мы его сейчас видим.

Делали этих кукол в основном пожилые женщины, вырастившие по пять, шесть и даже восемь детей, ходившие в школу кто месяц, кто два, а кто и полгода. Их куклы отображают будничную, повседневную сторону крестьянской жизни. И тут мы встречаемся с неким противоречием. В сундуках у этих женщин хранятся старинные нарядные костюмы, в которых они охотно фотографируются. У них есть богато вышитые вещи. Иногда даже в повседневной жизни они носят льняные рубахи с красным орнаментом-оберегом. В домах у них есть прялки — яркие, сочно украшенные красным растительным узором по золотистым фонам. В деревне Черная Горка, где под темным лесом стоят всего три дома, жил известный мастер, автор ярких, ловко расписанных туесов, Дмитрий Матвеевич Новинский. Остается загадкой — почему местные женщины не наделили кукол хоть частью того декоративного богатства, хоть малой толикой того празднично-обрядового узорочья, которые так же, как и труд и быт, входят в их жизненный уклад?

Браный узор на подоле

Деревня Великая Уфтюга

Архангельская кукла на деревянной основе.

На животе примотан плоский деревянный младенец.

Музей игрушки в Сергиевом Посаде.

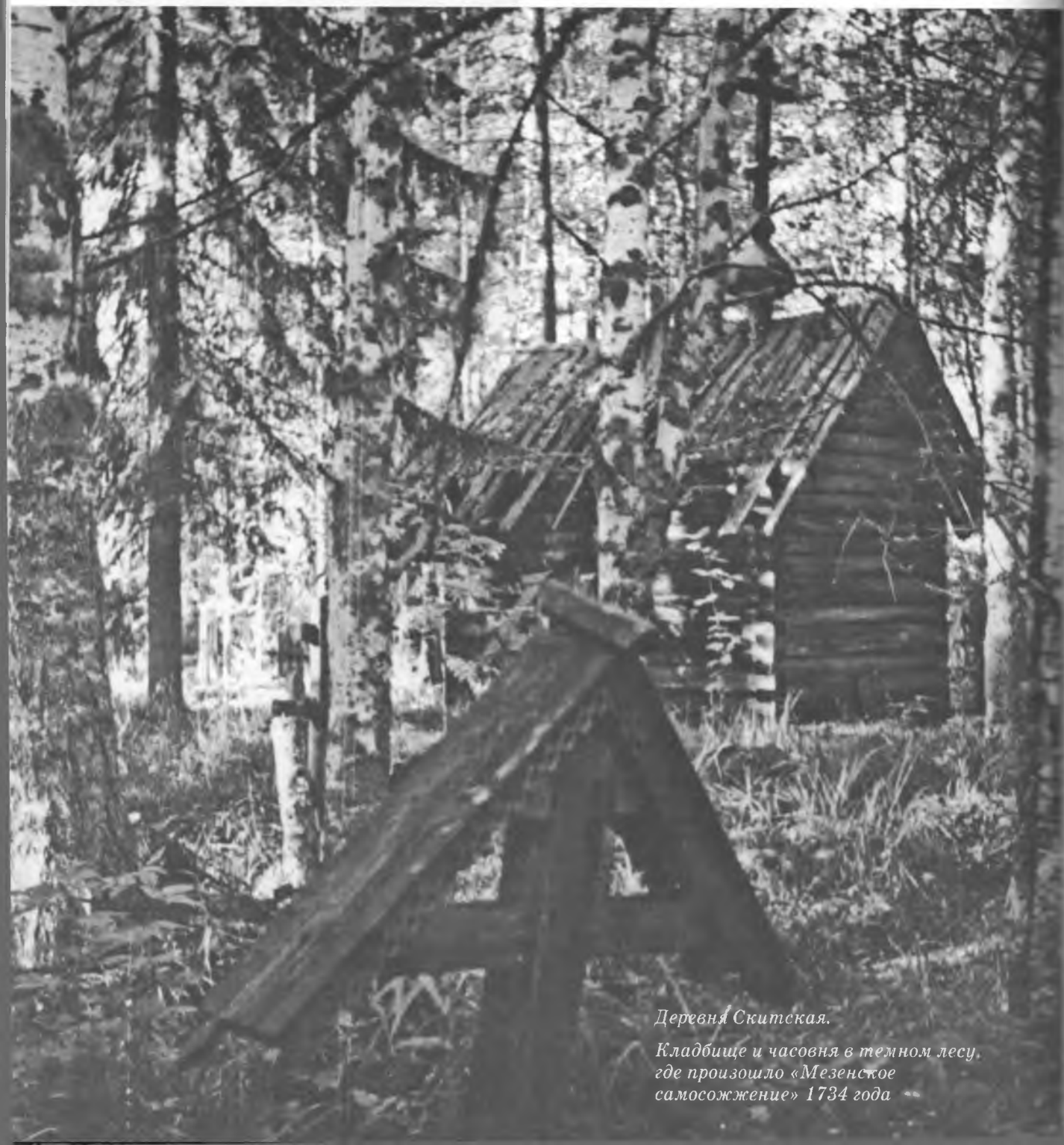
Фото 1973 г.

Усть-Цильма и Заможное.

«Торки».

За ложками

Деревня Скитская.

*Кладбище и часовня в темном лесу,
где произошло «Мезенское
самосожжение» 1734 года*

Куклы, вполне отвечающие празднично-обрядовой атрибутике Русского Севера, не похожие внешне и образно как на кукол из описанных мест Архангельского края, так и на ярославских и каких-либо других кукол, происходят из сел Усть-Цильма и За-межное. Эти села расположены значительно севернее, почти у самого полярного круга, на территории, которая в советское время принадлежала Коми АССР, но по сути их культурная, обрядовая и производственно-хозяйственная жизнь есть неотделимой частью жизни Русского Севера.

Тем не менее в куклах (именно в куклах!) запечатлены некоторые черты и детали, свидетельствующие о влиянии местного коренного населения, прежде всего коми, а может быть, и ненцев. Об этих влияниях речь пойдет позже, сейчас же хочу поделиться теми впечатлениями, которые произвела на меня поездка в эти далекие края лесов и холодных порожистых рек – притоков суровой Печоры. Вот запись, сделанная мною во время сбора материалов и подготовки к написанию этой книги:

«Моя поездка в Усть-Цильму, За-межное, Степановское, Скитскую сейчас мне кажется сном. Много воды утекло с тех пор. Много я забыла, временами не помню, как и чем я добиралась. Но красота, которую я увидела, живет во мне, счастье общения с ней вновь и вновь ко мне возвращается».

В 1966 году я купила книгу Юрия Арбата «Путешествие за красотой». Она стала моей настольной книгой и манила меня на Север. Из этой книги я узнала об Усть-Цильме и что есть на свете заповедные сказочные места, где до сих пор сохранились уклад, обычаи и обряды далекого прошлого. Из книги я узнала

Село Усть-Цильма

также о связях этих мест с древним Новгородом. Еще в XVI веке новгородец Иван Дмитриев получил разрешение Ивана Грозного взять на оброк нижнюю Печору с притоками Цильмой и Пижмой и поставил тут свою избу. Здесь поселились и другие новгородцы. И с этого началось поселение Усть-Цильма. Дух новгородцев жив там и до сих пор. А во второй половине XVIII века туда, спасаясь от преследования властей, потянулись староверы, раскольники, сначала в Усть-Цильму, а затем и дальше – на реку Пижму. Добирались туда прежде преимущественно зимой, сейчас же – самолетом или вертолетом.

«Печорский край, – пишет Юрий Арбат, – даже по северным меркам

Село Усть-Цильма. Река Печора

Улица в Усть-Цильме

место своеобразное, удивительное. Это подлинный заповедник красоты – красивой природы, красивых традиций, деревянных построек, красивой старинной одежды, красивых русских песен»¹.

Село Усть-Цильма, по сведениям Ю. Арбата, растянулось на семь километров вдоль Печоры. Число жителей – 3500 человек. На улицах дощатые тротуары, старинные двухэтажные деревянные дома и удивительно статные женщины в старинных костюмах. «Своими необычными нарядами, – подчеркивает Ю. Арбат, – усть-цилимки гордятся. В нем все традиционно, а как необычный красочный сколок прошлого наряда, конечно, он очень интересен... На женщинах кофты оранжевые, как июльский закат, фиолетовые, фишашковые, желтые. Юбки у всех обязательно украшены кружевами, только у молодых они цветные или даже золотые с канителью и кистями, а у тех, кому возраст не позволяет, – черные и без кистей. Кроме кружев полосами идут поперек юбок “бейки” – цветные ленты или парчовые полоски в несколько рядов. И платки не одинаковые, хотя самыми завидными почи-

таются чердынские, атласные, с крупными розами и другими цветами... На иных вся кофта парчовая, а наплечные “ластовицы” алого бархата – это, видно, от бабки или прабабки осталось. Им полторы, а то и две сотни лет»².

Думаю, что по-настоящему понять и ощутить кукол, сделанных в Усть-Цильме и Замежном, можно лишь после того, как воочию увидишь обрядовое действо, именуемое «Горкой». Считаю, что мне очень повезло: в течение одной поездки довелось присутствовать на двух «Горках» – в Усть-Цильме и Замежном.

О «Горках» существует довольно обширная литература. Исследователи этого явления подробно описали само действо, его ритмические, пластические и акустические нюансы, попы-

¹ Арбат Ю. Путешествие за красотой. – М., 1966. – С. 53.

² Там же. – С. 55.

Дом в Усть-Цильме с коньком на крыше

тались раскрыть его семантические истоки и космологические основы. Но можно сколько угодно читать об этом явлении и в то же время иметь о нем весьма отдаленное, туманное представление. «Горки» нужно видеть своими глазами, быть одновременно их зрителем и участником (косвенным), чтобы понять их красоту, постичь их космическую грандиозность. Может быть, я выскажу свое сугубо субъективное впечатление от «Горок», но в них мне видится рецидив древних шаманских действий по примирению и соединению в одно целое небесных и земных начал. Через участников «Горок» — людей в праздничной, яркой, богатой одежде — стихия земли (темного и тяжелого) посылает небесной стихии (светлого, теплого и легкого) сигналы о готовности творить, воспроизводить жизнь, стать животворящей силой. Во всяком случае такая идея «Горок» открылась мне, когда я в какой-то момент действия перестала быть просто зрителем,

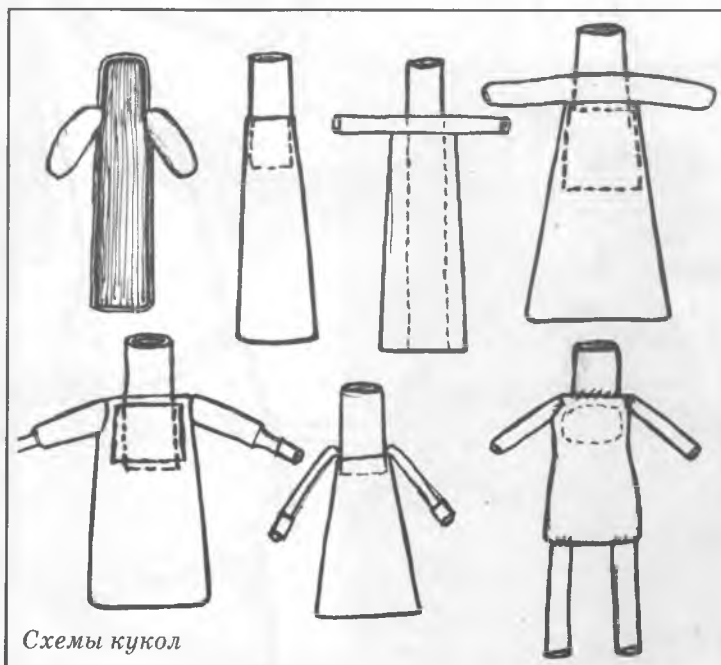

Куклы из села Замежного

а ощутила свою сопричастность к этой динамике изменчивого, исступленно-ритмического живого орнамента. Позже, рассматривая кукол, сделанных руками участниц «Горок» в Усть-Цильме и Замежном, я в них видела отголосок этого красочного орнаментально-динамического и орнаментально-звукового действия.

Центральная улица
в Усть-Цильме

Схемы кукол

*Участники «Горок», которые
сделали кукол*

«Горки» в селе Замезном. 1979 г.

Кукла
Марии Яковлевны
Тирановой

Евдокия Мяндина

*Кукла
Евдокии
Мяндиной*

**Куклы из села
Замежного**

*Кукла
на деревянной
палочке*

Из Усть-Цильмы и Замежного в нашей коллекции всего семь кукол. В общем они по силуэту, форме головы, характеру головных уборов, крою одежды, фактически по всем статуарным и иконографическим признакам похожи друг на друга. Казалось бы, отличаются тем, что кто-то делает более ловко, умело, употребляя более яркий, богатый материал, а кто-то делает менее умело, менее традиционно, ошибается в пропорциях, вносит небольшие диссонансы в общий колористический строй. Вместе с тем, если приглядеться внимательно, посмотреть на кукол оценивающе-критическим взглядом, то можно увидеть различие в основном в отношении образного характера, самой образной сути между куклами, сделанными в Усть-Цильме и Замежном. Этот факт объясняется довольно просто. Я уже упоминала о том, что кукол делали женщины – участницы «Горок». «Горки» же в Усть-Цильме и Замежном, при общей космологической основе, отличаются друг от друга, будучи воплощением разных психологических и содержательных вариантов. «Горки» в Усть-Цильме, на мой взгляд, более театрализованы, рассчитаны на

Участники «Горок» в селе Замежном

зрителя, на то, чтобы удивить последнего. Часть этих качеств передалась и куклам из Усть-Цильмы. Между тем куклы из Замежного, при общем сходстве, отличаются простотой, можно сказать простодушием, некой подлинной слитностью с природой и обрядом или с природой обряда.

Так же и виденная мной «Горка» в Замежном была подлинно обрядовой, содержала весьма мало нюансов театральности. Я ощутила себя свидетелем некоего творящего таинства. Именно о такой «Горке» Татьяна Неклюдова в статье «Поэтика северной «Горки»» пишет: «Жесты, ритмические движения хоровода, поведение и пластика, мелодии и характер хорового пения – “все” вводило участников «Горки» в особое состояние. ... Хороводы “Горки” воплощают единение человеческого и природного в сменяющих друг друга образах, уподобленных самой жизни, ее возрождению и обновлению. Хоровод на земле вычерчивает различные фигуры, как бы священные зоны в виде кругов, овалов, прямоугольников, спиралей...»¹.

В селе Замежном

¹ Неклюдова Т. Поэтика северной «Горки» // Декоративное искусство СССР. – 1984. – № 4. – С. 19.

Все эти фигуры вычерчиваются и в «Горках» Усть-Цильмы, но там, на мой взгляд, интимность подлинного обряда заменяется массово-карнавальным действием с элементами театральности. То же самое и в куклах: сделанные в Усть-Цильме крупнее размером, ярче, декоративнее, они более тщательно и подробно следуют букве нарядного «горочного» костюма.

В Музее игрушки в Сергиевом Посаде самыми красочными, нарядными, своеобразными, имеющими ряд характерных постоянных признаков, являются архангельские куклы. Но, как мы теперь знаем, не весь Архангельский край создает кукол такого типа, а та его часть, центром которой является Усть-Цильма. Именно там, как уже упоминалось, создавались и, надеюсь, ныне создаются куклы, образно, содержательно и декоративно связанные с «Горками». Среди них есть более и менее нарядные, яркие, пышные и поскромней, с элементами будничности. Но какими бы ни были внешние различия, иконографический тип и внутренняя конструкция этих кукол одинаковы за малым исключением. Все они плоские, матер-

Село Замезное. Река Пижма

чатые, мягкие, не предназначенные для того, чтобы стоять. Зато их удобно надеть на руку для игрового «оживляющего» манипулирования. В этом смысле они, что называется, по ладони – и взрослой, и детской. Скрытое под длинным платьем укороченное туловище удобно располагается между большим и указательным пальцами, которыми легко поворачивать куклу в разные стороны, имитируя танцевальные «горочные» движения.

Таким образом, основной внутренней конструктивной частью (материально-объемной) куклы является голова, представляющая собой очень плотную скрутку, к которой крепится небольшое укороченное туловище.

«Горка» в селе Замезном.

Хоровод ведет Григорий Матвеевич Чупров (расписывал ложки)

Ненцы
Нарьян-Мар

Нухуко. Архангельский
краеведческий музей

Оно плоское, напоминает мешочек. Сама же голова, вернее, видимая ее часть, имеет цилиндрическую удлиненную форму. Верх головы – макушка – плоский, обязательно прикрыт платком. Для того чтобы платок сидел более плотно, не сползал, к краю головы пришито что-то вроде кокошника, представляющего собой полоску ткани с двумя узелками на месте висков. С этой полоской и с платком, завязанным сзади, нередко сделанным из парчи или куса чердынского платка, голова куклы служит как бы дополнением к одежде – главной визуальной эффектной, сакральной и образно зна-

Архангельские куклы из музея
в Сергеевом Посаде

чимой части куклы. Пышное, широкое платье и венчающая его сравнительно маленькая вытянутая вверх голова придают кукле величавый вид.

Но было бы слишком просто, если не упрощенно, ограничиться в описании этих кукол их связью с «Горками» и старинным праздничным костюмом выходцев из Новгорода. Фольклорный артефакт, как правило, имеет несколько семантических слоев или уровней. Нередко его образность представляет собой сочетание своего родового, целостного, и рудиментарного, привнесенного элемента иной культуры. Этот привнесенный элемент не только дополняет и играет вспомогательную роль, но нередко придает образности свой особый лад, служит как бы ее камертоном. «Научно доказано, – подчеркивает Сигизмунд Кржижановский в новелле «Автобиография трупа», – что попытки распутать ассоциативные нити и изъять чужеродный, ввившийся в них образ только вернее закрепляет его в сознании». Таким чужеродным, точнее, привнесенным образным элементом в исследуемых куклах есть, как ни странно, голова. Она, в отличие от почти всех иных известных мне кукольных голов, не составляет с туловищем единого целого (когда голова

Село Замезное. Старики на завалинке

отличается способом перетягивания ниткой, шпагатом), даже не пришита (за редким исключением) к туловищу, а вставлена в него. Ее форма и, главное, факт вставленности вызывают ассоциацию с куклами из музея Нарьян-Мара, у которых вместо голов были вставлены птичьи клювы. Если действительно в данных куклах мы имеем сочетание обрядовой небесно-земной сакральности с сохраненными в рудиментах тотемно-обрядовыми представлениями, то, как уже отмечалось, образная основа кукол оказывается более сложной и глубокой в истоках, чем это следовало ожидать, ориентируясь только на поэтику «Горок».

Одной из причин моей поездки в Завьяновое было желание приобрести уникальные деревянные ложки с древним новгородским узором. Еще студенткой я любовалась такими ложками в фондах Русского музея в Ленинграде. Позже мне стало известно, что подобные ложки находили в раскопках древнего Новгорода. К сожалению, действующего эти ложки Павла Антоновича Мяндина к моему приезду уже не было в живых. Зато мне сделала куклу его племянница - Марфа Фотиевна Мяндина, у которой я остановилась и жила несколько дней. Кукла Мяндиной, при общем иконографическом сходстве с другими куклами этой местности, отличается некой сдержанностью, даже строгостью, можно сказать, аскетичностью. В статуарном плане ее нестандартность заключается в наличии элементов, представляющих собой две скрутки из белой ткани. Еще один фактор отличия заключается в том, что голова ее пришита к туловищу, а не вставлена, как у большинства местных кукол. Эта кукла, я полагаю, в своей визуальной и образной основе содержит черты

самой Марфы Мяндиной с ее нелегкой судьбой, с тем, что во время войны она была председателем колхоза и сидела в тюрьме за невыполнение плана по сдаче картофеля.

Кукла Мяндиной в своем внутреннем строении оказалась более сложной и, можно сказать, загадочной. Это обнаружилось совсем недавно, осенью 2009 года, когда я проводила в Москве занятия по изготовлению народных кукол. В качестве образца была взята именно кукла Мяндиной как простая и выразительная в своей лаконичности. В результате Татьяна Басова, в чьей мастерской проходило занятие, обнаружила ряд скрытых нюансов, которые несколько изменили мое видение кукольного образа.

Татьяна Басова, собравшая коллекцию из более 600 кукол и устраивающая выставки во многих городах России, как опытный практик увидела, что

Девочки - участницы «Горок»

скрутки, образующие голову, руки и ноги куклы, скручены наполовину в одну сторону – по солнцу, и наполовину в другую – против солнца. Края каждой полоски ткани загибались в разные стороны. Станным мне показалось то, что верх головы куклы прикрыт прямоугольным кусочком кожи белого цвета. Этот кусочек крепко пришит, а для чего – неизвестно. Я обращаю на это внимание в надежде, что исследователи кукол в дальнейшем, встретив подобное явление, может быть, разгадают его смысл.

По верхнему краю головы этой же куклы пришита скрученная полоска ткани с двумя узелками над височной частью, что, очевидно, дает возможность, когда одевают сверху платок, создать впечатление местного головного убора. Это придает величие образу.

Кроме куклы Мяндиной, имеющей, так сказать, внешнее отличие от остальных, еще одна кукла из Замежного, при внешнем иконографическом стандарте, отличается своей внутренней основой. Последняя представляет собой деревяшку в виде небольшого полена, почти необработанного. Этот

Марфа Мяндина с мужем Павлом Антоновичем и падчерицей

факт является еще одним подтверждением живучести среди местного населения образа деревянного идола.

На порожистой реке Пижме в 20 км от Замежного, возле села Скитское, мне довелось побывать в темном и мрачном еловом лесу, где валялись большие пятиметровые кресты с вырубленными на них особыми знаками. Кресты были в свое время воздвигнуты в память о старообрядцах, которые двести лет тому назад, не желая покориться официальным властям, совершили самосожжение.

Павел Антонович Мяндин расписывает ложки

Сын Марфы Мяндиной Роман с семьей. Его жена Евдокия сделала для меня куклу

За прялкой

Марфа Мяндина

*Вид сверху.
Головной убор
под платком*

24 см

**Марфа Мяндина
и ее кукла**

Кукла М. Мяндиной

Кукла из Палашелья

Кукла Ирины Афанасьевны Кузьминой

Близкой к усть-цилемским куклам, скорей всего по общности новгородских предков, есть кукла из труднодоступного или почти недоступного летом Палащелья Лешуконского района. Ее автор – Ирина Афанасьевна Кузьмина. Еще в начале 1970-х годов, узнав о ней из книги Юрия Арбата, я написала письмо с просьбой сделать куклу. И вскоре из полученной бандероли, как из бумажного кокона, запаянного сургучом, извлекла куколку, напоминающую, скорей, экзотическую бабочку – живую, нарядную, пестро-узорчатую. Иконографически и статуарно она значительно отличается от кукол из Усть-Цильмы: имеет ноги и руки; туловище и голова представляют собой одно целое; к туловищу приставлены груди из плотной белой ткани, прихваченные нижней юбкой. Туловище, руки и ноги – это, собственно, скрутки разного объема из той же плотной белой ткани. Нарядно-пестрая одежда куклы, способ повязывания платка, ее общий боярский вид наводят на мысль о ее близости к новгородским женским образам. Лишь одна деталь связывает ее с куклами из Усть-Цильмы – ободок по краю цилиндрической головы из скрученной полоски ткани с двумя узелками в височной части. Высота куклы – 28 см.

Автор куклы Кузьмина принадлежит к славному роду мезенских мастеров по росписи прялок. Мезенские прялки самобытны, ни на какие другие прялки не похожи. Кстати, женщины Усть-Цильмы издавна пользовались прялками, сделанными в Палащелье. К сожалению, продуктивное развитие этого промысла прекратилось еще в начале 1950-х годов. Последнюю прялку расписал для Юрия Арбата муж Ирины Афанасьевны – Иван Васильевич Кузьмин.

Палащелье

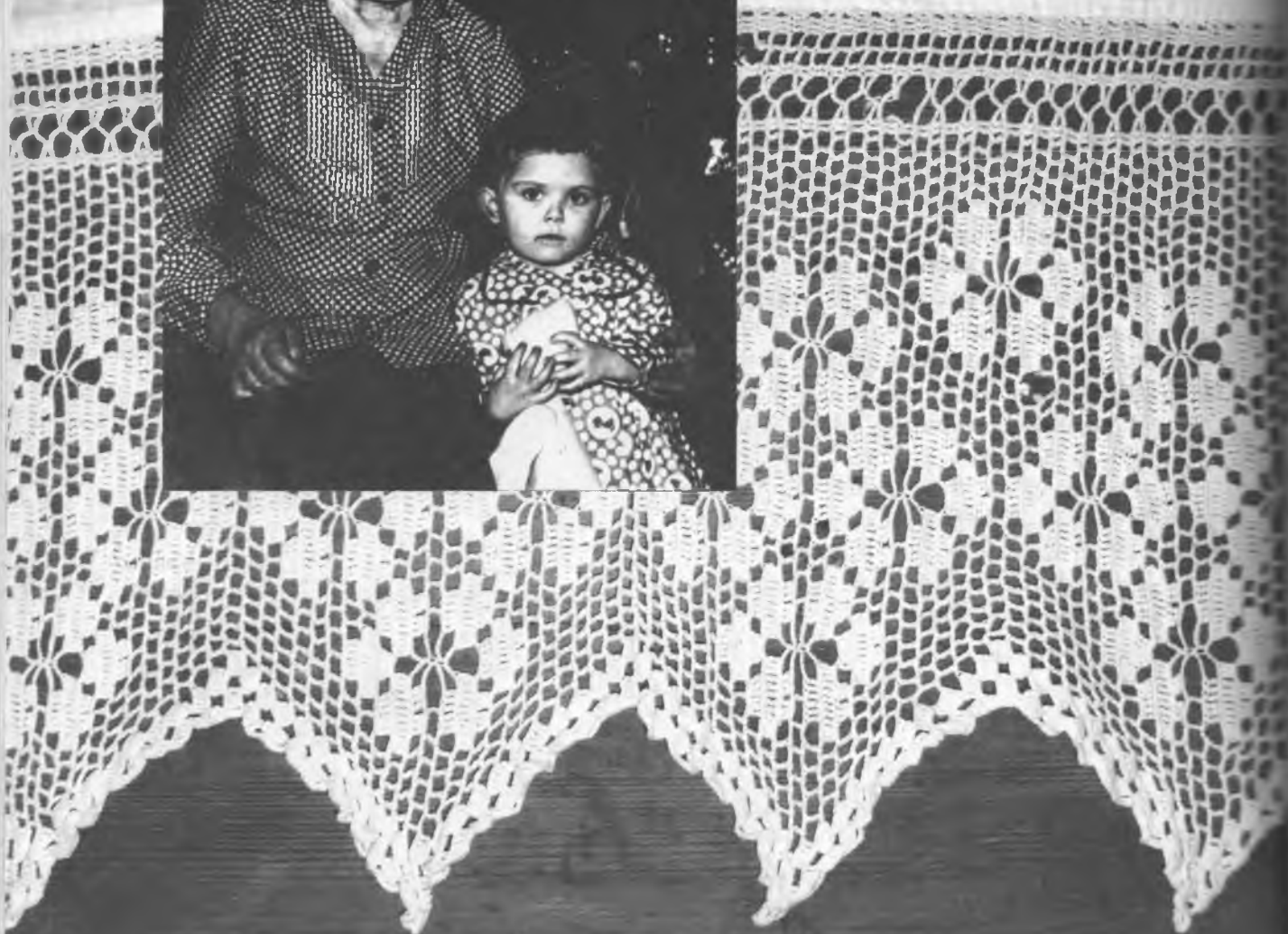
$H = 28 \text{ см}$

*Кукла Ирины
Афанасьевны
Кузьминой.
Палащелье,
Лешуконский
район*

**Кукла
Елизаветы Тригорьевны Лозинской
из села Шеговары**

*Е. Г. Лозинская
с внучкой
Людой.
1982 г.*

Книга Юрия Арбата воистину стала для меня путеводной. Ей я обязана заочному знакомству с еще одной замечательной женщиной – жительницей Русского Севера – и пополнением моей коллекции очередной удивительной куклой. Ю. Арбат пишет: «У Елизаветы Григорьевны Лозинской изба просторная с большой светлой горницей, тихая, обжитая, уютная. И сама она – женщина средних лет, спокойная, неторопливая и тоже какая-то уютная, говорящая вполголоса, спокойно, доброжелательно, округлыми, легко рождающимися фразами и охотно дарящая ласковые слова... Долго служила на почте, принимала и отправляла письма и посылки. После смерти мужа воспитывала двух дочерей. Несчастный случай подорвал здоровье, сделал ее инвалидом»¹.

Ю. Арбат также пишет о стихах Лозинской. Они просты, бесхитроутны и искренни. Сама Елизавета Григорьевна рассказывала, что она «бредет ~~ли~~ [она] лесом, рожью ли, сидит ли возле избы, все идут на ум стихи... просто, когда на душе спокойно, сами собой приходят слова, складываются строки»². С этой женщиной, а впоследствии и с ее дочкой, у меня завязалась довольно длительная переписка. А началось все с моей просьбы в первом письме к ней сделать куклу.

Небольшая (21 см) кукла Лозинской лежала в коробочке, где были матрасик и подушечка. Одея она в белую кофточку, красный сарафан и платочек – красный в белый горошек. На первый взгляд, обычная куколка, разве что отличающаяся некой мягкостью, почти невесомостью. Только недавно, внимательно рассматривая куклу, я открыла ее удивительные, казалось бы, находящиеся за пределами логики,

Село Шеговары

свойства. Ее образ изменился, стал удивительно впечатляющим после того, как я сняла с нее платок. В отличие от остальных кукол, в которых основным является образ идола или во всяком случае явственны языческо-обрядовые черты, в этой кукле с ее чистым, белым лицом, слегка обрамленным льняными волосами, обнажился образ, исполненный чем-то близким к христианской духовности. Об этом говорят мягкие, чистые, в то же время плавные и текучие линии головы, да и всей фигуры. Кукла Лозинской настолько тонко и деликатно сделана, что я чувствовала себя неловко, когда, стараясь понять конструкцию, прощупывала под платьем ее устройство. Было такое ощущение, что я вторгаюсь во что-то сакральное. Даже когда я старалась контурно зарисовать этот образ, то столкнулась с непреодолимой проблемой: он был настолько тонким и пластически совершенным, что малейшее искажение разрушало его – куда-то

¹ Арбат Ю. Путешествие за красотой. – М., 1966. – С. 172.

² Там же. – С. 174.

уходили его чистота и трепетность. Недаром Е. Лозинская в письме ко мне отмечает: «Я и сама люблю этих кукол больше всяких дорогих, купленных. Наши куклы какие-то родные, теплые, а те холодные, скользкие, неживые. На всю жизнь я запомнила тряпичную куклу, которую мне сшила мама. Радости, равной той, я не запомнила больше за все детство.

Эта кукла конца XIX – начала XX века. Таких для внучат делали бабушки. На лице куклы ни глаз, ничего не рисовали. Ног тоже не было. Куклы были такие теплые, с ними хорошо было спать, их удобно было завертывать во что угодно, они не скользили и руки у них свободно поднимались, а в ногах мы и не нуждались. Белая кофточка

и красный сарафан – это наряд девушки, в котором она выходила в свободный вечер на “лужок” в хоровод».

В своем внутреннем устройстве кукла Елизаветы Григорьевны столбовобразна. Туловище вместе с головой и грудью представляет собой что-то вроде мешочка, вверху очень плотного, объемного, наполненного, очевидно, по особому сформированными кусочками ткани. Самое плотное место – голова удлинненной формы, плавно переходящая в расширенную грудь. Внизу плотность мешочка теряется, и он становится тонким и плоским. К груди прикреплены руки, представляющие собой тонкие, к концам утолщенные скрутки. Лицо лишено черт, волосы – длинная коса из льняной кудели.

Село Шеговары

Кукла Е. Г. Лозинской

Кукла Е. Г. Лозинской

*Прялка
шенкурская*

Кукла из Вельска

Кукла, формально контрастная только что описанной кукле Е. Лозинской, имеет вместе с тем ряд приблизительно сходных с ней образных черт. Эта кукла происходит из Вельска, находящегося в 180 км от Шенкурска – по северным меркам всего ничего. В начале 1990-х годов мне подарила ее Галина Маркова – художник-керамист, выпускница моего Мухинского училища, неутомимая путешественница по Русскому Северу. Ездил всегда одна, с фотоаппаратом и блоком для зарисовок. К сожалению, суровые годы перестройки ее не пощадили: лишенная любимой работы и возможности путешествовать, она трагически погибла.

Кукла из Вельска по внешнему виду более грубая – широкая, с крупной головой и довольно большим округлым лицом. Последнее имеет черты: две точки – глаза, черточки – брови, нос и рот. Волосы с двумя косичками из льняной кудели. Одета в кофту и юбку из красной в клеточку домотканой материи.

27 см

Галина Маркова

Внутреннее устройство – то же, что и у куклы Е. Лозинской, – мешочек, образующий голову и туловище. Он набит ватой.

Голова значительно шире туловища за счет подложенной в несколько слоев марли. Сверху она обтянута белой тканью. Две руки из марли, обтянутой материей, соединены в накладка с шеей, что создает впечатление плеч, груди и делает куклу широкой.

Общий образ куклы – наивная, несколько простая крестьянская девочка.

Куклу в 1985 г. сшила Александра Александровна Кубенкина (1923 г. р.) из деревни Шиловской. Сейчас проживает в Вельске

Жуколки из Заожежья

Яндомская часовня

Фрагмент
вышивки
Александры
Васильевны
Никулиной

Завершаю рассказ о куклах Русского Севера описанием двух небольших куколок, сделанных в 1973 году Феодосьей Петровной Нефедовой из поселка Огорельши Медвежьегорского района. Этот очень красивый край заонежских озер и лесов я посетила в 1964 году. Тогда же и познакомилась с Феодосьей Петровной. Впоследствии, когда стала увлекаться куклами, послала ей письмо с просьбой сделать и прислать куклу, подобную тем, которыми она играла в детстве. Вскоре получила бандероль с двумя куколками. В письме Феодосья Петровна писала: «Высылаю вам две куклы, какими раньше играли в нашем районе. И такими я играла до школы, такими, которая без глаз. А потом пошла в школу – дали карандаш. Я другой сделала глаза карандашом».

Куколки – большая (17 см) и маленькая (13 см) – неказистые, простые,

Дом в Заонежье

очень домашние. Обе с руками и не имеют ног. Обе одеты пестро – в платьях зеленых в мелких цветочках и в красных передниках. Передник маленькой куклы «без глаз» полосатый, в белую полоску по красному, придает ей определенную детскую веселость, можно сказать, кукольную игровую веселость. Это несмотря даже на по-бабьи повязанный платок. Кукла покрупнее – с нарисованными чертами

Заонежье

Устина Яковлевна Радчева за прялкой

лица – в красном платке, завязанном сзади, имеет более солидный вид, как бы олицетворяя бытовой образ северной крестьянки.

Так же как и внешний вид, внутреннее устройство этих куколок про-

стое и лаконичное. К шаровидной голове пришито узкое сигарообразное туловище. Руки плоские, тонкие, можно сказать, представляющие собой видимость рук, сделаны из узких, сложенных вдвое полосок ткани, пришитых к туловищу: одной полоской к груди – так, что получается крест, – у маленькой, и двумя отдельными полосками к верхней части груди – у большой.

Вышивка до сих пор очень распространена в Заонежье. И в наши дни существует мастерская, где изготавливают полотенца с вышивкой, правда, уже не ручной, а машинной.

Вообще, Заонежье – самый поэтический, сказочный край. Край белых ночей, голубых озер и рек и удивительной деревянной архитектуры, затерянной среди лесов.

Евдокия Чулкова за ткацким станком

*Александра Васильевна
Никулина*

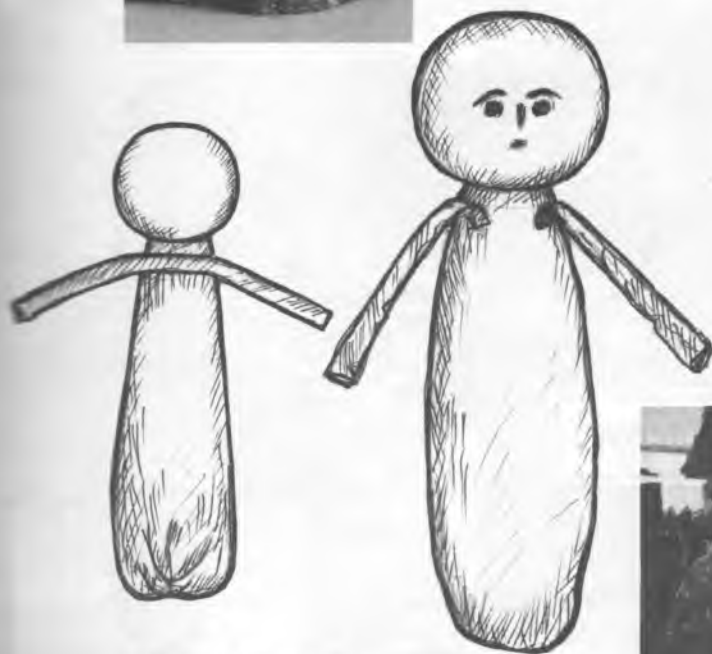
Света Баранова

13 см

17 см

Куклы, сделанные Феодосией
Петровной Нефедовой,
дочерью Евдокии Петровны
Нефедовой.
Поселок Огорельши
Медвежьегорского района

Евдокия Петровна Нефедова с правнуками

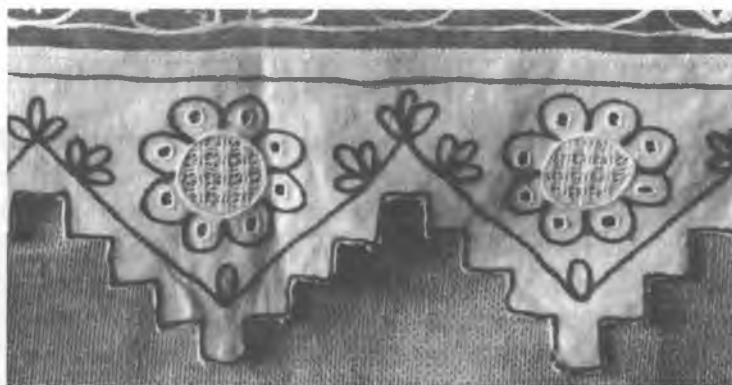

Люди Архангельской земли

Послесловие ко второй части

Конец полотенца. Вышивка

Как видим, куклы Архангельского края разнообразны и по внутреннему строению (конструкции), и по внешнему виду, декоративным и образным признакам. Но, за малым исключением, есть в них нечто общее, объединяющее, отличающее их от ярославских крестьянских кукол, а также от кукол других регионов. Даже описанные нами куклы в будничных, повседневных нарядах все равно ближе к архангельским праздничным куклам, чем к ярославским. Последние более крестьянские, в своей образной основе содержат определенную толику крестьянского родового консерватизма, который налагает на них печать некой обособленности, самоуглубленности, сдержанной коммуникабельности.

Тут нельзя свести все к обрядовым истокам, хотя последние в Ярославской области, с ее сравнительно автохтонным населением, очевидно, более глубокие и менее замутненные посторонними влияниями. Фактор различия коренится и в этом, и еще больше — в природных, климатических и ландшафтных условиях, которые определяют или диктуют способы добычи средств существования. Если ярославские крестьяне в большинстве своем хлебопашцы и лесовики, то архангельские — рыбаки, охотники и известные мастера в основном по плотницкому делу. Русский Север не знал крепостного

права, он был в свое время завоеван новгородскими ушкуйниками, которые потеснили местное население и в то же время частично смешались с ним. Позднее на Русский Север бежали от религиозных гонений старообрядцы и раскольники; вольнолюбивые крепостные — от помещиков; туда же ссылали неугодных властям людей. Все это содействовало формированию особого менталитета местного населения, особой социальной среды, в которой оно долгое время пребывало. Сама широта пространства, его неисходимость косвенно запечатлелись в образе местных крестьянских кукол. Естественно, что они и по внешнему виду, по декору и иконографии отличаются от ярославских, даже в некотором роде являются их противоположностью.

Возьмем хотя бы внешний вид и внутреннее устройство. Традиционные ярославские крестьянские куклы, созданные в разных местах, как правило, имеют одинаковое внутреннее устройство, о котором выше шла речь, и одновременно могут существенно отличаться друг от друга по внешнему виду, одежде, декору. Архангельские же традиционные крестьянские куклы, даже созданные в разных местах, как правило, внешне похожи и, как уже отмечалось, характерны некоторой сближенностью формальной и образной типажности, а вместе с тем

совершенно разные по внутреннему устройству, конструктивной основе. Дело в том, что архангельские населенные пункты разбросаны в дремучих лесах, среди болот, на большом расстоянии друг от друга. А кроме того, очевидно, жители этих населенных пунктов в свое время пришли туда из разных мест, где уже существовали свои традиции изготовления обрядовых кукол.

Помимо этого, как уже говорилось выше, в жизнь крестьян Архангельской земли были вплетены некоторые не крестьянские элементы. Атрибуты городской русской провинциально-праздничной культуры, присутствующие в женской одежде и домашней обстановке, повлияли на общий образ всех кукол Архангельского края. Если собирательный женский образ ярославской традиционной куклы имеет доминирующие крестьянско-мещанские черты, то образ архангельской народной куклы – празднично-мещанские и боярские черты. Этому, скорее всего, способствуют

как разный характер быта, уклада, традиций, информационных факторов, так и метафизические нюансы местной обрядности: общей, единой для крестьян Ярославщины и своей особенной – для жителей разных местностей Архангельского края.

Тем не менее, куклы ярославские и архангельские, а также вологодские, ивановские, вятские, пензенские, рязанские и так далее – куклы русские: они имеют между собой много общего и, сравнительно с куклами других народов, главное – некую образную общность характера вписанности в окружающий мир, свидетельствующую об определенной общности представлений о мире, принципов обрядности и образных основ. В этом уникальность куклы с ее долго скрывавшейся и совсем недавно открывшейся сущностью – быть связанной с прошлыми веками, служить объектом изучения и неким зеркалом, подчеркивающим и выделяющим основные базовые черты населения, нации, народа.

Шкатулка, инкрустированная соломкой, из дома Гребенчиковых

Коротко о себе

Л. С. Орлова

Мне кажется, что вся моя жизнь, чтобы я написала свою единственную книгу – книгу о крестьянской тряпичной кукле. Я должна была это сделать, чтобы поделиться своими открытиями в этой области.

Мои предки родом с Ярославщины, поэтому считаю себя «ярославской растрепой», хотя место моего рождения – Ленинград, где в общей сложности я провела 30 лет. До семи лет жила там с родителями в маленькой комнатке на пятом этаже большого доходного дома. Над нами был пыльный чердак, где жители сушили белье. Внизу – петербургский двор с сараями, дровами, запахом сырых опилок, где

прятались мокрицы и многоножки, а по стенам лазали почти бесплотные на тонких длинных суставчатых ногах пауки «коси-коси-сено».

Война застала меня вместе с мамой в ее родной ярославской деревне Дворково, где жила бабушка с младшими мамиными сестрами. Отец остался в Ленинграде, был призван в армию и погиб в 1944 году.

Именно во время войны в деревне Дворково прошло мое полуголодное, но счастливое детство – на земле среди трав и цветов, бревенчатых изб, под небом, на воле, среди простых людей в большой дружной семье моей бабушки Евдокии Ивановны Качаловой. Там я познала крестьянский труд и полюбила землю, там же впервые увидела и – увы – поначалу не оценила подлинные крестьянские куклы.

Война закончилась, и я опять с мамой в Ленинграде. Живу уже в другом большом доходном доме, тоже под И снова – во дворе дровяные сараи и запах сырых опилок...

Каждую зиму ждала лета, чтобы проводить каникулы у бабушки в деревне, в окружающих ее полях и лесах.

Любила рисовать, любила детей. Стала учительницей рисования. Любовь к наивным детским рисункам пересеклась с любовью ко всему простому и наивному, в том числе и к примитивным куклам. А любовь к цветам и народному творчеству привела меня в Художественно-промышленное училище им. В.И. Мухиной на отделение текстиля. Окончив его, уехала в Киев работать на Дарницкий шелковый

Мне 1 год и 2 месяца

Мое довоенное детство в Ленинграде

С отцом на прогулке

Наш двор на р. Пряжке. Вера, Аля, Люся

комбинат. Он стоял в стороне от города среди чистых днепровских песков и сосен. Я уехала от балтийских ветров и дождей к золотым куполам Софии Киевской и Лавры. В Украине я столкнулась с живым народным искусством: на базарах гончары

продавали глиняную расписную посуду, керамические свищики (свистульки), «барынь» (панны, кумы); на выставках очаровывали яркие работы Марии Примаченко, Ганны Собачко-Шостак, таинственные волшебные цветы Катерины Билокур; вызывали восхищение панно Александра Саенко

с композициями из золотой и серебристой соломки. Все это было искусством живым, подлинным и наполняло меня счастьем.

Но каждый отпуск я отправлялась в близкие и далекие путешествия к природе и к простым людям, за новыми

впечатлениями. Именно после летних поездок появились в нашей коллекции тряпичные куклы. В этих куклах я увидела отголоски, формальные и образные частицы и каменных баб из степей Украины, и африканских деревянных культовых изображений, и керамических фигурок из Каргополя, Филимоново,

Вера и Люся. Ленинград, 1940 г.

*Екатерина Орлова с дочерью Люсей.
Такое же фото мой отец носил в кармане
солдатской гимнастерки. 1942 г.*

Опишни, Косова. Главными моими достижениями есть открытие, возвращение из небытия и обнародование (с помощью мужа – Александра Найдена) украинских крестьянских кукол и открытие, собрание и в данном случае попытка обнародования ярославских и частично архангельских крестьянских кукол. Подчеркну, крестьянских, аутентичных кукол, а не сувенирных куколок-манекенов в праздничной национальной одежде. Еще подчеркну, что куклами мы стали заниматься в 1960-х годах, когда мало кто обращал на них внимание...

И ныне ярославских кукол почти нет в музеях, то же можно сказать и об украинских куклах. В своей книге я предпринимаю попытку рассказать, как они появились на свет, как

очутились в нашей коллекции; прослеживаю также и постепенный упадок традиций среди сельского населения и городских жителей – выходцев из сел и деревень. Так что, в конце концов, могу с сожалением констатировать, что традиция спонтанного, непосредственного в естественной среде изготовления ярославских кукол исчезла.

То же самое можно сказать об украинских крестьянских куклах. Но здесь, к счастью, положение несколько иное. Мы с мужем, искусствоведом А. Найденом, собрали коллекцию украинских народных кукол, в частности в ареале Среднего Поднепровья, особый иконографический тип кукол, именуемых «княгинями». А. Найден, начиная с середины 1970-х годов, опубликовал ряд статей об этих куклах в киевских журналах, посвятил им большой раздел в книге «Украинская народная игрушка» (1999), издать которую помог фонд Сороса. В этой книге много сделанных мною фотографий кукол и сельских женщин – их авторов, а также моих таблиц и зарисовок.

Наши усилия не пропали даром: ныне иконографический тип куклы «княгини» стал известен всей стране.

Я с дочерью Зоей. 1985 г.

Литература

- Аверинцев С. С.* Память и время: ДИСССР, 1979. – № 7.
- Арбат Ю.* Путешествие за красотой. – М., 1966.
- Белов В.* Лад. – М., 1989.
- Блинов Г.* Чудо-кони, чудо-птицы.
- Вагнер Г. К.* Канон и стиль в древнерусском искусстве. – М., 1987.
- Герчук Ю. Я., Домшлак М. И.* Художественные памятники Верхней Волги. – М., 1968.
- Дайн Г. Л.* Русская народная игрушка. – М., 1981.
- Дайн Г. Л., Дайн М. Б.* Русская тряпичная кукла: Культура, традиции, технология. – М., 2007.
- Дурасов Г. П.* Каргопольская глиняная игрушка. – Л., 1986.
- Комарова С., Катушкин М.* Кукольные люди. – СПб., 1999.
- Комарова С.* «Кукольные мужички» в собрании РЭМ: гендер в предметно-символических кодах культуры // Мужской сборник. – Вып. 2. – М., 2004.
- Косменко А. П.* Карельское народное искусство. – Петрозаводск, 1977.
- Костомаров Н.* Славянская мифология. – К., 1847.
- Ларин О.* Поклонись дереву. – М., 1985.
- Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки. – М., 1978.
- Миловский А.* Скачи, добрый единорог. – М., 1983.
- Найден О. С.* Українська народна іграшка. – К., 1999.
- Найден О. С.* Українська народна лялька. – К., 2007.
- Неклюдова Т.* Поэтика северной «Горки»: ДИСССР, 1984. – № 4.
- Попович М. В.* Мировоззрение древних славян. – К., 1985.
- Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. – М., 1987.

Науково-популярне видання

Орлова Людмила Семенівна

**Ляльки та люди:
Про ярославські, архангельські
та російські нівнічні ляльки
з колекції Л. Орлової та О. Найдена**

(російською мовою)

За редакцією доктора мистецтвознавства
Олександра Найдена

Технічний редактор І. Риндюк
Художній редактор І. Пилипенко

Підп. до друку 11.05.2011 р. Формат 60x84/8.
Папір офс. Друк офс. Гарнітура SchoolBook.
Ум. друк. арк. 24,5. Об.-вид. арк. 12,1.
Замовл. № 0511-11.

ТОВ Видавничий дім «Стилос»
04080, Київ-80, вул. Набережно-Лугова, 5, к. 30. Тел.: (044) 467-53-50, 417-42-39.
Свідоцтво Держкомінформу України (серія ДК № 1465 від 13.08.2003 р.)

